

Российская академия наук
Институт славяноведения

**НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ
УКРАИНСКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ НАЦИЙ:**

ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ, СООТНЕСЕНИЯ

Москва
2004

Российская академия наук
Институт славяноведения

**НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ
УКРАИНСКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ НАЦИЙ:**

ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ, СООТНЕСЕНИЯ

Москва
2004

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Л. Е. Горизонтов*

Рецензенты:

доктор исторических наук профессор *Г. Ф. Матвеев*,
доктор филологических наук *Л. А. Софронова*

В издании публикуются материалы трех междисциплинарных круглых столов, проведенных Отделом восточного славянства Института славяноведения РАН с апреля 2001 г. по май 2003 г. и ставших заметной вехой в развитии отечественной украинистики и белорусистики. Определяющим вектором всех обсуждений, в которых приняли участие около 30 российских ученых, явились этнополитические, культурные и языковые метаморфозы восточного славянства в середине XVII — первой трети XX вв.

Исторические пути и перепутья восточных славян глазами российских ученых

В настоящем издании впервые публикуются вместе материалы трех «круглых столов»: «Восточные славяне в XVII—XVIII вв.: этническое развитие и культурное взаимодействие», «Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период)», «Государственно-политический фактор в развитии украинской и белорусской наций (первая треть XX в.)». Публикация под одной обложкой обсуждений, объединенных в значительной степени общностью тематики и участников, не только удобна для читателей и способствует распространению новейшей научной продукции российских специалистов, но также дает хороший повод для осмысления проделанной работы в целом, уточнения и развития ряда выдвинутых в ходе ее положений, извлечения уроков на будущее.

Все три обсуждения были проведены под руководством автора настоящей статьи на базе Отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. Первое из них состоялось 4 апреля 2001 г., второе — 2 октября 2002 г., третье — 20 мая 2003 г.* С учетом периода предварительной работы над выступлениями и времени, потребовавшегося для подготовки материалов к печати, осуществление проекта заняло более трех лет.

Всего в заседаниях 2001—2003 гг. приняло участие 30 российских специалистов (их полный список помещен в конце книги). Проведением «круглых столов» решались стратегически важные координационные задачи: лишь немногим более трети участников — сотрудники Отдела восточного славянства.

* Материалы двух первых «столов» опубликованы соответственно в журнале «Славяноведение» (2002, № 2, С. 3—35) и ежегоднике «Белоруссия и Украина: история и культура» за 2003 год (М., 2003, С. 129—196), материалы последнего «круглого стола» будут изданы в том же ежегоднике за 2004 г. По понятным причинам, журнальная публикация несколько более компактна, чем две остальные.

Помимо них (во всех трех обсуждениях из числа сотрудников Отдела выступили с докладами Л. Е. Горизонтов, Ю. А. Лабынцев, О. А. Остапчук, М. А. Робинсон и Л. Л. Щавинская), в дискуссии участвовали представители еще 7 научных подразделений Института славяноведения РАН: трое сотрудников Отдела истории славянских народов периода мировых войн и по одному сотруднику от Отдела истории средних веков, Отдела этнолингвистики и фольклора, Отдела истории культуры славянских народов, Отдела типологии и сравнительного языкознания, Отдела истории славянских литератур, Отдела современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Из представителей перечисленных 7 отделов особенно большой вклад в работу внесли И. В. Михутина и Е. Е. Левкиевская.

Российская академия наук на «круглых столах» была представлена также Институтом мировой литературы (два участника), Институтом российской истории и Институтом всеобщей истории. Вузовскую науку представляли Московский (три участника), Брянский и Воронежский государственные университеты.

Обсуждения в формате «круглых столов» оказались весьма плодотворными в плане взаимодействия академической и вузовской науки, а в известной мере также столичных и нестоличных научных центров. Они объединили ученых всех поколений, не исключая аспирантов, заканчивающих работу над кандидатскими диссертациями. Подбор участников производился таким образом, чтобы все они имели опыт работы с первоисточниками по обсуждаемой проблематике. При этом, разумеется, собственно украинско- и белорусоведческие сюжеты занимают неодинаковое место в их исследовательской практике.

Приобретенный в процессе осуществления проекта опыт координации показал, что, несмотря на справедливость сетований по поводу нехватки кадров, российская наука уже сейчас располагает специалистами, способными решать крупные проблемы, связанные с прошлым Украины и Белоруссии. Имеющийся кадровый ресурс был далеко не полностью исчерпан даже в Москве, не говоря о регионах РФ, прежде всего тех, которые граничат с нашими восточнославянскими соседями. Первостепенное значение в координационной работе имеет постановка проблемы, способной объединить большой коллектив ученых, адекватной потреб-

ностям и потенциалу отечественной науки, формулируемой с учетом реалий международного разделения труда.

Научный профиль принявших участие в обсуждениях, за весьма редкими исключениями, можно определить как славистический. В особенности хорошо были представлены специалисты по Польше и Чехословакии, без которых сколько-нибудь широкая разработка украинской и белорусской проблематики едва ли осуществима. Не случайно именно в Институте славяноведения в 1998 г. создано единственное в системе РАН крупное специализированное научное подразделение — Отдел восточного славянства и с 2003 г. выходит единственное на сегодняшний день профильное академическое серийное издание — ежегодник «Белоруссия и Украина: история и культура».

Цикл обсуждений 2001—2003 гг., несомненно, явился важной вехой в становлении российской украинистики и белорусистики как страноведческих направлений. Однако современные тенденции развития гуманитарного знания таковы, что страноведение не может быть самоцелью — предпочтительнее проведение исследований, не ограниченных национально-государственными рамками и максимально учитывающих многомерный контекст. Именно такой контекст — этнический, цивилизационный, макрорегиональный, государственно-политический — обеспечивает славяноведение, роль которого в качестве связующего звена между отечествоведением и изучением зарубежной проблематики в современных условиях заметно возросла, во многом благодаря новому взгляду на Украину и Белоруссию.

Важным аспектом исследований украинской и белорусской проблематики является анализ межгосударственных отношений с неизбежным выходом в домен всеобщей истории. В то же время надо ясно отдавать себе отчет в том, что по многим параметрам восточнославянский исследовательский комплекс неразделим. Русский и российский факторы постоянно присутствуют в осмыслении украинского и белорусского пути. В свою очередь, украинско-белорусский материал исключительно важен для понимания судеб русской нации и государства российского, что сегодня, пожалуй, еще недостаточно осознается отечествоведами, в первую очередь историками.

На «круглых столах» был в полной мере использован также предоставляемый славяноведением уникальный шанс междисциплинарного взаимо-

действия. Научная стратегия Института славяноведения в целом и Отдела восточного славянства в особенности состоит в проведении комплексных исследований силами историков, культурологов, литературоведов, лингвистов. В публикуемых материалах читатель найдет много сведений и концептуальных положений, касающихся истории культуры и языка. У историков, как показал опыт, много вопросов к языковедам, особенно работающим в русле исторической социолингвистики. Без учета эволюции языкового сознания и фактора языковой политики понимание процесса нациообразования абсолютно невозможно.

Особо следует сказать о возможностях культурологии, которая все более определенно заявляет о себе как мосте между историческими и филологическими науками, становится стержнем формирующейся на наших глазах на стыке многих дисциплин общегуманитарной области исследовательского интереса и поиска, которой предстоит существенно потеснить традиционные монодисциплинарные исследования.

«Восточнославянские столы» явились органическим продолжением лучших исследовательских традиций Института славяноведения РАН 1970—1990-х годов. При изучении этнического самосознания славянского мира Средневековья, доведенном коллективом авторов до конца XV в., привлекался (прежде всего, в трудах Б. Н. Флори) восточнославянский (древнерусский) материал. Хотя в проводившихся еще более широким фронтом исследованиях процесса формирования наций в последней трети XVIII — первой половине XIX в. (период славянского национального пробуждения) такой материал практически отсутствовал, руководители проекта, в частности И. С. Миллер, отмечали необходимость обращения к нему. В. И. Фрейдзон, последним из ведущих участников проекта писавший по данной теме в конце 1990-х годов, выражал надежду на его продолжение, особо указывая на необходимость заполнения цезуры XVI — середины XVIII в. и освещения последней трети XIX — начала XX вв. Восточнославянская проблематика широко представлена в трудах этнолингвистов, культурологов и других специалистов Института.

В конце 1990-х годов в Институте ставилась задача создания своего рода компендиума по истории Украины в форме развернутой справки энциклопедического типа. Однако по мере подготовки отдельных частей справки делалось очевидным, что мы не готовы к освещению этой истории в полном ее объеме и систематическом изложении, а также базируясь

на некой унифицированной концепции, к чему обязывал энциклопедический жанр. В этих условиях форма «круглого стола» с присущей ей фрагментарностью охвата больших тематических полей, но вместе с тем нацеленностью на ключевые проблемы представлялась самой удачной для собирания научных сил, обмена информацией, представления различных подходов и коллективной выработки концептуальных решений.

Хотя участники обсуждений были ориентированы на выработку принципиальных подходов к изучению Украины и Белоруссии, отношений внутри восточного славянства, а также между последним и ближайшими его соседями, в процессе общения не раз обнаруживалось, что те или иные проблемы требуют внимания не только на уровне интерпретации, но и в плоскости исторической реконструкции — собирания, верификации и систематизации фактов. Сложность этой задачи усугублялась крайне мозаичным в региональном и временном плане прошлым украинцев и белорусов, знавшим немало судьбоносных поворотов и перепутий, на которых реализовывалась та или иная альтернатива развития. Нетрудно заметить, что в хронологическом отношении рамки «столов» определены с известными взаимными «перехлестами». Обсуждения выявили особо неудовлетворительную кадровую ситуацию со специалистами по XVIII в., что, впрочем, не ограничивается изучением Украины и Белоруссии.

«Восточнославянские столы» с самого начала мыслились как цикл. В основу всех трех положено национальное строительство, но в различном, в зависимости от конкретных исторических эпох, соотношении его аспектов — этнополитических, этнокультурных, этноконфессиональных, этнолингвистических и др. Следует заметить, что в современной науке Украины и Белоруссии «этносторонство» оформилось в особую исследовательскую область, занявшую ведущее положение в системе тематических приоритетов.

Обнаружив плюрализм мнений, дискуссии продемонстрировали принципиальное неприятие их участниками мифологизированных, политически ангажированных и профессионально некомпетентных представлений, получивших распространение как на Украине и в Белоруссии, так и в России. Известно, к чему приводит кажущаяся доступность исторического исследования для дилетантов, в том числе представителей негуманитарных наук. Но и в пределах исторической науки есть области, которые представляются общедоступными уже самим историкам, независимо от специали-

зации и подготовки последних. Одна из таких «простых» областей у нас — судьбы восточного славянства. И в этой связи науке предстоит отвоевывать пространство, на котором пустили корни весьма далекие от академических стандартов построения.

В материалах «столов», помимо индивидуальных работ участников (в частности, ряда монографических и диссертационных исследований), различим «след» коллективных проектов, инициированных Отделом восточного славянства. Проведенные обсуждения позволили более четко определить приоритеты дальнейшего научного поиска.

Повышенное внимание к региональному разнообразию ареалов проживания украинцев и белорусов во многом обязано специальному изучению темы «Границы и регионы Украины в исторической ретроспективе». В русле этого исследовательского направления подготовлен одноименный сборник статей, блок статей помещен в первом выпуске ежегодника «Белоруссия и Украина: история и культура» и получит продолжение в следующих выпусках данного издания. В этом же русле в мае 2002 г. проведена конференция «Национальные идеи и их геополитические проекции (Восточная, Центральная и Юго-Восточная Европа)».

Особое значение имело разделение изучаемых этносов государственными или внутренними административными границами, а также их пограничное геополитическое и социокультурное положение между русскими и поляками. Так, Левобережная Украина, Правобережная Украина и Галичина составляли три различных мира по этносоциальным параметрам и историческим традициям, что оказало самое непосредственное влияние на процесс нациостроительства и определило существенность такого его аспекта, как целостность национальной территории («соборность» в украинской политической мысли).

Следующим привлечшим специальное внимание моментом стала терминология, крайне противоречивая ввиду ее часто оценочного, политически ангажированного употребления, с одной стороны, и существования различных научных традиций и лексических нюансов языков, с другой. Опыт ученых многих стран показал, что разработка украинской и белорусской проблематики, равно как и общевосточнославянских сюжетов, невозможна без четкого уяснения содержания терминов — языка источников и понятийного аппарата современной науки. Этот последний при всей

его конвенциональности не должен вводить в заблуждение, искажая смысл той информации, которую ученые черпают из письменного наследия.

Сказанное в особенности касается способа описания этнических и географических реалий прошлого. Понимание важности терминологических вопросов нашло выражение в организации в сентябре 2003 г. конференции «Этногеографическая терминология истории восточных славян», материалы которой в настоящее время готовятся к печати.

Большой интерес к фигуре М. С. Грушевского отчасти вызван давно ведущейся работой над книгой очерков «Грушевский: политик, историк, национальный символ». Обращение к его деятельности и наследию существенно практически для всех эпох истории Украины: X—XVII вв., которым посвящены главные труды ученого; второй половины XIX в., прямым продолжателем традиций которой в политике и науке он был; конца XIX — первой трети XX в., на которые пришлась его политическая и творческая активность; да и всего последующего, поныне продолжающегося периода, когда вокруг имени Грушевского не перестают кипеть страсти.

Историко-научная проблематика — также профильная для Отдела восточного славянства и исключительно важная для понимания обсуждавшихся вопросов — присутствовала на всех трех заседаниях. Огромной критической работы требует осмысление наследия отечественной науки. Принципиальное значение имеет изучение длительного и сложного процесса размежевания российской, украинской и белорусской научных традиций, прежде всего национальных историографий.

* * *

Обсуждения позволили сформулировать ряд выводов методологического и методического плана, обозначить ключевые проблемы для изучения, уяснить первоочередные задачи научно-организационного характера. Даже в развернутом предисловии нет ни возможности, ни необходимости перечисления всех концептуальных решений, предложенных участниками «круглых столов». Считаю, однако, важным остановиться на наиболее теоретически значимых исследовательских принципах, подходах и выводах.

Уже на первом «круглом столе» в качестве ключевого было предложено понятие этнокультурного *взаимодействия*, что предполагало особое внимание к следующим моментам.

Во-первых, без наличия ощутимых различий взаимодействие невозможно. Чем шире контакты, тем различия становятся очевиднее, хотя со временем взаимодействие способно привести к аккультурации и ассимиляции. В случае близкородственности этносов и культур различия воспринимаются особенно чутко и зачастую болезненно.

Вот почему, говоря о преувеличении отличий между близкородственными народами, надо отдавать отчет в том, идет ли речь об искажениях в научной реконструкции или же об особенностях восприятия исследуемых учеными исторических реалий современниками последних, т. е. специфике их этнического сознания. Это относится, в частности, к обсуждению вопроса о глубине этнокультурных различий между Восточной и Западной (Московской и Литовской) Русью, поэтапно включавшейся в орбиту российской государственности. Думается, что определенная недооценка дистанции между восточнославянскими этносами имеет место для первой половины XIX в. Источники того времени свидетельствуют: великорусы плохо понимали речь малорусских простолудинов, что уже на уровне языкового сознания позволяло проводить четкую грань между своим и чужим. Представителям же малороссийской элиты, несмотря на значительное ее обрусение, было зачастую присуще двуязычие.

Во-вторых, моменты сходства также составляют необходимую предпосылку для диалога культур. Дифференциацию — этническую, языковую, культурную — следует изучать в единстве с интеграционными процессами, представления о раздельности этносов и культур с весьма устойчивыми представлениями об их общности, отраженными в этнонимике, историческом сознании, наличии общего культурного фонда и т. д. Без присутствия обеих сторон исторической действительности картина неизбежно получится искаженной. Ведь дистанцию можно и преувеличить — так, необходима крайняя осторожность в использовании цивилизационных дефиниций. Слишком легко переносится в плоскость цивилизационных отличий русско-польское противостояние, тем более рискованна подобная операция в отношении русских и украинцев, чему служит, в частности, концепция Восточно-Центральной Европы.

В-третьих, существенно иметь в виду двусторонность, обоюдность влияний, что не равносильно их равновеликости, симметричности или неизменности. Не может, конечно, восточное славянство изучаться и без учета влияний, шедших на него извне.

Так, при ближайшем рассмотрении оказывается, что нет достаточных оснований для утверждений как о сколько-нибудь масштабной «украинизации» великорусской культуры во второй половине XVII — первой половине XVIII в., так и о полном обрусении казачьей элиты в последующее столетие. «Дух полудворянского малорусского местного патриотизма, воспитанного на псевдоконисском, — патриотизма, недавно еще бывшего в моде в среде малорусской публики», — писал Н. И. Костомаров во второй половине 1870-х годов об историческом сознании этой элиты, упоминая «Историю русов» — памятник, возникший, вероятнее всего, на рубеже XVIII—XIX вв. и замыкавший собой долгую традицию казацкого летописания. Без понимания этого трудно рассчитывать на адекватный анализ творчества Шевченко. Четыре десятилетия спустя после приведенного свидетельства Костомарова возникнет Гетманство с его казачьим антуражем, а в белорусской среде окажутся востребованными идеи Великого княжества Литовского.

В-четвертых, исключительно важен учет исторической динамики. Приводя к возникновению нового качества, этнокультурное взаимодействие ставит на повестку дня проблему преемственности как по отношению к традициям Средневековья, так и с учетом перспективы XIX и XX вв. Известно немало случаев, когда идеальный проект, только что сложившийся в сознании достаточно узкой группы людей, выдавался ими за действительность, или имела место экстраполяция реалий отдаленного прошлого в более поздние временные пласты и, наоборот, модернизация истории. Соблюдение принципа историзма представляется единственным выходом из ситуации и надежной почвой для научного диалога. В противном случае, между прочим, теряется также элемент альтернативности — то уникальное, что во многом делает неповторимой каждую историческую эпоху.

Обращаясь к природе культурного взаимодействия, стоит определиться по поводу того, насколько культура конкретного периода этнична, как этнические различия проявляют себя в сфере культуры. Применительно к XVII—XVIII вв., как и для более ранних эпох («классический» вопрос о правах на культурное наследие Киевской Руси), степени этничности высокой культуры не следует переоценивать. Вместе с тем этноконфессиональная, историческая общность создавала благоприятную почву для культурного взаимодействия, адаптации всякого рода западных за-

имствований с помощью близкородственного посредника, причем подобную посредническую миссию в разное время выполняли различные отрасли восточного славянства.

Что же касается изначально ярко выраженной конфессиональной окрашенности культуры, то развитие шло в направлении секуляризации, стиравшей отчасти границу между *Pax Orthodoxa* — *Pax Romana*. Совершенно очевидно, что протекавший параллельно складыванию нации современного типа процесс трансформации, перекодировки доминантного ранее конфессионального типа сознания в сознание по преимуществу национальное не был прямолинейным. В одних моделях вероисповедная принадлежность явилась основанием для этнодифференциации, в других — нация складывалась на поликонфессиональной базе. Показательно, что недавние попытки упрочения белорусской идентичности путем возрождения греко-католичества в качестве имманентно присущей белорусам конфессии успеха не имели: униатство не смогло стать стимулом этнической консолидации.

Секуляризацию общественного сознания, впрочем, не следует преувеличивать. Более того, в поиске массовой поддержки национализм активно апеллировал именно к конфессиональному сознанию социальных низов. Не следует также преувеличивать реального значения декларированной в разные времена государствами веротерпимости.

Международная научная практика убеждает в том, что в изучении этнической эволюции восточного славянства наиболее продуктивен системный анализ функционирующих в его среде идентичностей — с учетом социальной стратификации, региональной специфики и альтернативности исторического процесса. Так, следует иметь в виду, что национальное сознание современного типа начинало формироваться будителями под оболочкой идеи славянской взаимности. О соотношении общевосточнославянского («общерусского») сознания с малороссийским часто рассуждают, не видя генетической связи также между малороссийством и украинством. В теоретико-методологическом плане последнее свидетельствует о несовершенстве классификации идентичностей на взаимодополняющие (множественные) и взаимоисключающие, недооценке значения традиционной лояльности правящим династиям и игнорировании ситуативной изменчивости систем идентичностей.

Особенно благоприятную почву для подобного ситуативного, конъюнктурного выбора создают этнические пограничья и переходные эпохи, переломные периоды исторических катаклизмов. Системы идентичностей подвержены также целенаправленному регулированию со стороны государств и политически активной части интеллигенции.

Таким образом, национальное самосознание — это динамичная система, в рамках которой под воздействием различных обстоятельств происходит актуализация, активизация того или иного начала, причем усиление одного из них неминуемо приводит к ослаблению другого. Изменения в иерархии идентичностей обычно сопряжены с переносом ценностных (аксиологических) акцентов. Возможно, в ходе дальнейших исследований будет обоснована гипотеза о своего рода законе распределения идентичностей, сохранения их аксиологического баланса.

Как уже отмечалось, плодотворное изучение не только украинской и белорусской, но и русской проблематики едва ли возможно без глубокого осмысления взаимосвязей внутри всего восточнославянского комплекса.

Современные рассуждения о проектах нациостроительства в пределах восточнославянского мира таковы, что может показаться, будто общерусскому проекту противостояли лишь украинский (позднее дополненный белорусским) и польский проекты. Русские (великорусы) в такой перспективе — не более чем побочный продукт неудачи или, напротив, успеха означенных сценариев. При этом процесс кристаллизации самосознания русской, в узком смысле, этнической общности не становится предметом серьезного изучения. Обращается преимущественное внимание на то, что данный процесс тормозило: положение русских как имперской нации (эпиграф известной книги Дж. Хоскинга из Г. Д. Гачева: «Русь стала жертвой России») и, опять-таки, триединое видение русской нации. Словом, налицо забвение великорусского проекта, ведущего к формированию «малой» русской нации.

Между тем это проблема исключительного значения. Как на заре восточнославянской истории, когда, наряду с Русью в широком смысле (в дальнейшем «всей Русью»), бытовало представление о среднеподнепровской Руси в узком смысле, на рубеже XVIII—XIX вв. утверждается неоднозначное смысловое наполнение понятий «Россия» и «русские». Существенными делаются представления об этно- и государствообразующем ядре империи, центре Великороссии — внутренних губерниях, внутренней России.

Представлениям о внутренней России присуще самое чуткое отношение к этническим различиям, которыми во многом определялись ее границы. Собственно, и обрусение планировать можно было, лишь имея некую исходную точку, эталон.

Думается, неслучайно совпадение расцвета представлений о внутренней России в 30—40-е годы XIX в. с «золотым веком» русской литературы и периодом активного формирования национальной философии истории. Вместе с тем это время является важным этапом вызревания украинского вопроса. К последней трети XIX в. приоритетом делается не столько экспансия великороссийского ядра, в том числе в западнорусские (украинские и белорусские) земли, считавшиеся естественным резервом его расширения, сколько защита внутренней России перед лицом наступления инородческих окраин.

Опыт работы убеждает в том, что слабее обеспечена специалистами белорусская проблематика. По возможности паритетное рассмотрение этой последней, гораздо менее знакомой российской научной общественности, нежели украинская проблематика, принадлежит к сильным сторонам нашего проекта. При всей безусловной плодотворности украинско-белорусских параллелей они не должны подменять специального изучения белорусского материала и ослаблять внимания к типологическим различиям в исторических судьбах украинцев и белорусов. В указанных различиях, как и в более дробной региональной специфике, следует искать ответы на вопросы об особенностях русификации и полонизации, а также — более широко — формирования украинской и белорусской наций.

Основное внимание обычно уделяется русско-украинским, русско-белорусским, польско-украинским и польско-белорусским сюжетам — во многом, бесспорно, проблематике новой, ибо раньше рассматривались преимущественно русско-польские сюжеты. Однако при этом из поля зрения практически выпадает белорусско-украинский срез. Недостаточно анализировать его только с позиций типологического соотнесения или под углом зрения механизма имитации — сознательного повторения белорусами украинского пути, необходимо изучать также и нараставшие по мере складывания наций украинско-белорусские противоречия.

Исторические пути становления украинской и белорусской наций и государственности невозможно представить вне имперского контекста. Сквозной темой, в частности, являются метаморфозы той своеобразной

ниши, которую создавало для украинцев и белорусов русско-польское противоборство. Начатые хронически конфликтными отношениями между Российским царством и Речью Посполитой, оно получило продолжение, когда значительная часть последней сначала оказалась в составе империи Романовых, а затем возродилась как враждебная Советскому Союзу Вторая Речь Посполитая. Русско-польское противоборство способствовало уточнению таких ключевых для позднеимперской России этнических категорий, как народность и инородцы. «Ниша» же парадоксальным образом обеспечивала известные условия для развития малороссийского (украинского) и белорусского этносов.

К имперскому контексту следует отнести также феномен разделенных наций. На северо-восточной окраине Габсбургской монархии существовали свои альтернативы нациостроительства, связанные как с местной ситуацией, так и с альтернативами, имевшими место в Российской империи.

Ставшая к концу XX в. влиятельной телеологическая по своей сути парадигма, в соответствии с которой все империи обречены на распад, а необходимым итогом развития любой нации является образование ее национального государства, зачастую вступает в противоречие с конкретно-историческим материалом, логикой развития отдельных этносов. Вместе с тем роль государственно-политического фактора, административного ресурса, который национальные движения воспринимали как враждебную силу или же ставили себе на службу, трудно переоценить.

Политические режимы, под властью которых оказались украинские и белорусские земли в постверсальской Европе, различным образом влияли на продолжавшееся там нациостроительство, нередко обеспечивая давление, несравнимое с гнетом своих исторических предшественников. Тем не менее, как в качестве национальных меньшинств в составе государств, возникших на обломках империй, так и в качестве титульных этносов союзных республик первого в мире социалистического государства украинцы и белорусы сделали к кануну Второй мировой войны решающие шаги в направлении формирования наций.

Существенным изъяном большинства украино- и белорусоведческих исследований является недооценка потенциала региональной компаративистики. Значительная специфика процессов формирования восточнославянских наций не дает все же достаточных оснований для рассмотрения их вне более широкого типологического ряда. Последнее, надо признать,

приводит к тому, что ценные наработки в сравнительно-историческом изучении славянского возрождения/пробуждения (к концу 1970-х годов советское славяноведение в этом отношении занимало едва ли не лидирующее в мире положение) неоправданно слабо применяются к украинскому и белорусскому материалу, не говоря уже о материале великорусском.

Между тем рассматривать украинофильство с перспективы славянского национального возрождения считал возможным еще А. Н. Пыпин, а А. Каппелер ставит вопрос о «национальном пробуждении русских» в XIX в. Справедливо рассуждая об узости социальной базы украинского и белорусского движений, большой роли внешнего фактора в процессе национального и государственного самоопределения украинцев и белорусов, мы часто предъявляем несколько завышенные требования к ранним его этапам, закрываем глаза на исторический опыт развития других этносов и тем самым неизбежно грешим против историзма.

И еще один, отнюдь не последний по своему значению, урок общего плана из опыта коллективных обсуждений 2001—2003 гг. Наука и политика и в прошлом, и в настоящем, несомненно, имеют точки соприкосновения. Это факт, а потому весьма полезно обращать внимание на идейно-политические корни той или иной научной концепции. Однако речь должна идти не только о них, но и корнях гносеологических, а также об эвристическом потенциале концепций. Непредвзятое восприятие рациональных зерен, свежих идей и новых подходов, т. е. взаимное творческое, профессиональное обогащение является непременным условием конструктивного научного диалога.

* * *

Цикл «круглых столов» рассматривается их организаторами как определенный этап в работе. Завершение проекта обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, хронологически мы подошли к той эпохе — Второй мировой войне — специалистов по которой занимающихся украинскими и белорусскими сюжетами явно недостаточно как в Институте славяноведения, так и в других российских научных центрах. Что же касается послевоенных двух третей советского периода, то, по признанию украинских и белорусских историков, они изучаются весьма слабо даже на Украине и в

Белоруссии. Между тем, с точки зрения нациостроительства, указанное время представляет несомненный интерес. В военную пору Советским Союзом завершилось собирание украинских и белорусских земель, которые были объединены в соответствующих союзных республиках. Следующий качественный сдвиг в консолидации двух восточнославянских наций связан с распадом СССР и образованием на его пространстве в прежних республиканских границах независимых государств.

Во-вторых, стали тяготить неизбежные для «круглых столов» ограничения по объему авторских текстов и научному аппарату. Все больше требовалось ссылок на научную литературу и цитат из источников, в том числе архивных. Как уже отмечалось выше, начиная с 2002 г., наряду со «столами», Отдел восточного славянства ежегодно проводит полноформатные конференции.

В-третьих, росла потребность в подключении к работе иностранных специалистов, в первую очередь украинских и белорусских коллег, контакты с которыми в 1990-е годы существенно ослабли, в этом плане последние 15 лет — поистине время упущенных возможностей. В выборе формата коллективных обсуждений и исследований мы подошли к международным конференциям и долгосрочным совместным проектам.

Так, в рамках программы XIII Международного съезда славистов в Любляне 20 августа 2003 г. нами был организован тематический блок «Этнокультурное взаимодействие восточных славян в XVII—XVIII вв.», проведение которого во многом опиралось на российские наработки 2000—2002 гг. по данной теме. Весьма показательно, что она же была вынесена на пленарное заседание съезда (доклад итальянской славистики Д. Броджи-Беркофф).

Сразу после проведения последнего «круглого стола» Отдел приступил к трехлетнему проекту, нацеленному на воссоздание картины изучения украинской и белорусской истории мировой наукой после распада СССР. Проект включен в программу фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте» и предусматривает проведение в сентябре 2004 г. представительной международной конференции «Государственная самостоятельность Украины и Белоруссии и основные тенденции в освещении прошлого восточного славянства мировой наукой».

В настоящее время разрабатывается также концепция совместного российско-белорусского исследовательского проекта, посвященного истории изучения Белоруссии в отечественном академическом славяноведении конца XIX — первой половины XX в.

Есть основания ожидать, что уже в ближайшее время российская наука будет располагать значительным корпусом исследований по истории и культуре Украины и Белоруссии. Несомненно, придет и время, когда в России выйдут обобщающие, вероятнее всего, коллективные по своему исполнению, книги об Украине и Белоруссии, подобные кратким историям стран Центральной и Юго-Восточной Европы, выпущенным Институтом славяноведения в 1980—1990-е годы.

Настоящее издание призвано привлечь внимание российской научной общественности к новой и актуальной проблематике, помочь в работе преподавателям. Хочется надеется, что оно послужит развитию диалога ученых, несущих немалую долю ответственности как за духовный климат в своих странах, так и за отношения между народами. Цикл «круглых столов» — наш вклад в научную программу прошедших недавно Года Украины в России и Года России на Украине.

При подготовке материалов к печати мы не стремились к стенографическому воспроизведению. В процессе редактирования были сняты длинноты и другие особенности устной речи, тексты сделаны более компактными, формулировкам придана максимально возможная четкость. В полной мере отражена, разумеется, позиция участников, имевших возможность доработать свои тексты и авторизовать окончательную их версию. Редактор стремился к тому, чтобы ни одна концептуально значимая мысль, сколь дискуссионной она бы ни казалась, не пропала. Вместе с тем сохранены композиционная форма и, как нам кажется, дух живого обсуждения.

В проведении заседаний, расшифровке их аудиозаписи и технической подготовке текстов к печати наиболее значительную помощь оказали И. С. Александровский, Е. Ю. Борисенок и С. С. Лукашова.

Восточные славяне в XVII—XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие

Л. Е. Горизонтов

Цель «круглого стола» «Восточные славяне в XVII—XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие» видится в инвентаризации достижений и трудностей в изучении очерченной его названием проблематики, обозначении концептуальных подходов и решений, совершенствовании методологического инструментария и понятийного аппарата исследований. Последний особенно принципиален и для точного отражения сути описываемых наукой явлений, и в качестве неременной предпосылки плодотворного научного диалога.

Избранный период, являясь связующим звеном между Средневековьем и Новым временем, крайне важен для понимания последующего развития, в частности специфики восточнославянского национального возрождения и формирования национальных идей.

Предполагается рассмотреть взаимосвязанные аспекты поставленной темы: историографический, этнополитический, этноконфессиональный, этнокультурный и языковой. В центр внимания, таким образом, попадут этнические процессы, рассматриваемые преимущественно под углом зрения всего восточного славянства. Состав участников, представляющих различные области знания, обеспечивает столь необходимую для успешной работы «круглого стола» междисциплинарность.

Все мы так или иначе будем отталкиваться от современного состояния литературы предмета. Тем не менее есть смысл в специальном историографическом блоке, способном послужить общим введением к дискуссии. В своем выступлении я хочу коснуться двух толкований исторического процесса на восточнославянских землях, отражающих важные тенденции современной науки, хотя и далеко не исчерпывающих разнообразия ее подходов. Речь пойдет о концепции общерусской культуры и концепции Центрально-Восточной Европы.

Основу концепции общерусской культуры (или «большой русской нации») составляет тезис о русском суперэтносе, существовавшем не только

на этапе древнерусской народности, но сохранившем свое единство в эпоху польско-литовского господства над значительной частью бывшей территории Киевской Руси. Объединение всех русских (великороссов, малороссов, белорусов) в империи Романовых открыло возможность сделать это единство (точнее, триединство) еще более прочным, ликвидировав негативные последствия иноплеменного гнета.

Еще с эпохи Алексея Михайловича усиливается взаимодействие великорусской и западнорусской, в особенности малорусской, культур, в результате чего, согласно излагаемой концепции, явилось создание общерусской культуры и общерусского литературного языка. При этом вклад малороссов и белорусов в эту общую для всех восточных славян культуру был не только не меньшим, но даже большим, чем великороссов. Следовательно, общерусская культура — их законное достояние. В свою очередь, общерусские культура и язык сделали излишним самостоятельное развитие каждой из частей триединого народа в сфере высокой культуры.

В этом русле рассматривались искоренение церковной унии, гонения на местные «наречия» и обычаи, проявления этнического самосознания — все, что сколько-нибудь могло ставить под угрозу единство. Наряду с требованием полной унификации, существовали и более мягкие варианты интерпретации, в частности западнорусизм, допускающие до известных пределов разнообразие, но также в конечном счете во имя единства. По своему характеру концепция общерусской культуры этнична, в ней сильна конфессиональная (православная) детерминанта. В значительной степени она всегда была связана с проектом, шансы на осуществление которого не оставались неизменными во времени.

Концепция Центрально-Восточной Европы делает акцент на свободном этническом и культурном развитии населявших Речь Посполитую народов. После падения Польско-литовского государства регионообразующая роль переходит к империи Габсбургов, с одной стороны, и к сохранявшемуся польскому социокультурному преобладанию — своего рода *Pologne après Pologne* — на Правобережной Украине, в Белоруссии и Литве с другой. Речь идет преимущественно о народах-наследниках этих двух государственных образований. В основе устойчивого регионального единства — европейскость и гражданские ценности, заложившие фундамент политической нации.

Эта концепция, таким образом, более культурологична, этнический компонент в ней приглушен благодаря региональному: регион объединяет не только славян и не всех славян. В вероисповедном плане акцент сделан на поликонфессиональности региона и началах религиозной толерантности, хотя именно католицизму принадлежит творческая роль носителя европейской цивилизации. В своей максимально широкой интерпретации Центрально-Восточная Европа объединяет практически все народы к востоку от Германии и Италии, при этом Россия в границах Московии Ивана Грозного оказывается за пределами европейского культурного круга, и не только, скажем, до середины XVII в., но по сути навсегда.

Налицо явная склонность к политизированной модернизации истории. Все чаще сталкиваясь с понятием «Центрально-Восточная Европа», следует иметь в виду, что обозначаемая им региональная общность в историко-культурном плане — не более чем далекая от всеобщего признания научная гипотеза, а в плане актуальной политики — пока только проект, на пути реализации которого немало трудностей. Одна из них и в прошлом, и в настоящем — неразвитость регионального самосознания.

В обоих построениях присутствует рациональное зерно. Концепция общерусской культуры справедливо подчеркивает, что сознание единства у всех восточных славян сохраняется. Оно действительно является неотъемлемой составляющей иерархически организованной этнической самоидентификации. На имя русских откликались во всех частях восточного славянства. Общая государственная принадлежность усилила ассимиляционные процессы. Акцентирование конфессионального фактора также представляется не лишним почвой. Однако достаточные ли это основания для того, чтобы применительно к XVII—XVIII вв. говорить о «большой русской нации» и общерусской культуре? В XIX в. идея славянской взаимности переживала небывалый взлет, но все же была вторичной по отношению к национальному возрождению.

Свойственный концепции Центрально-Восточной Европы региональный подход отражает общность исторических судеб элиты и большую устойчивость утвердившихся в ее среде традиций. Между тем, основанная на идее макрорегиона, она недостаточно учитывает внутрирегиональные отличия, в частности, полностью включая в Центрально-Восточную Европу территорию современного Украинского государства.

Охарактеризовав в главных чертах суть обеих концепций, выработавших, как можно было заметить, каждая свой собственный понятийный аппарат, остановлюсь на их эволюции, а также месте в современной науке и политической мысли.

Концепция «большой русской нации» формировалась во времена Екатерины II и С. С. Уварова на основе исторической традиции в тесной связи с потребностями внешней и внутренней политики. В. А. Францев писал, что М. П. Погодин первый открыл образованному обществу глаза на западную границу русского народа. Уже к середине XIX в., т. е. к моменту приобретения украинской самобытностью политической окраски, это вполне устойчивый комплекс представлений, включавший тезис об особой роли малороссов в культурном развитии конца XVII — начала XVIII в. В канун революционных потрясений влияние учения о «большой русской нации» на научную и общественную мысль России было чрезвычайно велико. Однако тогда ему уже противостояли украинские и белорусские концепции национальной истории, особенно «отрубная» схема М. С. Грушевского.

В дальнейшем эта концепция развивалась в эмиграции, в том числе в контексте евразийского учения. В евразийстве прежний славянофильский акцент был устранен: проповедь ухода из Европы обеспечила евразийцам, между прочим, благожелательный прием в Польше. Основным полем сражения стала Украина, объявленная неотъемлемой частью евразийского единства. Именно под пером евразийцев (прежде всего Н. С. Трубецкого) концепция общерусской культуры оформилась в том виде, в каком она чаще всего обнаруживает себя ныне.

В советской науке разрабатывалась проблематика древнерусской народности, этнокультурное же взаимодействие восточного славянства в XVII—XIX вв. в концептуальном отношении привлекало куда меньшее внимание. Было принято исходить из того, что, с одной стороны, на протяжении длительного времени соответствующие народности перерастали в нации, а с другой, наилучшие условия для развития этих этносов обеспечивала общая государственность. Несмотря на осуждение русской дореволюционной историографической традиции, а затем и концепции Грушевского, бывшего в 1920-е годы признанным лидером украинских историков, очевидно влияние как первой, так и второй (в частности, небывало широкое использование украинского маркера для обозначения разнообразных яв-

лений прошлого). Результатом явилась неготовность наших ученых к вызовам времени, последовавшим в конце 1980—1990-х годов.

Свое новое, третье по сути, дыхание концепция общерусской культуры обрела после распада СССР, по преимуществу в своей евразийской обработке (правда, с заметным усилением славянофильского крена). В определенной степени это явилось реакцией на возобладание национально окрашенного прочтения истории на Украине и в Белоруссии. Имеет ли место развитие и углубление данной концепции? Скорее нет, чем да. Об этом свидетельствует переиздание (практически без научного комментария) и популяризация старых работ. Как прямое продолжение научных и политических идей XIX в., концепция общерусской культуры испытывает немалые трудности со встраиванием в современную систему научных представлений.

Концепция Центрально-Восточной Европы явилась отказом от концепции польского триединства (поляки — русины — литвины), зеркальной по отношению к общерусской концепции, современной ей и столь же этничной. Она сложилась в межвоенный период как антитеза Германии (Центральная Европа без Германии), а во время и после окончания Второй мировой войны также развивалась преимущественно в эмиграции. После распада Советского Союза ее ареал был существенно расширен за счет включения шести бывших западных республик СССР, прежде всего Украины, Белоруссии, Литвы. Таким образом, в развитии двух концепций немало общего.

Важной особенностью концепции Центрально-Восточной Европы является то, что она поддается интегрированию с традиционными, романтическими по своему происхождению, схемами украинской и белорусской историографии, которые возродились в связи с обретением независимости бывшими республиками Советского Союза. Более того, она может быть желанной для них современной идеологической оболочкой. С другой стороны, концепция Центрально-Восточной Европы активно продвигается в западную историографию.

Рассмотренные концепции — явления не маргинальные, хотя и, конечно, не доминирующие. Об этом говорит уже то, что сами термины «Центрально-Восточная Европа» и «общерусская культура» не получили широкого хождения в современной научной литературе. Хотя в своей полярности рассматриваемые построения задают широкий диапазон оценок

и подходов, в нашей дальнейшей дискуссии нет оснований ограничиваться только ими. Но есть еще одна причина обратиться к ним. В определенных интерпретациях обе концепции дают возможность со ссылкой на научные авторитеты выражать крайние, вовсе ненаучные взгляды. Им при-суще вторжение в сферу общественного сознания, причем адепты каждой из них охотно инкриминируют другой стороне экспансионистские устремления.

Говоря о месте в развитии концепций времени XVII—XVIII вв., следует отметить, что в контексте становления общерусской культуры это важнейший период нового восточнославянского синтеза на путях строительства Российской империи. В перспективе Центрально-Восточной Европы — это завершение «золотого века» Речи Посполитой, когда, пережив апогей своего могущества, она вступила на путь распада (казацкие войны, разделы), а усилившаяся польская культурная экспансия на Восток проходила на фоне обострившихся внутренних противоречий.

М. А. Робинсон

Хотелось бы дополнить только что прозвучавшее выступление, оставившись на бытовании некоторых возродившихся в последнее десятилетие концепций, оценка которых очень интересна с точки зрения заявленного на «круглом столе» периода. Не стану подробно распространяться о том, что «концепция общерусской нации» была не просто популярна, а фактически принята большинством русских ученых XIX — начала XX в. самых разных политических ориентаций. А. С. Будилевич и А. А. Шахматов в канун Предварительного съезда русских филологов-славистов 1903 г. жесточайше спорили друг с другом о том, можно ли украинский язык называть языком, но при этом оба считали, что русский народ един и есть только три его ветви. Шахматова, либерала, призывавшего к значительному расширению сфер возможного употребления украинского языка, способствовавшего переводу Библии на украинский язык, подвергали жестокой критике правые националисты, в том числе ряд славистов. Шахматов был одним из первых, кто защищал М. С. Грушевского в 1905—1916 гг., когда тот подвергался гонениям со стороны властей как лидер сепаратистского движения. Ученый старался убедить коллег в том, что, «всячески содействуя культурному развитию Малороссии и Галиции, М. С. Грушевский никогда не был сепаратистом и всегда чуждался австрофильства».

что «он любит свою родину и свой родной язык»; «те, кто не желал бы развития мазепинства и украинского сепаратизма, могут стремиться к тому, чтобы Россия оказалась для М. С. Грушевского родною матерью, а не мачехой». Вопрос о возможной автономии Украины, поднятый летом 1917 г. на уровень политических обсуждений, для Шахматова оказался неожиданным и воспринимался им крайне болезненно. «Я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским», — писал он тогда.

Возрождению в последнее десятилетие некоторых, казалось бы, давно умерших концепций, способствовала и публикация многочисленных работ, ранее недоступных читателю по идеологическим причинам, в том числе материалы полемики, возникшей в эмигрантской среде о происхождении и содержании русской культуры Нового времени. Ее началом послужила известная статья Н. С. Трубецкого «Украинская проблема» (1927), где он утверждал, что «старая великорусская, московская культура при Петре умерла, та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры», и что «на рубеже XVII и XVIII вв. произошла украинизация великорусской духовной культуры», что «единая русская культура... была западнорусской — украинской по своему происхождению», — она-то и стала «общерусской».

Эти положения резко отрицались украинскими оппонентами Трубецкого, в частности Д. И. Дорошенко, который, сильно преувеличивая достижения культурного развития на землях Украины, считал, что «“украинизация” Петром великорусской жизни очень напоминала собою ее “европеизацию”, т. е. опять-таки были использованы украинские силы... были приняты украинские учебники, заимствовано кое-что из литературного обихода — но и только»; «как не произошло “культурной украинизации Великороссии” в том широком смысле, который имеет в виду кн. Трубецкой, как не случилось “превращения украинской культуры в культуру общерусскую”, так точно не произошло, по крайней мере, до половины XIX в., утраты украинской интеллигенцией сознания своей культурной особенности от великорусов».

Ныне некогда цельная концепция Трубецкого, являвшаяся производной от его евразийского учения, разрывается, первая ее часть, столь лестная для украинской культуры, отделяется и существует вполне само-

стоятельно. При этом зачастую в ход идут соответствующие отрывочные цитаты, взятые из переписки Трубецкого, который в определенном смысле — культовая фигура в лингвистической науке. Подобный факт отмечен, например, В. Б. Крысько («Славяноведение». 2001. № 4) в его рецензии на книгу австрийского ученого М. Мозера, посвященную вопросам синтаксиса. Рецензент справедливо отметил «односторонние» взгляды автора «на развитие русской культуры в XVII—XVIII вв., подкрепленные, в частности, запальчивым высказыванием Н. С. Трубецкого (в письме Р. О. Якобсону) об “украинизации” *всей* (!) духовной культуры России на рубеже XVII и XVIII вв.».

Особо следует остановиться на проблемах терминологии. Многие понятия, встречающиеся в работах очень почтенных ученых, могут восприниматься неадекватно в отрыве от контекста, в котором они употреблены. Например, в опубликованной в № 2 «Славяноведения» за 2001 г. статье С. Гардзонио, посвященной стиховедческому наследию Р. О. Якобсона, приводится следующая цитата из последнего: «Проведенная Никоном украинизация литературного языка Московии, которая надолго обезоружила украинский языковой сепаратизм». «Украинизация» в массовом сознании уже воспринимается исключительно как термин этнически окрашенный. Те же явления Б. А. Успенский описывает в иных терминах как влияние «книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.; во второй пол[овине] XVII в. это влияние приобретает характер массовой экспансии юго-западнорусской культуры на великорусскую территорию», приведшей к тому, что возник «единый общерусский извод церковнославянского языка». Мне кажется, что какие-то отклики «общерусской концепции» в интерпретации Трубецкого отражаются и в работах некоторых современных лингвистов.

Концепция общерусской культуры возродилась, конечно, как реакция на возрождение романтических концепций, произошедшее в разной степени в историографии всех новых восточнославянских государств и сопровождавшееся пересмотром многих общепринятых ранее научных положений с точки зрения национальной. Всякая романтическая историография изначально содержит в себе элемент идеализации, тем более неизбежной, когда происходит становление собственного национального государства. К сожалению, это сопровождается гигантским валом паранаучной литературы, переполненной всякими фантастическими измышле-

ниями. Именно в этой литературе, более всего влияющей на массовое сознание общества, с максимальной силой проявляются всевозможные национальные комплексы.

Конечно, с точки зрения развития науки, время романтических концепций давно прошло, но и, собственно говоря, общественно-политическая актуальность концепции общерусской культуры и общерусского языка также далеко в прошлом. Гипотетически вполне допустимо, что этнокультурное развитие восточных славян в XIX в. могло привести не к расхождению трех восточнославянских народов, а, напротив, к их фактически полному слиянию в одну общерусскую нацию. Главный пафос лингвистов, теоретиков названной концепции в XIX — начале XX в. (А. С. Будилович, Т. Д. Флоринский) состоял в том, что у восточных славян уже есть общерусский литературный язык и потому нет необходимости в конструировании новых равнозначных ему языков — украинского и белорусского. И если к реконструкции истории образования общерусского литературного языка этими лингвистами вопросов не возникает, то их размышления о перспективах развития украинского и белорусского языков к собственно сфере науки отношения не имеют. Стоит напомнить, что XIX в. был периодом, когда у многих славянских народов происходили выбор, формирование, а иногда и конструирование (не всегда удачное) литературных языков. И Будилович, и Флоринский не придавали значения фактору национального самосознания и абсолютизировали значение общего литературного языка для «единства народа». Характерен в этом смысле следующий аргумент Флоринского. Ученый полагал, что в этнографическом отношении существует «самостоятельная славянская особь» «сербохорваты» или «сербохорватский народ». В настоящее время это утверждение научным назвать нельзя.

В наше время в качестве реального противодействия идеологизированным романтическим концепциям вряд ли продуктивно выступать с позиций концепции общерусской культуры. Один из ее важнейших аргументов — не только ненужность, но и невозможность когда-либо создать новые языки, достойные быть наряду с общерусскими языками литературы и науки, — безнадежно устарел. В начале XXI в. de facto мы имеем многие десятилетия функционирующие в полном объеме украинский и белорусский языки, и отрицать это обстоятельство просто невозможно. Таким образом,

прогноз относительно этих языков не оправдался. Тогда закономерно встает вопрос о том, какова же судьба великороссов. Если наш литературный язык *общерусский*, то это значит, что великороссы, в отличие от украинцев и белорусов, так и не создали своего *национального* языка. Согласитесь, что этот вывод, закономерно следующий, если строго придерживаться положений рассматриваемой концепции, в научном смысле выглядит весьма экзотично и неадекватен реальности. В обществе же он способен лишь породить комплекс национальной неполноценности, для чего нет никаких весомых оснований.

Как уже было верно отмечено, концепция Центральной и Восточной Европы направлена, скорее, в будущее. Для обоснования справедливости ее применения к прошлому неизбежно приходится затушевывать реальную историю региона. Невозможно объединить названный регион, не учитывая или учитывая очень «аккуратно» такой фактор как конфессиональный, который для XVII в. являлся для Центрально-Восточной Европы важнейшим признаком ее неоднородности, особенно на землях Речи Посполитой.

Б. Н. Флоря

Я попытаюсь дать самую общую характеристику процессов этнического развития восточного славянства в XV—XVII вв. Очевидно, что с конца XIV в. пути исторического развития двух частей восточных славян разошлись. Те из них, которые оказались в составе Великого княжества Литовского и Польши, пошли по одному пути, а путь восточных славян, объединившихся в рамках Русского государства, был иным. Хотя сохранялось много общего в исторических традициях, верованиях, обычаях, вместе с тем одновременно на протяжении XV—XVI вв. постепенно нарастала большая сумма сначала социальных, а затем и культурных отличий. Как мне представляется, объективным итогом этого стало то, что где-то к XVII в. по обе стороны границы стали воспринимать другую часть восточных славян как близкий, родственный, но все-таки иной, особенный народ. Соответственно, в Речи Посполитой сложилось представление о том, что русский народ живет на ее территории, а за границей живет родственный ему московский народ. У «москвитов», также отождествлявших себя с русским народом, появляется наименование всего восточнославянского населения Речи Посполитой «белорусцами». Широкое употребление этого термина в великорусской среде показывает, что они воспринимались

как некая особая общность, отличная от того русского населения, которое жило на территории Русского государства.

Новым важным историческим рубежом послужили события середины XVII в., подготовленные развитием взаимоотношений западной части восточных славян с представителями польского этноса. К указанному времени в такой части украинского общества, как казачество, сложилось устойчивое представление о том, что государственная власть в Речи Посполитой находится в руках поляков (ранее такого представления не было) и что поляки проводят политику, враждебную интересам русского народа, используя религиозные и социальные притеснения. В результате последовало восстание Богдана Хмельницкого, целью которого была защита интересов русского народа в Речи Посполитой, как эти интересы понимались вождями повстанцев. Собственно говоря, в среде людей, принявших участие в восстании и руководивших затем Украинским Гетманством, еще долго сохранялось представление о том, что живущие на территории Речи Посполитой восточные славяне составляют один народ. Как мне представляется, эти события, в конце концов, и привели к разделению восточных славян на две разные части, может, даже и три.

Что касается той части восточных славян, которая оказалась втянута в процесс создания Украинского Гетманства и утверждения особого казачьего строя, то в ее среде, конечно, сложилась своя историческая традиция, свои представления о прошлом. Собственно, начиная с этого момента, я думаю, мы можем говорить действительно о формировании особого украинского народа. Данный процесс происходил именно на территории казачьего государства, и именно эта территория чаще всего и наиболее последовательно именовалась Малороссией. В какой мере он выходил за пределы Гетманства, в особенности охватывал ли пространства на запад от последнего, в частности позднейшую Галицию, — это, мне кажется, один из очень актуальных вопросов для будущего исторического исследования.

Первоначально разделение восточных славян Речи Посполитой на две части (условно говоря — южную и северную) было связано с тем, что процессы, связанные с созданием Украинского Гетманства, возникновением там особого казачьего строя, складыванием целой исторической традиции, обосновывавшей эти новые исторические явления, не затронули, как мне представляется, территорию Белоруссии. На ней они не имели места, не стали рубежом в судьбах местного населения. И уже поэтому между север-

ной и южной частями восточных славян вне пределов Русского государства возникли объективные глубокие различия. Вопрос в том, когда эти различия были восприняты общественным сознанием как черты двух разных народов на ранее единой этнической территории. Это тоже является важной темой для исторического исследования.

После Переяславской рады и вхождения Гетманства в состав Русского государства возникла очень сложная проблема русско-украинских отношений и вообще отношений восточной части восточного славянства к западной его части. В этой связи надо коснуться термина «воссоединение», который часто использовался нашей историографией и который, как сейчас многие говорят, может быть, вообще не следует употреблять. Мне представляется это ошибочным, потому что, если не определять данным образом русскую позицию в XVII в., то многое в последующем развитии русско-украинских отношений нельзя будет понять. Русская сторона воспринимала произошедшее как акт воссоединения разных частей некогда единой Руси под скипетром правителей, находящихся в Москве. Кстати, сама эта позиция в конечном счете объективно предreshала, что никакой особой государственности на территории Украины быть не может, коль скоро речь идет о воссоединении разных частей одного в сущности народа. Такая точка зрения зафиксирована в целом ряде официальных высказываний, прозвучавших и при созыве Переяславской рады, и непосредственно после нее. Подобное видение сохранялось и в дальнейшем, получив свое воплощение в «Синописе», который был главным учебным пособием по истории Восточной Европы на протяжении всего XVIII в.

Что касается последующего развития, прежде всего украинско-русских отношений (но нужно говорить и о русско-белорусских отношениях, учитывая то, что после вступления войск Алексея Михайловича в Белоруссию произошло очень значительное переселение белорусов на территорию Русского государства), здесь, мне кажется, чрезвычайно важно иметь в виду две тенденции, причем необходимо принимать во внимание их одновременное действие. Расширение контактов, во-первых, приводило к тому, что обе стороны осознали, что между ними существуют многочисленные объективные различия; объективно они, разумеется, существовали и раньше, но при контактах гораздо сильнее осознавались. Это одна сторона дела. С другой стороны, расширение контактов вело к сближению этносов, развивавшихся ранее в разных исторических условиях, к оживлению старых традицион-

ных представлений о едином (теперь — «российском») народе. При этом открывались новые возможности для взаимных влияний, в частности, западнорусских, а не только украинских, влияний на русское общество, на русскую культуру. В связи с тем, что уже говорилось на эту тему, хотелось бы сказать следующее. Мы имеем дело с фактом объективным, отрицать его не приходится, но мне кажется, что это влияние было ограничено отдельными областями культуры, я бы не стал его относить ко всей русской культуре в целом, и, во-вторых, все-таки оно осуществлялось в определенных, достаточно ограниченных хронологических рамках. Уже со времени Петра I, как мы знаем, на русскую культуру оказывается сильное воздействие совершенно другого плана. Когда мы определяем, в чем украинское влияние проявилось прежде всего, то становится очевидным, что оно ограничено церковной сферой культуры. Если церковную сферу считать самой главной в русской культуре XVII—XVIII вв., тогда, конечно, надо признать, что украинские влияния обусловили весь ход развития России этого периода. Если же процесс исторического развития русской культуры выглядел иначе, то и роль украинских влияний окажется более скромной.

Когда в XVIII в. русское правительство более-менее последовательно стало проводить политику ограничения, ликвидации украинской автономии, то это также вызывало две тенденции в обществе. С одной стороны, достаточно резкую отрицательную реакцию, с другой усиление ассимиляции определенных элементов общества. Я думаю, имело место и первое, и второе.

Надо поставить особый вопрос, который сейчас стал даже весьма модным, — об исторической роли элит в развитии общества того или иного региона. Здесь хотелось бы отметить их значительную роль в осуществлении механизма социально-культурной (затем — этнической) ассимиляции. Социальная элита на разных территориях Речи Посполитой, где живут различные народы, усваивает польскую культуру, польский язык и т. д., и возникает некая единая культура, которую условно можно назвать общепольской, учитывая при этом все многообразные нюансы. Вероятно, со второй половины XVIII в. в пределах Российской империи на территории Левобережной Украины происходит освоение той же самой социальной элитой русской культуры, которая становится ее культурой. В этом смысле можно говорить об общерусской культуре, поскольку она существует на всей территории Российской империи. Сказанное, конечно, не означает, что тог-

да уже не было украинского населения со своей особой культурой. Кстати сказать, люди XIX в. не отрицали, что существуют украинские обычаи, литература на украинском языке и т. д., но они считали их чем-то таким, что существует на этнографическом уровне, а род культуры образованного общества — это, конечно, русская культура.

М. В. Дмитриев: Если мы посмотрим на развитие отечественной науки, картина, по-моему, значительно более разнообразна, и сказать, что историография подчинена идеологии, было бы неправильно даже применительно к XIX в., не говоря уже о много более деидеологизированной научной историографии следующего столетия. Что касается «центрально-восточной» концепции, то главной задачей было бы взвесить все pro et contra, связанные с тем, насколько, в каких именно отношениях украинско-белорусские территории принадлежат, с научной точки зрения, региону, который назван Центрально-Восточной Европой. Вопрос именно в этом, а не в том, в какой степени входят в него Силезия, или Мазовия, или Венгрия. Важно знать, насколько глубоко и далеко в восточнославянский мир проникли западные цивилизационные влияния.

Ю. А. Лыбынцев: Если обратиться к магистральным, основным путям развития исторических исследований, особенно в украинской и белорусской историографии, то становится очевидным, что при всем разнообразии подходов здесь главенствует проблема путей национального развития, что не исключает вкраплений этих, не столь уж заметных, теорий. Это касается, в частности, концепции Центрально-Восточной Европы.

Надо сказать, что в России украинские и белорусские концепции национальной истории принимаются достаточно объективно. Никто не отрицает, что мы имеем дело с особыми народами, обладающими своим культурным, историческим и даже можно сказать «идеологическим багажом». Упомяну о концепции Руси Литовской и Руси Московской, интересной и практически неизученной. Оформилась она в XVI в., жила и в XVII в., но проследить ее судьбу очень сложно в источниковедческом отношении. Это одна из очень ранних сугубо идеологических, даже можно сказать идеолого-политических теорий, которые важны, например, для понимания событий и сути «Смутного времени».

Обращаясь к оценке итогов научной работы ученых Украины и Беларуси, хотел бы особо остановиться на одной книге. В серии «Народы

и культуры» Института этнологии и антропологии РАН в 1998 г. была издана объемная монография «Белорусы», подготовленная авторитетным коллективом белорусских исследователей. Во многом это своеобразный научный монолог. Нет прочных критических взаимосвязей не только с современной российской, но и европейской наукой. Впрочем, подобное наблюдается почти повсеместно. Каждый говорит лишь о своем видении, не учитывая мнения и наработки других, часто даже не догадываясь об их существовании.

Степень изученности интересующих нас проблем особенно хорошо заметна при реконструкции ментального образа белорусов. В книге налицо явная незавершенность в отображении богатой духовной культуры этого народа. Невнимание к религиозной культуре белорусов едва ли допустимо, так как в их среде, наряду с яркими проявлениями языческой архаики, сосуществуют православные и католики, а также достаточно многочисленными и отчасти старые протестантские группы.

Униатская церковь на белорусских землях в течение двух веков занимала фактически главенствующее положение. Распространение в некоторой части интеллигенции униатства в самые последние годы связано с декларированием пограничности культуры Белоруссии и ее специфичности, обособленности. Еще более внутренне контрастна доктрина белорусско-католиков национально-культурного движения, а правильнее движений, которое серьезно пока не изучалось.

Главным двигателем концепции Центрально-Восточной Европы является Е. Ключовский. Он нашел в Европе несколько сторонников. Регион в понимании этой группы лиц охватывает до двух десятков современных государств, далеко не только одну Польшу с сопредельными странами и Венгрию, но и государства от Балтики до Балкан включительно. Стержень данной концепции явно политизирован.

Сейчас необходимо выстраивать наши подходы, учитывая общемировые процессы. Это стало особенно очевидно именно в последнее десятилетие, чем и объясняется интенсивная выработка всевозможных концепций, в частности в Германии, в Австрии, в Польше касательно их места не только в Европе, но и в мире. Важно изучать внедрение этих концепций не только в науку, но и в историко-культурную действительность, а также их выход в область бытового мифа. Все это необходимо учитывать

и при рассмотрении различных новаций, связанных с тематикой данного «круглого стола».

Б. Н. Флоря: Л. Е. Горизонтов правильно отметил, что он обращает внимание на крайности. Это не значит, что речь идет обо всей историографии.

Л. Е. Горизонтов: Занимаясь историей науки, должен констатировать, что последняя весьма часто реагирует на политический и, шире, социальный заказ. Сравнительно редко следы охарактеризованных мною концепций различимы в работах, посвященных конкретно-историческим, частным сюжетам; гораздо заметнее они на уровне обобщения, философско-исторической рефлексии. Хотя и по частным поводам, как только что проиллюстрировал несколькими примерами М. А. Робинсон, они могут неожиданно обнаруживать себя. Задача состоит в том, чтобы верифицировать эти концепции, не утратив те рациональные моменты, которые в них заключены.

Мы, действительно, пока не уделили должного внимания концепциям национальной истории, но, уверяю вас, и в них политическая составляющая достаточно велика. И когда возрождение общерусской концепции связывается с реакцией на то, что происходит в украинской и белорусской историографиях, имеется в виду их политически ангажированный подход к прошлому. Не надо, однако, думать, что современная российская историография в этом отношении безгрешна. Я уже подчеркивал связь концепции Центрально-Восточной Европы с национальными историографиями. Как отмечал, говоря о своих единомышленниках, упомянутый выше Е. Ключовский, «следует со всей силой... подчеркнуть, что мы идем здесь за самыми новыми, отчетливо формулируемыми взглядами динамичных национальных исторических школ — белорусской, украинской, литовской, — очень сильно акцентирующих свою принадлежность именно к Европе, определяемой как Центрально-Восточная».

Позволю себе не согласиться с теми, кто склонен изображать украинскую и белорусскую историографии исключительно в темных красках. Историки соседних стран, надо признать, за недолгий срок независимого существования своих государств прошли большой путь в направлении профессионализации. И тем не менее заявлять, что политические влияния несущественны, нет влияний историографических, идущих от националь-

ной традиции в конечном счете от эпохи романтизма, совершенно не приходится.

М. А. Робинсон: Хотелось бы поддержать Л. Е. Горизонтова, говорившего о частой зависимости историографии от политики и идеологии. Я тоже занимаюсь историей науки самых разных периодов. Иногда даже у очень крупных ученых идеологическая конструкция стоит на первом месте, подминая под себя научные факты. Опасно недооценивать иногда явную, а иногда и скрытую политизированность научных концепций.

«Общерусская концепция», имевшая под собой почву в XIX в., сейчас обращена в основном в прошлое. Ее политическая часть, объяснявшая возникновение украинского и белорусского языков и национальных культур как осуществление планов сепаратистов, поощряемых противниками России на театре европейской политики столетней давности, к современному положению имеет мало отношения. Но разные варианты этой концепции популяризируются в современных изданиях. Так, ее «классический» вариант составил основу своеобразной хрестоматии «Украинский сепаратизм в России. Идеология раскола» (1998), вышедшей в серии с характерным и вполне соответствующим времени написания работ, вошедших в книгу, названием: «Пути русского имперского сознания». В книге собраны работы ученых начала прошлого века, придерживавшихся общерусских взглядов. Она снабжена предисловием, в котором все упрощено и политически актуализировано. В книге, кстати, помещена и вполне академическая работа Б. М. Ляпунова 1919 г., в которой (с апелляцией ко многим научным авторитетам) отвергаются политически ангажированные романтические построения ряда украинских исследователей. Присутствуют в статье Ляпунова отсылки и к переизданной в этой же антологии работе Т. Д. Флоринского. Интересно, что, когда в середине 1920-х годов на одной из конференций некоторые национально ориентированные ученые, белорус Лёсик и другие заявляли, будто «академик Ляпунов не признает ни белорусского, ни украинского языка», то, по свидетельству его ученика П. А. Бузук, «это вызвало бурю негодования». Протестовали и М. Фасмер, и Сержпутовский, и сам Бузук, указавший обвинителям Ляпунова, что тот ведет в Ленинградском университете курс украинского языка.

У меня еще вопрос. Б. Н. Флоря сказал, что общепольская элита в принципе сформировалась и представляла некое целое. Входило ли в нее православное духовенство восточнославянских земель Речи Посполитой?

Б. Н. Флоря: Духовенство, с этой точки зрения, целого, конечно, не представляло. В Речи Посполитой оно было самых разных исповеданий и разных культурных ориентаций. Но той силой, которая определяла общий облик общества, культуру и т. д., была там шляхта. В этой связи важно отметить, что накануне принятия Конституции 1791 г. предпринимались попытки превращения Речи Посполитой в унитарное государство. Это наглядно показывает, что к концу XVIII в. шляхта в самых разных частях государства ощущала себя как некое целое и не понимала, зачем нужны внутренние границы, чему служило особое Великое княжество Литовское.

Л. Е. Горизонтов: Встречается ли в источниках XVII в. понятие «украинцы»?

Б. Н. Флоря: Термин «Украина» попадает достаточно часто, но «украинцы» вообще не встречаются.

Ю. А. Лабынцев: Даже для XVIII в. это раритет.

Л. И. Сазонова: Хочу обратить внимание на одно место в письме Симеона Полоцкого к Лазарю Барановичу, в котором говорится так: «...на ползу страны Украинныя». Это 1670 г.

А. В. Липатов: Следует упорядочить понятийный аппарат, дабы не вдаваться в дискуссии, которые провоцируются многозначностью употребляемых терминов. Так, в контексте традиционных польских представлений этноним «русские» первоначально был привязан к украинско-белорусскому ареалу: по другую сторону государственной границы обитали «московиты». Лишь позднее понятие «русские» распространяется поляками и на население Московского государства, консолидирующееся в великорусскую народность.

Когда мы говорим о существовании народностей, всю проблему можно свести к самосознанию, носителями которого были элиты. Совершенно разные типы национального мировосприятия и самоосознания — политического и ментального — сложились на землях украинско-белорусских и русских. Уже в XVII в. контакты украинцев и русских (представителей Московского государства) выявляли эту разницу, что зафиксировано в памятниках того времени. С другой стороны, помимо факторов, которые раз-

деляли народы Речи Посполитой, особенно в XVII в. в связи с Контрреформацией, следует учитывать, что совершенно иная ситуация на украинско-белорусских землях была в XVI в. Упомяну о Варшавской конфедерации 1573 г., уравнившей права всех конфессий в этом государстве. Что касается «украинизации», то речь идет опять-таки не о русской культуре в целом, а о высокой культуре и о конкретных влияниях в церковной сфере и в сфере светской или «великосветской».

М. В. Дмитриев: В Московской Руси жители издавна называли себя русскими, это хорошо прослеживается по письменным памятникам.

Л. Е. Горизнтов: Полагаю, что с историографической и этнополитической проблематики самое время постепенно перейти к обсуждению этноконфессиональных и этнокультурных вопросов, предусмотренных программой нашей встречи.

С. С. Лукашова

Роль конфессионального фактора в формировании этнического самосознания восточнославянских народов слабо изучена в историографии. В русской дореволюционной историографии (естественно, преимущественно православной) все, что касалось униатской или католической церкви, оценивалось негативно, и их глубинное воздействие на восточнославянское население категорически отрицалось. Утверждалось, что православная церковь и православие в целом сыграли решающую роль в формировании самосознания русских, украинцев и белорусов. Вопросы этнических различий внутри восточнославянского региона тогда серьезно не разрабатывались, но тщательно подчеркивались принципиальная разница в менталитете населения Западной Европы и России.

Советская историческая школа исходила из существования в XI—XIII вв. древнерусской народности, которая объединяла всех восточных славян и впоследствии разделилась на три ветви — русскую, украинскую и белорусскую. Вместе с тем проблемы этнических различий в XVII—XVIII вв. не были освещены должным образом. Католическое влияние во всех его проявлениях по-прежнему оценивалось негативно. Только после распада Советского Союза в России появились первые упоминания о том, что униатская церковь могла воздействовать на формирование политических симпатий, антипатий или предпочтений восточнославянского населения.

Современная украинская (львовская) и, частично, белорусская историография настаивают на том, что именно униатская церковь способствовала самоидентификации украинцев и белорусов и, соответственно, привела к формированию особого этнического самосознания, в то время как православие сглаживало различия между великороссами, малороссами и белорусами. Киевские ученые такую роль униатской церкви категорически отрицают, считая при этом, что и православная церковь не имела прямого влияния на формирование этничности. Странники всех названных концепций используют общераспространенный набор фактов и аргументов, которые переходят из одной работы в другую.

Реакция населения на государственную политику в конфессиональной области часто была неадекватной тем мерам, которые применяло правительство, неожиданной и даже нежелательной для последнего. Когда при Екатерине II, по отзыву архиепископа Георгия Конисского о екатерининском указе 1780 г., униаты стали переходить в православие «стадами», светские и церковные власти начали тормозить выход из унии.

Польские историки приводят аналогичные сведения, но уже в отношении политики властей к православному населению Речи Посполитой. Ситуация настолько симметрична, что возникает сомнение, можно ли в этом случае говорить об ассимиляции униатов на территории Российской империи или православных в Речи Посполитой и вел ли переход в другую конфессию к сознательной перестройке собственных стереотипов и мышления.

Полная симметрия наблюдается и в плане политической лояльности. Если в XVII в. обвинение в сепаратизме и в изменнических настроениях постоянно предъявлялись в отношении православного населения Речи Посполитой, то в XVIII в. те же самые инвективы фиксируются в российских источниках. Как и за «литовским рубежом», простые верующие и особенно униатское духовенство стали усердно заверять в своей политической лояльности по отношению к Российской империи, подчеркивая незначительность расхождений между греко-католическим обрядом и православием.

Еще один аспект — региональный. Как отдельный регион, безусловно, следует выделить Левобережную Украину, которая достаточно рано вошла в состав Российской империи, и уния не оказала там серьезного воздействия. Другой четко очерченный регион — Белоруссия, где конфессиональные различия по ряду причин не стали основанием для возникновения

политического сепаратизма, хотя там уния укоренилась, и восточно-католический обряд получил достаточно широкое распространение. Особая ситуация сложилась к западу от Днепра, особенно на землях, позднее вошедших в состав Австрийской империи. Именно там конфессиональная принадлежность стала в определенном смысле маркером политической ориентации, лояльности или сепаратистских устремлений.

Б. Н. Флоря: Я имел в виду не только Галицию, но и Правобережную Украину. Тут надо вспомнить события Колиивщины, сопровождавшиеся массовым истреблением униатского и католического духовенства, а также евреев. Повторились события времен Богдана Хмельницкого. Очевидно, население этой части Украины сохранило память о своем казацком прошлом, что отталкивало его от власти и униатской церкви. Не случайно уния здесь рухнула сразу после разделов Речи Посполитой. В Галиции, конечно, была другая ситуация, в частности, потому, что казацкое движение не охватило этой территории в свое время. Мне кажется, надо большое внимание уделять йозефинским реформам и всему тому, что за ними последовало. Здесь наблюдается целый ряд параллелей с тем, что на рубеже XVIII—XIX вв. происходило в такой стране, как Словакия, где из семинарий Иосифа II выходят священники, которые начинают отстаивать национальные права своего, словацкого народа. Что касается Белоруссии, действительно, это очень актуальная проблема, потому что, во-первых, нам неясно, почему уния там, в отличие от Украины, так прочно и быстро утвердилась, и во-вторых, почему она там исчезла. Не быстро, отнюдь не столь быстро, как на Правобережной Украине, но как-то более-менее безболезненно, без таких острых конфликтов. На эти вопросы мы пока убедительного ответа не имеем.

Оценивая выступление казаков Хмельницкого как народно-освободительное движение, мы имеем основание говорить, что униатская церковь была противником этого движения. В лагере под Берестечком находился епископ Яков Суша с иконой Холмской Богоматери, и ее чудесному воздействию приписывалась победа над казаками, что ставило униатскую церковь в сложное положение. И это была не единственная сложность. Вот какая картина вырисовывается при изучении записок 20-х годов XVII в. униатского митрополита Иосифа Рутского. С одной стороны, православные придерживаются неправильного учения, их надо обратить в истинную веру, но тем

не менее они остаются частью русского народа. Те шляхтичи, которые перешли в католицизм, как часть этого народа Рутским не воспринимаются, хотя, с точки зрения своих религиозных предпочтений, он должен бы был рассуждать совершенно иначе. На этом примере мы видим, какие парадоксы существовали в сознании униатского духовенства. Думаю, что в известной мере они существуют в сознании униатского духовенства до сих пор.

М. В. Дмитриев

Если бы задачей нашего обсуждения было ясно обрисовать некие концептуальные *решения* проблем, связанных с этническим развитием и взаимодействием культур восточных славян в XVII—XVIII вв., то оно было бы обречено на неудачу. Время обобщать еще не пришло, так как слишком скудны и противоречивы накопленные в науке данные. Вместе с тем имеющегося в распоряжении специалистов достаточно, чтобы более или менее корректно поставить часть вопросов, касающихся этнического и неэтнического в культурах восточных славян рассматриваемого периода и наметить подходы, которые в дальнейшем могут привести к их решению.

Прежде всего, возникает сомнение, правильно ли говорить о польском, украинско-белорусском, русском влияниях на культуры соседних стран, или о западном влиянии, или влиянии православных традиций, или влиянии восточных, мусульманских культур? Иными словами, что преобладало в этих влияниях — этнонациональное или религиозно-конфессиональное? Представляется, что религиозно-цивилизационный критерий много адекватнее тому, что «было на самом деле», чем критерий национальный.

Если же мы ставим вопрос в плоскости религиозно-цивилизационных, а не «национальных» влияний, то здесь есть области более и менее исследованные. Хорошо изучено все, что касается западных влияний, т. е. влияний латинского, а потом и латинско-протестантского мира на культуру восточных славян. Это хрестоматийный и разносторонне разработанный сюжет. Подчеркну только два обстоятельства. Во-первых, в Московскую Русь западные влияния приходят не в XVII в., а много раньше, во второй половине XV в., и не столько из Польши и Литвы, сколько из Германии, Италии, отчасти из стран Балтийского региона (через Новгород и Псков). Во-вторых, остается очень слабо изученным вопрос, в какой степени органично или неорганично совмещались в рамках возникавших локальных и нацио-

нальных восточнославянских культур ценности, ориентации, идеи, смыслы, заимствованные с Запада, с местными средневековыми традициями?

Если же речь идет о незападных влияниях, то нужно подчеркнуть, что, во-первых, проблематика взаимных влияний внутри восточнославянского мира никак не может быть оторвана (по крайней мере в период до XVIII в.) от связей внутри восточнохристианской зоны в целом. Так, развитие православной культуры Украины и Белоруссии в конце XVI—XVII в. нельзя понять вне влияний, идущих из Константинополя, православных центров на Балканах и даже из Александрии, Иерусалима, не говоря уже об Афоне. То же самое, разумеется, касается России XVII в. Во-вторых, украинско-белорусские влияния на русскую культуру XVII в. не должны заслонять ни того, какое воздействие русская культура во второй половине XVI в. и даже в XVII в. оказывала на Украину и Белоруссию, ни того, что культура Левобережной Украины стала еще более активным реципиентом русских влияний с конца XVII в.

В-третьих, при обсуждении взаимных культурных влияний в Восточной Европе в XVII—XVIII вв. почти всегда странным образом из нашего поля зрения выпадают еще два важнейших аспекта всей картины. Есть исследования об ориентализации вкусов и стиля жизни польской шляхты на креслах (и не только на креслах), о восточных пластах в польском сарматизме, а вопрос об аналогичных процессах в среде украинского казачества и православного дворянства очень редко привлекает внимание. Второй — это связи христианской и иудейской культур. Еврейские общины были далеко не так сильно изолированы от христианских, и отношения между ними отнюдь не всегда и не всюду отличались враждебностью.

Обращаясь к роли западнорусского влияния в переходе от Средних веков к Новому времени, прежде всего подчеркну, что говорить об украинско-белорусском влиянии мне представляется более правильным, чем о «западнорусском», хотя и этот термин в данном конкретном случае не вполне адекватен. Терминологические затруднения лишний раз напоминают о довольно простой, в сущности, вещи: вполне «национальных» (в современном смысле слова) культур в восточнославянском мире даже в XVI—XVIII вв., по строгому научному счету, еще не существовало. Что же касается существования проблемы, то она имеет, по меньшей мере, три грани.

Первая связана с проблематикой барокко. Если барокко понимать не как художественный стиль, а более широко, как определенный тип миро-

уровне «переживаемого христианства» отличало, например, православно-го от католика, ни даже того, что происходило с православной «высокой» культурой там, где распространялась уния. Соответственно, большим «белым пятном» представляется и конфессиональная субкультура, сложившаяся в лоне греко-католической церкви. Была ли эта культура совместима с культурой православной настолько, что обе являлись частями единой «национальной» культуры, белорусской или украинской? Или благодаря унии был запущен в действие механизм формирования «разорванной нации», если следовать терминологии С. Хантингтона, и прав был М. С. Грушевский, сравнив однажды восток и запад Украины с Сербией и Хорватией? Особенно темны в этом отношении вторая половина XVII в. и большая часть XVIII в.

Ю. А. Лыбынцев: С очень многими положениями, высказанными М. В. Дмитриевым, я более чем согласен. В данном случае мы имеем дело как бы с европейской точкой зрения. Совершенно очевидное «белое пятно» на мировой исторической карте по степени изученности — XVIII в.

С. Г. Яковенко: Следы западного влияния отчетливо прослеживаются с конца XV в., в частности, в архитектуре, в еретических движениях Северо-Восточной Руси, в активизации дипломатических контактов России с Папским престолом. Если в конце XV в. западное влияние было, так сказать, ввезенным и заимствованным, то во второй половине XVII в. оно уже достаточно ощутимо присутствует в русской культуре, начиная превращаться в явление местное.

Зарождается такое явление, как «русский католицизм», который является одним из выражений этого влияния (Петр Артемьев, Палладий Роговский). Последний обучался в Италии и там перешел в унию, впоследствии оказав значительное влияние на культурную жизнь России.

Вместе с тем не всегда уместны параллели между культурными процессами, которые происходят на Востоке Европы, и западноевропейскими: речь идет о Реформации и Контрреформации.

В. О. Ключевский писал, что Древняя Русь «искала посредников, которые могли бы передать ей образование в обезвреженной переработке... Западнорусский православный монах, выученный в школе латинской или в русской, устроенной по ее образцу, и был первым проводником западной науки, призванным в Москву».

Е. А. Верниковская

Хотелось бы привести конкретный пример из ранней истории Брестской унии, весьма существенный для понимания того, как происходило соприкосновение двух религиозно-культурных традиций и какие последствия имел их диалог для развития религиозного и, в какой-то степени, этнического самосознания основной массы населения украинских и белорусских земель начала XVII в.

В XVI в. в данном регионе конфессии и этносы сосуществовали довольно мирно. Перелом ознаменовала Брестская уния, положившая начало «борьбы Руси с Русью». На первых порах раскол был замечен преимущественно в высших слоях общества, на сеймах и диспутах, и лишь в незначительной степени находил отклик народа, не видевшего принципиальных различий церквей, в которых служат православные священники, от отданных униатам.

Приблизительно ко второму десятилетию XVII в. наметился поворот: и в низших слоях общества начинается конфронтация католиков и униатов, с одной стороны, и православных с другой. Особой остроты она достигла на восточнобелорусских землях. Пример столкновения православного населения с полоцким униатским архиепископом Иосафатом Кунцевичем позволяет сделать попытку разобраться в причинах возникшего конфликта и его природе.

Деятельность Кунцевича по распространению унии в Полоцкой епархии показывает, что сопротивление приобретает массовый характер тогда, когда православные лишаются возможности отправления своего богослужения и осознают, что закрываются именно православные церкви и изгоняются именно православные священники, а уния начинает насаждаться в принудительном порядке. Широко практиковавшиеся Кунцевичем меры принуждения по отношению к белорусскому мещанству неизбежно должны были вызвать острую реакцию. Религиозный конфликт затронул низшие слои общества, войдя практически в каждый православный дом.

Кроме того, к 20-м годам XVII в. в широкие слои общества, хотя и в трансформированном виде, начинают проникать «сверху» идеи, бывшие предметом полемики в элитных его слоях. Под их влиянием и на основании собственного опыта у масс простого населения формируется свое представление о различиях и конфликте унии с православием.

Необходимость встать на защиту *своей* веры и традиции предков неизбежно делала актуальным религиозно-культурное самоопределение православного населения, вызывала потребность отмежеваться от веры католиков и униатов. Процесс религиозной дифференциации сопровождался развитием религиозного самосознания в тесной связи с сознанием этническим. Раскол ранее единой массы русинов на православных и униатов привел к тому, что униаты не просто стали рассматриваться православными как предавшие веру предков и приравняться к католикам, но теряли в их глазах связь со своим народом, если не с национальной (в силу неукорененности национального типа мышления), то во всяком случае с прежней культурной общностью. Перешедшие же в унию продолжали причислять себя к русинам. Кунцевич говорит об униатских церквях как о «наших, русских», а православные считают его «латинником», «папистом» и называют «бискупом».

Как показывает в своих работах Б. Н. Флоря, религиозный конфликт осмысливался православными в национальных категориях. Попытка «ляхов» заставить «белорусцев» принять свою религию нарушала сложившуюся у православных картину мира, в которой у каждого народа своя вера. В материалах беатификационных процессов Кунцевича причиной ненависти к нему называются его усилия «превратить рутенов в латинян», «сделать рутенов римлянами внешнею и сердцем» (в цитируемом латиноязычном источнике русинам соответствуют рутены). Противопоставление идет не по принадлежности к той или иной конфессии или этносу («русский» — «лях», «греческая вера» — «латинская вера»); эти понятия смешиваются, порождая оппозицию этноса конфессии.

Порожденный Брестской унией конфликт, таким образом, выходил за рамки чисто конфессионального. Религиозный фактор, интегрируя этническую группу и отделяя ее от других, несомненно, ускорил процесс самоидентификации восточнославянского населения Речи Посполитой.

С. Г. Яковенко: Как бы ни относиться к «латинизации», следует признать, что в XIX в. униа уже стала важным фактором культурной жизни и этнической идентификации, по крайней мере в Галиции. Поэтому можно сколько угодно говорить о негативном влиянии унии, о ее насильственном внедрении в православное восточнославянское общество, но после издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. свыше 170 тыс.

«воссоединенных» с православием униатов Холмской Руси перешли в католицизм. Совсем недавно, в советские времена, на западноукраинских процессах над униатскими священниками сельские жители неожиданно для властей заявляли, что являются греко-католиками и сохраняют принадлежность к этой церкви, потому что и их предки тоже принадлежали к ней.

И еще о терминах. «Греко-католиками» униатов начали именовать лишь с конца XVIII в., когда после разделов Речи Посполитой в Австрийской империи стали разделять римо-католиков и греко-католиков.

М. В. Дмитриев: В настоящее время греко-католики чувствуют себя задетыми, когда их называют униатами, поэтому мы и используем другой термин, действительно появившийся позже и потому анахроничный для разговора о XVII в.

А. В. Лунатов

Преодоление традиционных подходов к изучению интересующего нас региона, как показывает опыт, требует, чтобы Украина, Белоруссия и Литва рассматривались не с точки зрения истории, государственно-политических интересов и т. д. России или Польши, а присущих именно этим этносам исторических особенностей, культурного самосознания, обнаруживающихся в их взаимоотношениях со своим окружением.

При этом неизбежно встает проблема типологии более широкого, нежели внутрорегиональный, плана. Христианство стало предпосылкой, а позднее основой возникновения, формирования и развития надэтнической по своей сути европейской цивилизации. Славяне, подобно другим этносам, входили в эту цивилизацию по мере приобщения к христианскому универсуму. Позднейшая его дифференциация на *Rex Orthodoxa* и *Rex Latina* — следствие *внутреннего* разделения институтов церкви, а не исчезновения или смены *общецивилизационной основы*. Интенсивное взаимонакладывание двух культурных кругов одной цивилизации просматривается в нескольких регионах времен Средневековья: Балканы, часть Апеннинского полуострова и Срединной Европы, Восточная Европа. В этой последней четкое культурное размежевание происходит позднее.

Вследствие существования в раннее Новое время в границах Речи Посполитой украинская и белорусская культуры, в отличие от русской, не были отграничены от латинского Запада, а в условиях шляхетской демо-

Необходимость встать на защиту *своей* веры и традиции предков неизбежно делала актуальным религиозно-культурное самоопределение православного населения, вызвала потребность отмежеваться от веры католиков и униатов. Процесс религиозной дифференциации сопровождался развитием религиозного самосознания в тесной связи с сознанием этническим. Раскол ранее единой массы русинов на православных и униатов привел к тому, что униаты не просто стали рассматриваться православными как предавшие веру предков и приравняться к католикам, но теряли в их глазах связь со своим народом, если не с национальной (в силу неукорененности национального типа мышления), то во всяком случае с прежней культурной общностью. Перешедшие же в унию продолжали причислять себя к русинам. Кунцевич говорит об униатских церквях как о «наших, русских», а православные считают его «латинником», «папистом» и называют «бискупом».

Как показывает в своих работах Б. Н. Флоря, религиозный конфликт осмысливался православными в национальных категориях. Попытка «ляхов» заставить «белорусцев» принять свою религию нарушала сложившуюся у православных картину мира, в которой у каждого народа своя вера. В материалах беатификационных процессов Кунцевича причиной ненависти к нему называются его усилия «превратить рутенов в латинян», «сделать рутенов римлянами внешнею и сердцем» (в цитируемом латиноязычном источнике русинам соответствуют рутены). Противопоставление идет не по принадлежности к той или иной конфессии или этносу («русский» — «лях», «греческая вера» — «латинская вера»); эти понятия смешиваются, порождая оппозицию этноса конфессии.

Порожденный Брестской унией конфликт, таким образом, выходил за рамки чисто конфессионального. Религиозный фактор, интегрируя этническую группу и отделяя ее от других, несомненно, ускорил процесс самоидентификации восточнославянского населения Речи Посполитой.

С. Г. Яковенко: Как бы ни относиться к «латинизации», следует признать, что в XIX в. униа уже стала важным фактором культурной жизни и этнической идентификации, по крайней мере в Галиции. Поэтому можно сколько угодно говорить о негативном влиянии унии, о ее насильственном внедрении в православное восточнославянское общество, но после издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. свыше 170 тыс.

«воссоединенных» с православием униатов Холмской Руси перешли в католицизм. Совсем недавно, в советские времена, на западноукраинских процессах над униатскими священниками сельские жители неожиданно для властей заявляли, что являются греко-католиками и сохраняют принадлежность к этой церкви, потому что и их предки тоже принадлежали к ней.

И еще о терминах. «Греко-католиками» униатов начали именовать лишь с конца XVIII в., когда после разделов Речи Посполитой в Австрийской империи стали разделять римо-католиков и греко-католиков.

М. В. Дмитриев: В настоящее время греко-католики чувствуют себя задетыми, когда их называют униатами, поэтому мы и используем другой термин, действительно появившийся позже и потому анахроничный для разговора о XVII в.

А. В. Липатов

Преодоление традиционных подходов к изучению интересующего нас региона, как показывает опыт, требует, чтобы Украина, Белоруссия и Литва рассматривались не с точки зрения истории, государственно-политических интересов и т. д. России или Польши, а присущих именно этим этносам исторических особенностей, культурного самосознания, обнаруживающихся в их взаимоотношениях со своим окружением.

При этом неизбежно встает проблема типологии более широкого, нежели внутрорегиональный, плана. Христианство стало предпосылкой, а позднее основой возникновения, формирования и развития надэтнической по своей сути европейской цивилизации. Славяне, подобно другим этносам, входили в эту цивилизацию по мере приобщения к христианскому универсуму. Позднейшая его дифференциация на *Rex Orthodoxa* и *Rex Latina* — следствие *внутреннего* разделения институтов церкви, а не исчезновения или смены *общецивилизационной основы*. Интенсивное взаимонакладывание двух культурных кругов одной цивилизации просматривается в нескольких регионах времен Средневековья: Балканы, часть Апеннинского полуострова и Срединной Европы, Восточная Европа. В этой последней четкое культурное размежевание происходит позднее.

Вследствие существования в раннее Новое время в границах Речи Посполитой украинская и белорусская культуры, в отличие от русской, не были отграничены от латинского Запада, а в условиях шляхетской демо-

кратии — при всех известных ее ограничениях — имели возможность свободного развития. Это предопределило особенности формирования этнически своей культуры и ментальности, отличающихся от формируемых Московским государством, которое, по словам Андрея Курбского (XVI в.), было затворено, «аки во ади твердыни». Отсюда роль украинско-белорусской культуры, наряду с польской и латинской, в XVII в. в обновлении русской культуры. Отсюда и обращение Петра I в его преобразованиях России к услугам выходцев из этой части восточного славянства.

При общецивилизационном подходе можно объективно уяснить происходящие в отдельных культурах процессы, преодолевая ограничения традиционных идеологизированных национально-государственных подходов. Во время работы над томом «Истории всемирной литературы» по XVII в. в рукописях польских, украинских, белорусских и литовских глав фигурировали одни и те же имена этнических поляков, причем в каждой из них утверждалось, что это этнически свои писатели. Я высказал мнение, и оно было поддержано коллегами, что на данном этапе локальной истории этническая принадлежность создателей культурных ценностей не имела значения. В общем пространстве культуры многоэтнической Речи Посполитой латиноязычное (как, впрочем, и польскоязычное) творчество поляков на землях Украины, Белоруссии и Литвы стало частью украинской, белорусской и литовской культурной жизни, имея при этом далеко идущие выходы в будущую — этническую и уже на родном языке — культурную историю названных народов.

Преодоление проецирования в далекое прошлое узконационального мышления XIX—XX вв. способствует диалогу с учеными разных стран, тогда как указанный тип мышления в науке сужает ее эвристические возможности и искажает самое понимание истории как объективной данности.

Если рассуждать в категориях цивилизационной общности, становится, в частности, понятно, почему искусство, мода и язык врага усваиваются и претворяются сообразно с локальными потребностями и пристрастиями, т. е. музы оказываются сильнее Марса.

Рассмотрение судеб народов нельзя сводить к действию одного (трактуемого как всеобуславливающий) фактора — политического, конфессионального, социального и др. Примером может служить внутреннее разделение украинской культурно-политической элиты во времена восстания Б. Хмельницкого, а затем после Переяславской Рады, когда конфессиональ-

ная общность Левобережной Украины и России не погасила противоречий, порожденных разным пониманием национальных интересов и самого типа государственности. Украинский менталитет уже тогда разнился от великорусского. Естественно, я имею в виду образованные слои, а не крестьянство, потому что крестьянская, народная культура — совсем другая проблема. Даже в XX в. рассуждения некоторых историков о неудаче попыток создания украинской государственности сводились к выводу, что в этой преобладающей массе населения еще не созрело национального самосознания.

Национально и ментально Украина, как и Белоруссия, — это не часть России, а особый мир, который при всей общности восточного славянства развивался своим особым путем. Взаимонакладывание в этой части Европы двух культурных кругов, вхождение частей восточного славянства в разные государственные системы, а отсюда их пребывание в геополитически и культурно разнящихся пространствах — все это предопределило формирование отдельных, особых восточнославянских народностей при всей их этнической близости и конфессиональной общности.

М. В. Лескинен

Остановлюсь на определении типологической принадлежности украинской (восточнославянской) культуры. Когда предметом исследования становится культурное взаимодействие восточных (украинцев) и западных славян, рассматриваемое как взаимодействие *двух систем мышления*, особую значимость приобретают вопросы: возможно ли жестко отделить процесс естественной эволюции от влияния в форме прямого заимствования, и кто или что его инициирует?

Украинская (восточнославянская) культура XVI—XVII вв. представляет собой «культурное пограничье», понимаемое двояко: с одной стороны, как культура, находящаяся на рубеже двух цивилизационных типов (Востока и Запада, двух христианских конфессий), двух геополитических зон и т. п., а с другой — в связи с переходным характером исторического периода, типа ментальности, конфессиональной ситуации. Как показала применительно к Украине XVII в. Л. А. Софронова, пограничная культура тяготеет к открытости, и ее элементы, воспринимающиеся современниками в короткие отрезки времени как культурно-специфические, в действительности неустойчивы и могут менять направление. Наконец, ее своеобразие заключается в напряженности и ускорении протекающих процессов.

На этой стадии, согласно Ю. М. Лотману, существует несколько вариантов дальнейшего развития. На наш взгляд, именно в таком состоянии находился восточнославянский культурный ареал в первой половине XVII в. К его середине выбор определяющей частью общества был сделан, обозначилась тенденция к «закрытости» культурного развития.

Говоря о проблеме взаимодействия, можно констатировать, что в интересующей нас «пограничной зоне» устанавливались определенные количественные и качественные сочетания элементов двух типов систем, разделяемых по конфессиональной принадлежности.

Главные отличия двух систем мышления и поведения католического и православного кругов культуры выражались в догматических расхождениях и порождаемом ими отношении к человеку и восприятию личности, мира, пространства-времени; в различных художественно-эстетических концепциях, их отражающих; в разном понимании литургического (сакрального) и обыденного языков. Все это сказалось на восприятии культурно-исторической традиции в целом. Именно разное содержание фундаментальных категорий формировало принципиальные отличия менталитета западного и восточного славянина.

Среди методов исследования процессов влияния, адаптации и заимствования на культурном пограничье главный (особенно когда речь идет об изучении «истории элит» или «интеллектуальной истории») — сравнительный. Надо только иметь в виду, что при очевидной на первый взгляд общности происхождения или формы явлений, место и значение их в разных культурах может быть принципиально отличным. Аналогичная трудность поджидает нас при постановке вопроса об этноконфессиональном сознании рассматриваемого периода в восточнославянском регионе.

Можно предложить следующую схему процесса этнокультурного развития восточного славянства с конца XVI до середины XVII в. Вступив в непосредственный и конфликтный контакт с более активной (даже более агрессивной) католической конфессией, восточнославянская культура встала перед необходимостью ускорить выработку собственной идентификации, на которую в «спокойных» условиях ей потребовался бы более длительный отрезок времени. Вследствие этого восприятие принципиально иного типа мышления и поведения происходило в столь напряженной форме и призывало к заимствованию культурных элементов.

Говорить об «этничности культуры» того времени представляется не совсем корректным. Точнее было бы различать этнокультурную идентичность нескольких общественных групп: 1) приверженной традиционному типу мышления, сознания и ценностных ориентиров; 2) носителей национального (протонационального) типа мышления, менталитет которых отличается высокой степенью рефлексии и рационализма; 3) формирующуюся «переходную» прослойку, сочетающую, явно или скрыто, элементы обоих этих типов. Другими словами, переход от Средневековья к Новому времени в украинской культуре видится как кризис традиционного общества под натиском новой активной культурной парадигмы.

Б. Н. Флоря: Я хотел бы привести пример, показывающий единство христианского мира. Великороссы и украинцы часто попадали в плен к татарам и затем использовались как невольники на галерах в Средиземном море. Иногда эти галеры захватывали испанцы или их разбивало бурей, и таким образом восточные славяне оказывались в Испании или Италии. Сохранился целый ряд документов, которые описывают их пребывание там. Их кормили, давали проезжие грамоты, и они благополучно в течение двух-трех лет добирались до дома, проходя через всю Европу и получая везде помощь (в том числе и на территории Польши). В этом проявилось не что иное, как представление о единстве христианского мира, причем православная Россия тоже в него входила. Правда, в Москве вернувшимся с Запада приходилось нелегко, их допрашивали, причащались ли они в католических храмах. Те, кто был хитрее, отвечали, что причащались у православных греческих священников, остальным же грозило наказание.

С. Г. Яковенко: Добавлю к этому такой пример. Проекты церковной унии в странах Центральной и Восточной Европы идут параллельно с попытками создания военного союза христианских стран Европы — антитурецкой лиги. Именно в связи с этими проектами в 1524 г. Альбертом Кампенским было написано письмо папе Клименту VII с призывом привлечь в указанную лигу и Московию.

Л. И. Сазонова

Уже обращалось внимание на то, что культура создается поверх национальных границ, что фактор культуры выше этнических различий, и в какой-то мере это действительно справедливо. Например, когда мы имеем

в виду проблему жанра, то она в значительной степени вненациональна. Жанры литературы Древней Руси при имеющейся специфике являются в такой же мере и жанрами литературы всего ареала *Slavia Orthodoxa*.

И. Н. Голенищев-Кутузов писал, что «комплекс общей польско-украинско-русской культуры XVI—XVII вв. не следует разбивать, исключая взаимные влияния, охраняя призрачные границы “самобытности”, гораздо важнее братская связь на Востоке славянских народов. Вспомним лучше свободные дары на поприще культуры... навыки школьного дела, образцы красноречия и пиитики поступали на северо-восток из Украины и Белоруссии».

Такой взгляд плодотворен еще и потому, что позволяет учесть сложность определения этнической и культурной принадлежности отдельных авторов, сформировавшихся в условиях культурного пограничья. Так, Симеон Полоцкий по происхождению — белорус, получивший образование в Киево-Могилянской коллегии. Кроме старобелорусского, церковнославянского и латинского, он писал также по-польски, сохранив этот навык даже после переселения в Москву, где со всей полнотой развернулся его талант придворного поэта. Культура Симеона в основах своих — культура западноевропейская и польская.

Следует акцентировать внимание на том, что комплекс общей восточнославянской культуры XVII в. постренессансного типа тесно связан через Польшу с художественным опытом Западной Европы. Таким образом, мы имеем дело с явлением, представляющим собой *относительное* единство при имеющих также место процессах внутренней дифференциации. Признавая *общность* всей восточнославянской культуры XVII в., тем не менее следует выделять реальные культуры, то, что мы, используя современную терминологию, сейчас называем украинской, белорусской, русской культурой. Сложившихся наций тогда еще не было, но все-таки каждая из названных этнических общностей имела признаки культурной самоидентификации, ощущая свое внутреннее единство. Показательно, что даже одни и те же явления, объединяющие украинцев, белорусов, русских, имеют у разных ветвей восточного славянства разную семантическую ауру и выражаются в разных формах.

Церковнославянский язык — общий у православных славян, и тем не менее имел место такой примечательный диалог между Симеоном Полоц-

ким и Лазарем Барановичем, который, как известно, хотел увидеть свою книгу «Трубы словес проповедных», изданной на московском Печатном дворе, о чем и просил царя Алексея Михайловича: «Повели их печатовати на Москве». Приставленный по просьбе Лазаря Барановича к исполнению этого замысла его ученик Симеон Полоцкий внес как редактор в текст книги коррективы, направленные на то, чтобы приблизить язык проповедей Лазаря Барановича к норме церковнославянского языка, принятой в Московской Руси: «*Slowięszczyzna nieco odmienna, bom się accomodował tutejszej. Duales numeros malo wwodziłem, aby trudność nie była czytającym. Interpunctie położone jako tutejsza dzierży typographia, jako to: notam interrogationis sic “;” a nie “?”*, bo inaczej by imprimere nie zezwolili» (16 октября 1669 г.). («Славянщизна несколько иная, потому что я приспособлялся к принятой здесь. Двойственное число я мало вводил, чтобы не создавать трудностей читающим. Знаки препинания применены те, каких придерживается местная типография, как-то: вопросительный знак передается как “;” а не “?”», иначе не позволили бы печатать»).

Даже из этих беглых замечаний Симеона следует, что варианты (изводы) церковнославянского языка в Малороссии и Московской Руси все же отличались в XVII в., коль скоро они бросались в глаза носителям этих культур. И когда сам Симеон переселился в Москву, то вынужден был обучаться чистоте церковнославянского языка по «Грамматике» Мелетия Смотрицкого. Если в первых его приветствиях к царю постоянно встречаются такие слова и формы, как «нехай», «мовячи», «ганба», «взгарда», «зганбены», то в дальнейшем, в языке московского периода их уже нет. Приблизившийся к этой норме его церковнославянский в каком-то смысле — гораздо более легкий и прозрачный, чем язык Тредиаковского.

Те культурные новации, которые приходили в Россию вместе с носителями украинской и белорусской культуры, видоизменялись. Симеон Полоцкий должен был не только выучиться церковнославянскому языку по кодифицированной грамматике, изменилось и содержание его текстов. Если в стихах на польском языке и на латыни он постоянно упоминал античных богов и персонажей, то в панегириках, писавшихся в Москве, античный реквизит заметно редуцировался. Дело в том, что до тех пор в Московской Руси античность воспринималась как «эллинская ересь», «эллинские басни». Она еще только начинала входить в моду на правах культурной

условности, а позднее вошла, в частности, в оды классицизма именно благодаря тому, что вначале прижилась в придворно-церемониальной поэзии Симеона Полоцкого.

Такое значительное историко-культурное явление XVII в., как барокко, связываемое в русской литературе также с именем Симеона Полоцкого, ярче проявилось на уровне поэтики и стиля, чем собственно на мировоззренческом и идеологическом. Философско-логические основы барокко как стиля формировались под сенью латино-польской риторической традиции. Как установил А. Хипписли в процессе работы над изданием книги стихов Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» (1680), основной источник произведения — проповеди немецкого священника-иезуита Матфея Фабера, которые были адаптированы, прозаический текст преобразован в стихотворный. Сюжетная их часть использована умеренно и аккуратно, мораль же вполне согласуется с общехристианскими представлениями, ничего специфически иезуитского нет ни в ней, ни в «Вертограде» в целом.

Созданное в России барокко не было подражанием или копированием польско-украинско-белорусского типа барокко, но стало результатом взаимодействия привозного его варианта с местными культурными традициями. Схоластическое барокко поднялось в России, в отличие, например, от украинского, до уровня придворного искусства.

Польско-украинско-белорусское барокко изменило свой облик под влиянием новых социальных условий и придворной среды. Барокко в России получило, с одной стороны, некоторое упрощение, поскольку в условиях государственного и церковного единомыслия (даже при наличии раскола) утратили значение актуальные для Украины и Белоруссии полемико-публицистические тенденции, а, с другой стороны, появились заметные стимулы для развития и расцвета некоторых других сторон того же самого стиля. Из богатого арсенала поэтики барокко было востребовано все, что связано с эстетикой придворного церемониала, что служило возвеличению царя и государства, просвещению и привитию обществу новых вкусов. Складывается и репертуар жанров с разветвленной системой придворно-церемониальной и дидактической поэзии.

Таким образом, на русской почве и самый тип барокко очень изменился. Пессимизм и рефлексия, трагизм и мистическая экзальтация, свойствен-

ные мироощущению западноевропейского барокко, утратили в условиях крепнущего российского абсолютизма приоритетное положение. Названные явления, если и присутствуют в русском барокко, то исключительно как наследие культурной традиции.

На этих примерах я хотела бы показать, что в XVII в. существует многообразие культурных проявлений, которые связаны в том числе с явлениями этническими, ментальными, с культурными традициями и социальными условиями, определявшими самосознание каждой из частей восточнославянского единства и представления каждой из них о собственной культурной идентичности.

Другой мой тезис касается популярного сейчас положения об *украинизации русской культуры, украинизации русского языка*. Когда Р. О. Якобсон пишет об *«украинизации литературного языка Московии»*, которую провел Никон, то для специалистов совершенно ясно, что имеется в виду «книжная справа», произведенная в Москве по киевским и львовским изданиям. Об этом было сказано еще нашими дореволюционными исследователями Ф. И. Титовым, а также В. О. Эйнгорном. Следует заметить, что когда Н. С. Трубецкой писал о *полной украинизации русской культуры XVII в.*, еще не были изданы многие литературные памятники того времени.

В процессе работы над трехтомным изданием книги стихов Симеона Полоцкого «Вертоград многоцветный» (опубликовано в Германии в 1996—2000 гг.) на пространстве обширного корпуса стихов мне не удалось заметить какой-то особой «украинизации русского языка». Текст написан на так называемом книжном «славенском» языке, в нем имеются лексические и фонетико-морфологические украинизмы, белорусизмы и полонизмы, но их отнюдь не много. С. Медведев, ученик Симеона Полоцкого, стремился освободить от них текст, поскольку Симеону не удалось полностью изжить «зрубити», «згрѣшим», «сгрѣшити» и т. п. Однако в целом такой объемный текст, как «Вертоград многоцветный», не дает никаких оснований для подтверждения тезиса об украинизации русского языка.

Хотелось бы знать вот что: когда говорится о «широкой экспансии» украинского языка, о «сильной украинизации русского языка», какой объем вкладывают авторы в оценочные определения «широкая», «сильная»? Пока это не совсем ясно. Пишущие на данную тему должны были бы определить объем понятий, которыми оперируют, поскольку слова, которыми пользу-

ется наука, занимающаяся реконструкцией прошлого, — это ключевые слова, и их объем и содержание изменяется по мере развития самой науки.

М. В. Дмитриев: Если ставить вопрос о том, что первично во взаимодействии — культурное или этническое, я бы полностью согласился с тем, что сказал Б. Н. Флоря. Когда мы пробуем конкретно-исторически проследить, откуда берется так называемое национальное или даже так называемое этническое, мы не можем не признать, что источником того и другого является культура.

Мы постоянно сталкиваемся с тем, что наш научный язык сформирован культурой, достижениями, представлениями, стереотипами XIX в. Среди этих стереотипов огромное значение имеет концепт нации и в равной степени концепт этноса, хотя с последним понятием дело обстоит сложнее. Стереотип настолько укоренился в нашем научном языке и мышлении, что мы считаем естественным пользоваться данным концептом и при изучении эпохи, которая еще не знала *национальных* идеологий и самого феномена нации в современном значении этого слова. Когда мы говорим об истории восточных славян в поздние Средние века или в раннее Новое время в категориях национальных, а не культурных и не конфессиональных, мы постоянно сталкиваемся с опасностью модернизации и идеологизации научного познания.

Самое очевидное противопоставление против употребления собственно национальной терминологии — вечная проблема «простой мовы»: это украинский или белорусский язык? Другой пример анахронизма — говорить об украинизации русской культуры в конце XVII—XVIII в. или украинском влиянии на русскую культуру. Почему не белорусизации? В конце концов, ни Симеона Полоцкого, ни братьев Зизаниев нельзя назвать украинцами. Из того, что сейчас существуют украинцы и белорусы, не следует, что мы должны использовать эти названия применительно к населению XVI—XVII вв., которое само себя называло «рутены», «русь», «руськие», «православные», впрочем, это вовсе не значит, что они составляли один «народ» или «нацию» с «русским» населением Московского государства. В Московской Руси казаков часто называли «белорусцами», людей из Великого княжества Литовского — «литовцами», хотя на самом деле они никак не были ни белорусами, ни литовцами.

Л. И. Сазонова: А иногда их называли даже «папешниками, приехавшими из Рима».

М. В. Дмитриев: Хотя язык, созданный национальными культурами и национальными идеологиями XIX в., не адекватен с научной точки зрения, к сожалению, мы настолько к нему привыкли, что нигде и никто в ближайшее время не откажется от привычного словоупотребления и не станет обобщать знания о восточнославянских культурах доиндустриальной эпохи, не прибегая к понятиям «национальной культуры» и вообще «национального».

Л. Е. Горизонтов: Продемонстрировав образцы языка Симеона Полоцкого, Л. И. Сазонова напомнила нам, сколь тесно этнокультурные проблемы переплетены с языковыми. Сейчас у нас будет возможность ознакомиться с несколькими выступлениями, посвященными истории языка.

О. А. Остапчук

Я попытаюсь охарактеризовать в самых общих чертах динамику языковой ситуации на этнической территории восточного славянства, опираясь на работы Б. А. Успенского, В. М. Живова, Н. И. Толстого и других специалистов по истории языка. XVII—XVIII века представляются переломным периодом в культурно-языковом процессе в данном ареале. Именно в это время происходит перестройка всей системы отношений языков в коммуникативном пространстве, вычленяются национальные культурно-языковые сообщества. При этом чрезвычайно важным оказывается взаимодействие языковых, культурных и этнических факторов, способность к взаимному заимствованию и восприятию опыта культурной коммуникации, выработанному в Киеве, Москве и Вильне.

Предпосылки тех кардинальных изменений в культурно-языковой сфере, которые происходят в XVIII в., закладываются гораздо раньше. Особое значение имело формирование в течение XIV—XVI вв. на территории Западной Руси специфического культурного идиома — так называемого казенного языка, приобретшего статус официального в Великом княжестве Литовском. Именно на этом «русском» или «простом» (как его называют сами авторы памятников) языке написан Вислицкий статут 1347 г., судебник князя Казимира 1468 г., Литовский статут в изданиях 1529, 1566, 1568 гг. Тем самым был создан чрезвычайно важный прецедент использования язы-

ка, не освященного культурной традицией, в сфере высших коммуникативных функций и заложены предпосылки перестройки функциональных границ внутри коммуникативного пространства. К XVII в. «казенный» язык благодаря насыщению местными элементами трансформируется в «простую» в ее староукраинском и старобелорусском вариантах, которая постепенно завоевывает все более прочные позиции в сфере культуры, в частности, благодаря развитию полемической литературы (после провозглашения унии). Появляются первые переводные словари с толкованием «темных», «непонятных» церковнославянских слов на «простой» язык, положившие начало кодификации формирующегося книжного языка. Расширение функциональной сферы, обслуживаемой «простым» языком, включение в нее традиционных для церковнославянского функций языка проповеди, культуры, науки в целом изменило коммуникативную ситуацию. В результате к XVII в. на украинских землях мы приходим к полилингвизму. При этом границы культурной и коммуникативной компетенции языков являются довольно подвижными: весьма часто даже внутри одного и того же памятника обнаруживаются фрагменты, написанные на разных языках.

Культурный опыт многоязычия, выработанный на украинско-белорусских землях, был в дальнейшем переосмыслен на почве собственно великорусской (московской), где, в свою очередь, языковая ситуация формируется в условиях диглоссии с довольно четким противопоставлением церковнославянского и «народного» языков. Главное, что принесли с собой в Москву киевские книжники, это феномен «простого» языка. Однако этот новый элемент языкового сознания был сразу же ограничен в своем функционировании. Появляется стремление к «очищению» церковнославянского языка от местных особенностей — как великорусских, так и украинско-белорусских, — что признается необходимым условием сохранения за церковнославянским языком «высшего» регистра культурных функций (богослужение, гомилетика, наука, образование). Именно этим стремлением к чистоте нормы можно объяснить появление петровского указа 1720 г., предписывающего строго следить за тем, чтобы «никакой розни» в языке церковных книг не наблюдалось вне зависимости от места их печатания. «Гибридный» церковнославянский язык предназначается для обслуживания функций «среднего» регистра (полемическая литература, светские произведения, драматургия высоких жанров). Наконец, «простой» язык оказы-

вается закрепленным за сферой делопроизводства и проникает в низшие литературные жанры.

Русский литературный язык, формирующийся в XVIII в., развивается по линии насыщения «чуждого» (южнославянского в своей основе) церковнославянского языка элементами живого разговорного языка, затем генетически разнородные лексические элементы закрепляются за разными стилями и жанрами коммуникации. «Проста мова» в ее староукраинском варианте в XVIII в. развивается также по линии максимального включения внешних элементов, но одновременно и нивелировки генетических и стилистических различий. В результате из-за обилия латинизмов, полонизмов и церковнославянизмов она постепенно превращается в макаронический язык (один из ярких примеров — язык Григория Сковороды) и выходит из употребления.

Формирование национальных литературных языков, происходящее в разных формах в течение XVIII в. на великорусских, украинских и белорусских землях, современниками воспринимается лишь как одна из возможностей развития системы культурной коммуникации. Именно в это время появляется идея создания общеславянского литературного языка, впервые сформулированная при дворе Алексея Михайловича хорватом Юрием Крижаничем и поддержанная целым рядом ученых (Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий). В стремлении противодействовать развитию дробных (а значит, более слабых) национальных культурно-языковых сообществ предполагалось создать новый язык культуры, способный выступить в качестве базы единения всех славян, заменить собой на новом этапе церковнославянский язык. Этот проект не был реализован, но мысль о славянской взаимности как основе создания культурного идиома нового типа возрождается в XIX в. то в форме концепций общеславянского литературного языка, то в виде идей региональных литературных языков, как, например, «илирийского», разрабатываемого Л. Гаем для хорватов, сербов и словенцев. Своего рода «общевосточнославянским» литературным языком провозглашается в это время и русский язык, что для целого ряда ученых и политиков исключает саму возможность развития особых «малорусского» и белорусского литературных языков.

Тем не менее в XVIII в. побеждает именно концепция национальных литературных языков. В восточнославянском ареале она реализуется на ба-

зе взаимодействия московской, киевской и виленской культурно-языковых традиций. Особенно продуктивной оказывается идея «простого» языка, возникшая в XVI в. на украинско-белорусских землях, которая в XVII—XVIII вв. дала толчок развитию русского литературного языка, а в XIX в. трансформировалась в категорию «живого народного» языка, ставшего основой современных украинского и белорусского литературных языков.

Е. Е. Левкиевская

XVII и XVIII вв. действительно были чрезвычайно сложны и насыщены языковыми процессами и явлениями на восточнославянской территории. Если XVII в. можно считать своеобразным финалом языковой ситуации XIV, XV, XVI вв., то XVIII в. для всех восточных славян представляет собой своего рода апробацию совершенно иной языковой ситуации, которая затем приведет к образованию литературных языков нового типа. Языки нового типа — и в этом их принципиальная особенность — обладают такими свойствами, как полифункциональность, общезначимость для всех слоев населения, кодифицированность, дифференциация стилистических средств. Совокупность перечисленных признаков была невозможна до наступления XVIII в.

Однако обратимся прежде к XVII в. Во-первых, тогда функционировал церковнославянский язык, причем в разных его изводах. Для простоты будем говорить о версиях церковнославянского языка Московской Руси и церковнославянского языка Юго-Западной Руси. Каждая из них обладала своими весьма значительными особенностями. Во-вторых, существовали определенного рода языковые регистры или средства, которые обслуживали деловую сферу — канцелярские языки. Для Юго-Западной Руси таковым являлся канцелярский язык Великого княжества Литовского, впоследствии, как уже говорилось, переросший в «просту мову» или «руську мову», как ее еще называли. Постепенно расширяя свои функции, последняя превратилась со временем в почти полноценный литературный язык. Для Московской Руси такую же роль играл приказной язык. В-третьих, существовало просторечие, которое основывалось на тех или иных диалектах либо на местном городском койне. Таким образом, и на Юго-Западе Восточной Славии, и в Московской Руси существовали три крупных языковых регистра. Конечно, я несколько «огрубляю» ситуацию, потому что существовали и более мелкие деления, но нам важно наметить общие тенденции.

Несмотря на такое, казалось бы, сходство, ситуация в двух регионах была весьма несхожей, если не сказать абсолютно различной. В чем это различие проявлялось? Прежде всего, во взаимодействиях между церковнославянским языком и канцелярской «простой мовой», в одном случае, и приказным языком, во втором. В Юго-Западной Руси над кодификацией «простой мовы» трудились такие крупные украинские грамматисты XVII в., как Иван Ужевич — автор грамматики 1643 г. или Памва Берында — составитель словаря 1627 г. На определенном этапе «проста мова» начинает фактически вытеснять церковнославянский язык и выполнять его функции. В определенной степени она становится также церковным языком, потому что на нее начинают переводиться и церковные тексты: вспомним знаменитое Пересопницкое Евангелие 1551—1556 гг. и очень многие случаи, когда православные священники были вынуждены заказывать переводы или на польский язык, или на «просту мову» с церковнославянского языка, который они не понимали. Этим же вызывались и появившиеся в то время указания, чтобы во время богослужения на «простой мове» не изъясняться, а «словенским языком глаголить». «Проста мова» постепенно стала фактически обретать функции языка художественной прозы, потому что вся школьная драма, все бурлески и многие другие художественные тексты, собственно говоря, обслуживались именно ею.

Нужно сказать еще о значительном влиянии польского языка: «проста мова» становится все более и более гибридным языком, вбирающим в себя огромные пласты польской лексики, практически приобрета к концу XVII в. черты макаронического языка. Известны многочисленные тексты, в которых не только отдельные польские слова, но целые огромные фрагменты, написаны кириллицей. Однако главная особенность Юго-Западной Руси заключается в том, что соотношение между церковнославянским языком как сакральным и «простой мовой» как литературным языком очень сильно напоминает соотношение, которое сложилось в Польше между польским языком и латынью. Для носителей языка XVII в. эта параллель была очевидной, и очень многие составители словарей и грамматик неоднократно обращали на нее внимание.

В Московской Руси высокая сакральность церковнославянского языка (о чем писал Б. А. Успенский) не позволяла использовать его в качестве ученого языка в широкой степени. На нем нельзя было говорить, на него нельзя было переводить светские тексты. Во второй половине XVII в. си-

туация принципиально меняется благодаря явлению, условно названному «третьим южнославянским влиянием», которое в действительности никаким южнославянским влиянием не было и заключалось в сильнейшем воздействии церковнославянского языка Юго-Западной Руси на церковнославянский язык Московской Руси. В никоновскую эпоху началась «книжная справа» в Москве, которая официально производилась с греческих подлинников богослужебных книг, но на деле, как показал Успенский в своих работах, образцами выступали богослужебные книги Юго-Западной Руси, в свое время «справлявшиеся» по греческим. Таким образом, на церковнославянский язык Московской Руси был перенесен юго-западный извод церковнославянского языка. При этом изначальный извод церковнославянского языка Московской Руси продолжал сохраняться в старообрядческой литературе. Что еще важнее для характеристики этого влияния, были привнесены не только какие-то грамматические или лексические особенности другого извода — в языковую ситуацию Московской Руси привнеслась новая философия отношения к языку. Церковнославянский язык перестал восприниматься как некая сакральная недвижимая сущность, которая не должна никоим образом изменяться, и он стал и здесь превращаться в один из ученых языков. В Московской Руси стали предприниматься попытки создания чего-то подобного «простой мове». Стали писаться тексты на гибридном церковнославянском языке, как его называет В. М. Живов, что свидетельствует о стремлении к созданию кодифицированной разговорной русской речи с определенными наиболее яркими, маркированными элементами церковнославянского языка. Это было явное подражание языковой ситуации Юго-Западной Руси, хотя и не имевшее такого успеха, какой выпал на долю «простой мовы».

XVIII в. привнес на московскую почву совершенно иные веянья — прежде всего влияние западных литератур, западных языков. В связи с петровской реформой языка было резко ослаблено влияние юго-западной языковой традиции. Философия языка начала разрабатываться под влиянием французских грамматик и западноевропейского языкового мышления, о чем свидетельствуют идеи раннего Третьяковского, а во второй половине XVIII в. — идеи карамзинистов с их ориентацией на французскую речь, с кальками целых французских синтаксических конструкций, переносимых на русскую почву. Результатом этого процесса явилось создание литературного русского языка нового типа в первой трети XIX в.

Происходившие в языках изменения сопровождались яростными языковыми диспутами сторонников большей строгости церковнославянского языка с теми, кто считал, что он должен стать одним из ученых языков, обслуживающих образованные слои общества. Все это, конечно, имело и очень сильный религиозный оттенок, особенно в Московской Руси, где попытки секуляризации церковнославянского языка воспринимались как прямое поругание святынь.

Н. Н. Запольская

Лингвистические темы, которые мы затронули, имеют давнюю исследовательскую традицию, однако остаются дискуссионными из-за сложности самого языкового материала, недостаточно адекватного его осмысления и терминологической неопределенности. В этой связи представляется необходимым четко сформулировать основные проблемы, возникающие при исследовании языковой ситуации Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, и найти пути их решения. Насущной задачей лингвистических исследований является определение структурно-функционального статуса литературного языка, противопоставленного языку церковнославянскому, с предварительным содержательным и терминологическим отделением данного литературного языка от языка делового.

Канцелярский язык Великого княжества Литовского, базировавшийся на восточнославянской языковой основе, получил официальное закрепление своего статуса и официальное наименование «*ру́ский ѓзык*» в Литовском статуте 1566 г.: «*а писар земскии по ру́ску маеть лиґерами и словы ру́скими вси листы и позвы писати, а не инышым ѓзыком и словы*». Необходимость в определении «*ру́ский ѓзык*» появилась именно в преддверии Люблинской унии 1569 г., когда возник вопрос, каким быть языку государственных органов — «*власным, прирожоным*» или польским. Таким образом, в Литовском статуте «*ру́ский ѓзык*» был противопоставлен польскому языку как «свой» язык делопроизводства «чужому» языку. Таким образом, очевидно, что официальный статус делового языка исключает применение к нему определения «простой» и тем самым применения терминологической модели «проста мова», что подчеркивается в статье В. Мякишева «“Мовы” Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей» (2000).

Первый опыт литературного языка, противопоставленного церковно-славянскому языку, был явлен в начале XVI в. в Библии Ф. Скорины. Только начиная с 50-х годов XVI в. библейские тексты на новом литературном языке, определяемом самими книжниками как «ру́сский язы́к» («ру́скага реч, мова»), стали появляться в украинских и белорусских землях: Пересопницкое евангелие 1556—1560 г. («мова ру́скага»), Житомирское евангелие 1571 г., Евангелие В. Негалевского 1581 г. («реч ру́скага»), Летковское евангелие 1595 г., Евангелие В. Тяпинского 1570 г. («власный езикъ ру́сский»).

Функциональный статус литературного языка данных текстов можно адекватно определить в контексте общеевропейской концептуальной оппозиции «классических» языков, как языков искусственных, рациональных, универсальных, и «простых» языков, как языков природных, иррациональных, дифференцированных. Условием возможности достижения «простыми» языками статуса литературных языков являлось понимание «простоты» как универсального этапа развития языков, что позволяло рассматривать языки в координатах своеобразной «исторической преемственности»: древнееврейский язык — греческий язык — латинский язык — новоевропейские языки». Соответственно, для языковой ситуации Великого княжества Литовского и Речи Посполитой была актуальна «параллель исторической преемственности»: латинский язык — польский язык = словенский язык — «ру́сский язы́к». Признаком легитимации «простых» литературных языков считалось обретение ими функционального «достоинства» (*dignitas*), выраженного в употреблении в конфессиональных текстах. Функционирование «простых» языков, приводившее к установлению функционального тождества между *lingua litterata* и *lingua rustica* и, следовательно, между *homo litteratus* и *homo rusticus*, было мотивировано гуманистическим принципом доступности наук и просвещения и детерминирована распространением Реформационного движения, требовавшего понятности Божественного Откровения. Релевантная для «простых» языков установка на «понятность» должна была реализоваться и в «ру́сском язы́ке», о чем свидетельствовали сами переводчики библейских текстов в своих предисловиях и послесловиях. Так, основной причиной, побудившей Ф. Скорину перевести Библию на «ру́сском язы́ке», являлась достигаемая этим понятность библейских текстов: «понеже нетoliko Докторове адюдю вченые внихъ разумеють. Но всакии человек простын ипосполитын чтучи их или слухаючи можетъ поразумети что есть потрбно кдущиномуу спасению его...». Равным образом пере-

водчик Пересопницкого евангелия перевел «из языка влѣгарскаго на мову роскоюю ... для лепшого вырозумленя людоу хрѣтианского посполнитою». В. Тяпинский представил евангельский текст на двух языках — церковно-славянском и «власном езике роуском ... для лепшого разуму». В. Негалевский перевел евангелие на «реч рѹскаю» для тех, «которые писма полского читати не умеют, а языка словенского, читаючи писмом рѹскимъ, выкладу з словъ его не розумеют». Таким образом, переводчики мыслили литературный «рѹсский язык» как равнофункциональный новоевропейским литературным языкам, прежде всего чешскому и польскому, т. е. как «простой» язык, что мотивирует применение именно к данному языку терминологической модели «проста мова». Появление самой терминологической модели «проста мова» обычно связывают с наименованием языка, данным Г. Ходкевичем, замыслившим сначала издать Учительное евангелие не на церковнославянском языке, а «предложити на простѹю молву ... вырозумѣння ради простых людей».

Рассмотрение «рѹсского языка» в общеевропейском языковом контексте позволяет определить и его структурный статус, поскольку структурное «достоинство» достигалось либо посредством формально-семантической элиминации «классического» языка, либо посредством формально-семантической трансляции обретшего «достоинство» «простого» языка. При этом действие механизма формально-семантической трансляции приводило к максимальной языковой гибридности: если язык-образец «поддерживал» исходную книжную «классическую» форму, то она становилась нормативным элементом, если «поддержка» реализовалась в некнижной форме, то она становилась достоянием нового литературного языка, при невозможности «поддержки» нормативным элементом являлась форма самого языка-образца, что приводило к синтезу книжных и некнижных, «своих» и «чужих» языковых элементов. Формальное различие манифестаций «рѹсского языка» было обусловлено действиями разных порождающих механизмов (механизм элиминации или механизм трансляции), разными языками-образцами (чешский или польский), разными некнижными языками (украинский или белорусский).

Из всего вышесказанного следует, что в настоящее время возможно и необходимо провести структурно-функциональный анализ, по крайней мере, всех доступных для исследования библейских текстов на «рѹском языке»

ке», чтобы получить полную языковую информацию и тем самым адекватное представление об этом типе литературного языка.

Б. Н. Флоря: Из ряда выступлений складывается впечатление, что выступающие склонны к негативному ответу на вопрос, существует ли какая-либо взаимосвязь между рядом явлений, отразивших довольно значительные этнические изменения, и весьма интенсивным взаимодействием культур в Восточной части Европы. Получается, что имело место взаимодействие культур, которые имели не знающее границ надэтническое содержание и распространялись в разных странах независимо от сильных военных, политических и религиозных конфликтов между ними. Между тем в рассматриваемый период этнические изменения в Восточной Европе были как раз тесно связаны с рядом острых, в том числе идеологических, конфликтов, и взаимодействие культур также имело определенное отношение к этим конфликтам, в свою очередь как-то влияло на этнические изменения.

То же самое относится и к очень содержательным выступлениям наших лингвистов: они не дали ответа на вопрос о связи между эволюцией языковых явлений и этническими изменениями. «Проста мова» — это украинский язык или белорусский язык, или общий язык всех восточных славян Речи Посполитой? Такой вопрос неизбежно возникает, как только мы начинаем говорить об этнических проблемах. Скорее всего, речь должна идти о третьем из перечисленных вариантов. Тогда языковая ситуация находилась бы в полном согласии с теми данными исторических источников, которые свидетельствуют о том, что восточные славяне на территории Речи Посполитой считали себя в течение очень длительного времени одним народом: соответственно, у них был общий литературный язык.

С точки зрения истории культуры исключительно важно было бы выяснить, какой была сфера действия литературного языка западной части восточного славянства в XVIII в. и как она соотносилась со сферой действия русского языка на территории Левобережной Украины. Это могло бы дать ответ на целый ряд обсуждаемых проблем. Никто не навязывает ответа на вопрос, обозначенный в названии «круглого стола», он может быть отрицательным, но все-таки наша задача — искать его.

О. А. Остапчук

Определение лингвистической природы «простой мовы» до сих пор остается предметом споров. Дело в том, что одни и те же памятники пись-

менности XIV—XVI вв. украинские лингвисты характеризуют как староукраинские, в то время как белорусские специалисты относят их к старобелорусским. Существует и компромиссная точка зрения, согласно которой «проста мова» («руська мова») признается общим литературным языком Западной Руси, по крайней мере для XIV—XV в. (в частности, см. книгу В. М. Русановского «Історія української літературної мови», изданную в 2001 г., с обширной библиографией вопроса). В советском языкознании существовал особый термин — «западнорусский язык» для обозначения официального языка Великого княжества Литовского, однако он постепенно выходит из употребления, в том числе из-за неприятия его современной украинской и белорусской лингвистикой.

В зависимости от места написания памятника в «простой мове» могло увеличиваться либо число украинских черт, либо количество белорусизмов, что проявлялось и на уровне лексики, и на уровне грамматики и синтаксиса, в частности в характерных ошибках. Однако сложность определения лингвистической природы памятников XV—XVI вв. заключается главным образом в том, что зачастую язык-источник установить практически невозможно в силу близости старобелорусского и староукраинского книжных языков, на что неоднократно указывали Б. А. Успенский, В. М. Живов, В. К. Журавлев, Н. И. Толстой и многие другие видные специалисты по истории языка. Не следует забывать и о том, что даже для периода XVIII в., а тем более для предшествующей эпохи говорить о собственно литературном языке не приходится, поскольку языки книжности, как «староукраинский», так и «старобелорусский», не обладали достаточной кодифицированностью, демонстрируя неустойчивость языковой нормы на всех уровнях и разную степень близости к церковнославянскому языку в конкретных текстах. Так, для XVII в., мы вправе охарактеризовать произведения Иоанкиа Галятковского или Ивана Вишенского как примеры староукраинской литературы, в то время как Лазарь Баранович или Елифаній Славинецький вполне вписываются в канон церковнославянской литературы.

Вопрос о взаимодействии этнического и культурно-языкового факторов для периода XVII—XVIII вв. оказывается довольно сложным. Мы вполне можем установить этническое происхождение авторов, стоявших у истоков московской (шире — великорусской) книжной культуры. Очевидно, что киевские книжники были в Москве не просто желанными гостями, их принимали как «своих», а «западнорусские» произведения становились

образцами для развития собственных литературных жанров. Так воспринимались произведения Дмитрия Ростовского, Иоанникия Галятовского, Иннокентия Гизеля, Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Феофана Прокоповича и других выходцев из украинских и белорусских земель. Под влиянием киевского и виленского культурного опыта в Москве развивалось силлабическое стихосложение, формировалась драма как отдельный род литературы, создавалась гомилетическая литература. Другое дело, что вхождение воспитанников Киево-Могилянской Академии в московскую культурно-языковую среду могло протекать по-разному в зависимости от характера языкового сознания киевлян, от того, воспринимали ли они принесенный из Киева книжный язык как отличный от бытующего в Москве или считали себя представителями единого «культурного класса», носителями общей культуры и общего языка культуры — церковнославянского.

Так, «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды (1627 г.) — двуязычный словарь с толкованием церковнославянских слов на «просту мову», изданный в Киеве, пользовался огромной популярностью на всем восточнославянском культурном пространстве и неоднократно переиздавался, явившись образцом для создания собственно русских (великорусских) азбуковников XVIII в. Еще один яркий и хорошо известный пример культурного взаимодействия — грамматика Мелетия Смотрицкого (1619 г.), остававшаяся в течение XVII—XVIII вв. основным учебником церковнославянского языка и оказавшая влияние на орфографию и грамматическую терминологию всех восточных славян, подобно тому как «Синописис» Иннокентия Гизеля (1674) вплоть до начала XIX в. использовался в качестве учебника истории на великорусских, украинских и белорусских землях.

Для периода XVI—XVII вв. и даже XVIII в. взаимодействие восточнославянских языков действительно довольно слабо связано с собственно этническими процессами. Этническая принадлежность автора книги, как и место ее издания, являлись факторами второстепенными, гораздо важнее были принадлежность к единому культурному пространству и осознание этого единства. Другое дело, что уже в XIX в. в условиях формирования национальных идеологий предпринимались активные попытки переосмысления опыта предшествующих эпох в области книжной культуры и языка.

Что касается сформулированного Н. С. Трубецким тезиса об «украинизации» русской культуры в XVII—XVIII вв., то следует отметить один важ-

ный момент. Разумеется, нельзя отрицать ни роли Киево-Могилянской Академии в развитии культуры и образования на восточнославянских землях, ни факта активной культурной эмиграции из Киева в Москву, ни того обстоятельства, что «славянорусский» книжный язык петровской эпохи во многом опирался на церковнославянский язык в его киевской редакции. Однако в плане лингвистическом гораздо более важным, чем «украинизация» книжного языка, является формирование нового типа языкового сознания. Заимствовался, прежде всего, образ частично десакрализованного церковнославянского языка, который наделялся возможностью выполнять целый ряд функций, не связанных непосредственно с богослужением. Заимствовалась и категория «простого языка» как особого идиома в системе коммуникативного пространства. Если конкретные слова, имеющие характерные фонетико-орфографические или грамматические признаки принадлежности к книжному староукраинскому или старобелорусскому языкам, чаще всего «вымарывались» из текста, то сам подход к распределению функций языков, установлению новой их иерархии утвердился в русской книжной культуре в первую очередь под киевским, «украинским» влиянием. Именно в смысле заимствования моделей и принципов организации коммуникативного и культурного пространства, а не в этническом смысле и можно говорить, вслед за Н. С. Трубецким, об «украинизации» русской культуры.

Л. Е. Горизонтов: Можно ли считать, что у лингвистических терминов «староукраинский» и «старобелорусский», вопреки их звучанию, нет столь жесткой этнической привязки, а понятие «западнорусского» языка выходит сейчас из употребления без веских научных к тому оснований?

О. А. Остапчук: И да, и нет. Термины староукраинский и старобелорусский, используемые для обозначения раннего периода в истории соответствующих литературных языков, как раз четко этнически ориентированы. Правда, как уже отмечалось, для XIV—XV вв. разграничить староукраинские и старобелорусские памятники порой фактически невозможно, для этого требуется учет не только лингвистических, но и экстралингвистических характеристик (происхождение автора, место создания памятника). Для XVII в. таких сомнений уже не возникает. Термин «западнорусский» избавляет от необходимости более дробного этнического деления, но в ре-

зультате его употребления складывается ошибочное представление о существовании некоего общего языка — предшественника позднейших украинского и белорусского. Так что вытеснение данного термина из научного оборота нельзя объяснить только очевидными конъюнктурными соображениями.

Ю. А. Лабынцев: Наши лингвисты говорили о традиции более что ли византийской. Кстати, в кругу восточнославянских православных, если говорить о функции языка сакрального, его роль выполняет в данное время не только церковнославянский, но и греческий, причем он очень активно начинает использоваться даже не в православной среде, а в униатской. Развивался ли язык в XVIII в. и как? Источников довольно много, просто в руки лингвистов по тем или иным причинам они почти не попадали. Советую обратить внимание на наследие местных, в основном базилианских (василианских) школ. Это трудно читаемые рукописи. Если говорить о канцелярских языках, то в униатской среде Белоруссии выработались очень любопытные, практически не изучавшиеся, их вариации, в них и латинский язык, и польский, и «проста мова». Л. И. Сазонова нам это продемонстрировала. Причем, опять-таки, канцелярские, школярские, преподавательско-дидактические писания — это массовый источник, ценный для изучения этнического развития и украинского, и белорусского. Здесь много противоречий. Если вы пойдете по некоей хронико-доктринальной линии, начав, скажем, с Замойского собора, это будет один вариант, если же по линии чисто лингвистической — другой. Язык польский в этих восточнославянских канцелярских берегах особенный, «украинный», «кресовый». Он получил здесь свое особое развитие. Возникают и вовсе почти фантастические лингвистические формы, самая яркая — сусцептная. При изучении таких языков очень важна локализация. Нельзя говорить об Украине вообще, так же как нельзя говорить вообще о Белоруссии.

Б. Н. Флоря: Несколько слов об источниках. Мне пришлось заниматься сообщениями первой половины XVII в. купцов, лазутчиков и перебежчиков из Белоруссии в Московское государство. Обнаружились очень интересные материалы, например, об отношении местного населения к украинскому казачеству, восприятию того, что происходило на Украине, об отношении к унии, религиозной политике Речи Посполитой и т. д. При-

чем этот поток материалов не прерывается с началом восстания Хмельницкого и после Андрусовского мира возобновляется вновь. Для последней трети XVII в. его исследование может дать много важных конкретно-исторических сведений о настроениях населения Украины и Белоруссии, отношении к внутривосточным, межгосударственным и религиозным конфликтам.

Л. Л. Щавинская: В изучении этноконфессиональной и этнокультурной ситуации XVIII в. неоценимую помощь могут оказать данные, содержащиеся в приходских метрических книгах. Это массовый источник, фиксирующий основные экзистенциальные события человеческой жизни: рождение, брак, смерть. В книги заносится факт крещения, вероисповедание родителей, семейное положение и т. д.

И здесь со всей очевидностью встает вопрос об использовании новейших информационных технологий. В данной области ученые постсоветских стран, в частности Белоруссии, не отстают от своих западных коллег, а кое в чем даже их опережают. Особо следует упомянуть о специальных «историко-информационных» подразделениях нескольких университетов Белоруссии и Белорусском научно-исследовательском центре электронной документации (руководитель — В. Л. Носевич), занимающихся разработкой подобных методов, преимущественно на местном материале.

Новейшие методы могут быть сгруппированы в несколько больших блоков: базы данных, обработка графической информации (в том числе карт), статистические методы, математическое моделирование исторических процессов. Применению этих методов предшествует разработка соответствующей концептуальной модели, определение и описание предметной области исследования, выявление и оценка информационного потенциала разного типа источников. Существенно и корректное использование полученных с их помощью результатов. С другой стороны, важнейшим этапом такого исследования является формализация содержательной задачи, переход от построения концептуальной модели к математической. Необходимо иметь специальные навыки работы и знания о существующих программных ресурсах. Формируется новая исследовательская информационная культура.

Ю. А. Лобынец: Источники по XVIII в. — огромный и в значительной своей части до сих пор еще не разобранный материал. Отсутствие адек-

ватных методов заставило даже таких крупнейших знатоков архивных богатств, как профессор М. И. Коялович (1828—1891) и епископ Э. Ликовский (1836—1915), отказаться от работы с ними.

М. А. Робинсон: Налицо большая сложность и недостаточная разрабатанность заявленной на «круглом столе» проблематики. Безусловно, было бы полезно привлечь к совместной работе также ученых Украины и Белоруссии, что, однако, совершенно не мешает нам самостоятельно «посмотреть» на проблему и из Москвы. Мне кажется абсолютно необходимым содружество всех гуманитарных наук. Невозможно разорвать язык, культуру и историю, а исследования без учета достижений смежных дисциплин приводят к возникновению теорий, иногда внешне стройных, но совершенно неверных по своей сути.

Л. Е. Горизонтов

Будем подводить итоги состоявшегося обсуждения. Все мы свидетели сложной историографической ситуации, в которой различимы всевозможные по времени и месту происхождения напластования — в одних случаях взаимно конфронтационные, в иных «комплиментарные». Сложно не попасть в заданный фарватер с присущими ему политическими акцентами и даже сакрализацией истории, своими идеологемами и мифологемами, но этого участники «круглого стола», как мне кажется, стремились избежать. Вовсе не будет преувеличением сказать, что в современном славяноведении очень немного проблемных узлов столь же масштабных, острых и запутанных — не в последнюю очередь в силу еще недостаточной научной разработки.

В ходе обсуждения мы могли убедиться, что конфессиональный фактор выступает связующим звеном между этническими и культурными феноменами, тогда как изображение высокой культуры изучаемого периода сквозь призму этничности ведет к неоправданной модернизации прошлого. Яркий тому пример — так называемая украинизация русской культуры.

Вместе с тем необходимо помнить о том, что в исторической действительности ключевая роль принадлежит *этносоциальным* структурам. Закономерно оказавшиеся в центре нашего внимания элиты как носители высокой культуры наиболее восприимчивы к переменам государственно-

политического климата. В этом смысле хуже освещенным остался XVIII в., в особенности ассимиляционные процессы, происходившие в результате «собрания русских земель» под сенью Российской империи.

Возможность синтеза открывает также предлагаемый культурологией цивилизационный подход. Нацеливая на изучение великорусско-западно-русско-польского культурного пространства, он позволяет преодолеть ограниченность, свойственную концепциям общерусской культуры и Центрально-Восточной Европы.

Однако признание большого значения христианских, общеевропейских ценностей вовсе не снимает актуальности изучения исторической эволюции этнического самосознания. В этой сфере одними элитами ограничиться нельзя и важен учет региональной неоднородности. Мы практически пришли к необходимости продолжения работы, которая в данном направлении в течение длительного времени велась Отделом истории средних веков Института славяноведения РАН.

Чрезвычайно важным показателем как этнических, так и культуротворческих сдвигов служит языковая ситуация. Лишь с учетом материала всего восточного славянства прослеживаются судьбы церковнославянского языка, долгое время выполнявшего «общерусские» функции. В изучении XVII—XVIII вв. много сделано лингвистической наукой, которая, надо признать, в осмыслении механизмов и реконструкции процессов продвинулась заметно дальше исторической. Но и у историков, как показало обсуждение, есть к лингвистам вопросы и пожелания.

У самих историков вопросов друг к другу более чем достаточно. Многие из них были поставлены, обозначены перспективные направления поиска и методологические решения. Мы наблюдали разнообразие подходов, различия во взглядах и оценках. Своего рода барометром здесь может служить далекое от желательной стандартизации пользование понятийным аппаратом. Научная терминология, с одной стороны, должна быть предельно адекватной описываемым ею явлениям, а с другой, по самой своей природе она сплошь и рядом конвенциональна и не может не учитывать сложившегося стандарта словоупотребления. «Украина» как понятие исторической географии и производные от нее существуют весьма давно, однако «украинцы» (даже проживающие на территории Украины) обретают исторически конкретное этническое наполнение, и это вводит в заблуждение примени-

тельно к тем эпохам, когда данный этноним еще не функционировал, а главное, свойственные ему этнополитические коннотации не отвечают описываемым им конкретно-историческим реалиям.

Прибегая к понятию «общерусский», также ищут выход из терминологических затруднений: понятие «русский» в этом качестве уже не воспринимается, ибо в советский период ушло из употребления имя великорусов. Развитие этнономенклатуры от руських (русинов, рутенов, белорусцев) к малороссам, белорусам и украинцам требует самой тщательной разработки. Эта задача, однако, далеко выходит за рамки XVII—XVIII вв., и при ее решении важно неукоснительное соблюдение принципа историзма, уяснение того, для какого периода и какой территории правомочен тот или иной термин.

Проблематика «круглого стола», несомненно, заслуживает международного обсуждения, что позволит в полной мере учесть немалые, особенно за последние годы, наработки украинской, белорусской и других историографий. Такую возможность мог бы предоставить очередной Международный съезд славистов. Публикация материалов нашего обсуждения будет способствовать продолжению дискуссии в более широком кругу специалистов.

Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период)

Л. Е. Горизонтов

Мы продолжаем цикл «круглых столов», начатый в апреле 2001 г. (материалы первого из них опубликованы в журнале «Славяноведение» (2002. № 2), его тема «Восточные славяне в XVII—XVIII вв.: этническое развитие и культурное взаимодействие» включена в программу Международного съезда славистов 2003 г.). Ныне предстоит обратиться к историческим судьбам восточного славянства в конце XVIII — начале XX в. Процесс формирования украинской и белорусской наций к 1917—1918 гг. не закончился. Более того, решающая его фаза приходится на позднейший, советский, период. Однако именно в заявленных временных рамках формулируются национальные задачи, нарабатываются соответствующие идейный багаж, приемы, опыт, разворачивается национальная пропаганда и т. д., — словом, создаются известные предпосылки для последующего качественного скачка.

Общеславянский контекст, хорошо известный в Институте, где проходит наше заседание, ориентирует на выявление общего, а российский — особенного в механизмах формирования украинской и белорусской наций. Вместе с тем российский и общеславянский контексты занимающей нас проблемы сближает то, что оба они имперские. Нигде имперский дискурс не противостоял так сильно национальному строительству, как в украинском и белорусском случаях. Это связано как с близкородственностью трех отраслей восточного славянства, так и его государствообразующей ролью в Российской империи.

Общим фоном интересующих нас процессов является модернизация, обусловившая постепенное разрушение традиционного общества. Хотя в формировании наций обычно различают культурную и политическую фазы, роль культурных факторов остается чрезвычайно большой также и на последней из них, особенно в украинском и белорусском вариантах, для которых характерно запаздывающее развитие. В эпоху романтизма культура делается выражено этнической: происходит становление национальных

культур. В языковой сфере качественные сдвиги связаны со складыванием литературного языка нового типа.

Роль конфессиональной составляющей общественной жизни ощути-мо снижается, но вовсе не сходит на нет. На наш период приходится ликвидация унии, имевшая различные последствия на Украине и в Белоруссии. Резко возрастает значение научных знаний. Украинская историография прорывает с российской, прокладывая тем самым путь для развития и последующего «исхода» белорусской исторической науки.

Новизна явлений побуждает скептически отнестись к понятию национального возрождения. Возрождалось или создавалось вновь? — так стоит вопрос. Правильнее, пожалуй, по чешскому образцу, говорить о национальном пробуждении и будителях. Национальное пробуждение (возрождение) не есть исключительная черта исторического развития славян, и, кроме того, не у всех славян оно прослеживается. Различались стартовые предпосылки, сроки, темпы и результаты. Исключительно велик был элемент альтернативности.

Над тем, насколько процессы становления восточнославянских наций сопоставимы с моделями эволюции южных и западных славян, начали размышлять давно. А. Н. Пыпин, вспоминая настроения своего круга в начале 50-х годов XIX в., писал о нескольких возможных подходах. «Мы в то время (я, по крайней мере), — отмечал этот крупный русский ученый, — ничего против него (украинофильства. — Л. Г.) не имели и даже относились к нему с симпатией, и хотя еще недавно Белинский резко высказывался против малорусской литературы (ее сюжеты казались ему слишком мелкими и, на его взгляд, неизмеримо выше всякого провинциализма стояли общие интересы, с одной стороны, искусства, с другой — общественности), но у нас была воспринята другая точка зрения, именно *точка зрения славянского возрождения* (курсив мой. — Л. Г.). Если возрождение западного и южного славянства было возможно только потому, что луч сознания начал проникать в народные массы; если новые славянские литературы возможны были только на родном языке и развитие этого языка составляло для всех славянских патриотов первую цель; если малейшие оттенки славянского племени усиливались основать свою литературу, — например, даже какие-нибудь лужичане, а рядом с чехами словаки; если в соседней Галиции те же малорусы начинали свою литературу, — то все это вместе,

и нравственное право каждого народа на свой язык и фактический пример, было достаточным доказательством права нашей малорусской литературы на существование».

Правда, побывав в чешских землях, этом классическом центре славянского пробуждения, Пыпин весьма сдержанно отнесся к увиденным им культурным достижениям: сравнение с российскими было не в пользу чехов. Так, чешский, подчеркнута патриотический театр, русскому зрителю напоминал «не то чтобы Пушкина, а больше Кукольника». Эстетическая оценка, подобно Белинскому, выходит на первый план.

Проезжая примерно в то же время через Австрийскую империю, П. В. Анненков отметил тенденцию к ее распаду вследствие роста наций. Чехизм — «особенная гордость национального происхождения», пишет он, побудил остальных габсбургских славян видеть в Богемии свой авангард, свою полномочную представительницу. «Вот почему, — заключал Анненков, — глаза Австрии постоянно обращены на Прагу, которая многими считается за зародыш того... отделения многочисленных племен, составляющих Австрию, которое и будет ее гибелью». Национальное пробуждение, таким образом, достаточно рано начинает связываться и с перспективой распада империй.

В официальной России после кирилло-мефодиевского дела и «Весны народов» не только рождается тревога за русское триединство, но заметно охлаждается расположение к зарубежному славянству. Во второй половине XIX в. ситуация еще более усложнилась. «История славянских литератур» Пыпина (1879—1881 гг.), у истоков замысла которой была упомянутая поездка ее автора в Прагу, послужила источником вдохновения для юного М. Грушевского, усвоившего из этого труда стратегию поведения в условиях, когда «недоставало собственной национальной традиции». Однако путь национального возрождения, будительства в опоре на славянскую взаимность, по которому шли народы, входившие в состав Габсбургской и Османской империй, был мало пригоден для малороссов и белорусов Российской империи. Увлечениям Грушевского, подогретым общественными настроениями периода войны с Турцией, не суждено было развиваться. В дальнейшем он разовьет темы «отрубности» украинской истории и «инородчества» украинства по отношению ко всему русскому.

Существовал, впрочем, и еще один подход. Про национальное возрождение белорусов и малороссов (особенно первых) в XIX в. говорили также,

имея в виду их приобщение к общерусской жизни и освобождение от польского влияния.

Не следует забывать, что параллельно шли процессы формирования русской и польской наций. У поляков в связи с их борьбой за восстановление утраченной государственности обостренный характер приобрел вопрос о внесении развитого национального сознания в среду этнически польского крестьянства. Наличие украинско-белорусского фактора играло в консолидации «исторических наций» весьма существенную роль, еще мало исследованную в научной литературе.

Замечено, что апелляция к языку, этнографическому субстрату свойственна нациям с неполной этносоциальной структурой, а обращение к исторической традиции — нациям с полной структурой, обладавшим в прошлом собственной государственностью. Украина и Белоруссия демонстрируют некий смешанный, гибридный вариант. По вопросу о природе преемственности в этнической истории Украины уже давно разошлись народническое и государственное направления украинской историографии. Сегодняшняя историографическая ситуация такова, что тезис о русификации и полонизации элит украинских и белорусских земель требует уточнения.

В первой трети XIX в. у верхушки общества на Левобережной Украине, помимо свойственного эпохе романтизма умонастроения, был и вполне конкретный повод всерьез обратиться к старине — неясность вопроса о признании дворянских прав, не менее болезненного, чем в случае с подвергаемой «разбору» польской шляхтой. Выход, как известно, искали на путях всеподданнейших прошений, но атмосфера раздражения против петербургских властей наличествовала, сравнение старых, в значительной мере мифологизированных, порядков с новыми были явно не в пользу последних.

Важную связующую роль выполнял казацкий миф. Глубоко символично, что в один год (1846) возникло Кирилло-Мефодиевское братство и О. М. Бодянский впервые полностью издал в Москве «Историю русов» (вскоре славист подвергся гонениям, но не за эту публикацию, а за издание сочинения «русофоба» Флетчера). Казацкие лозунги массовых беспорядков середины 50-х годов свидетельствовали об укоренении традиции в широких слоях населения. С мотивами «Истории русов» созвучна поэзия Шевченко, от которого традиция тянется в XX в., когда предпринимаются реальные шаги по возрождению казачества. На белорусских землях связующим

звеном выступала протонациональная литвинская традиция, отличавшая полонизированную элиту Великого княжества Литовского от шляхты этнически польской части Короны.

«Язык употреблялся у нас встарь как синоним народа», отмечал А. С. Будилович. Современные этнологи отводят центральное место в «этнической мобилизации» «мобилизационному лингвицизму» (М. Н. Губогло). Для украинцев и белорусов нерешенные языковые проблемы доминируют и на второй фазе становления нации по схеме М. Гроха.

При этом в путях формирования литературных языков прослеживается большая вариативность. Чрезвычайно существенным представляется вопрос, был ли понятен великороссам язык местного восточнославянского населения на Украине и в Белоруссии? Имеется немало свидетельств, что нет. Этот вопрос заслуживает специальной разработки, как и проблематика билингвизма с русской или польской компонентами.

Вместе с тем в лингвистике XIX в. утверждается собирательное понятие восточнославянских языков, дававшее дополнительные, притом строго научные, основания для восприятия их носителей как некоей общности.

Мы занимаемся — может быть, даже чрезмерно — русско-польскими этническими стереотипами и очень мало — взаимными стереотипами в «семье» восточных славян. Не есть ли подобный двойной стандарт одной из главных причин, тормозящих развитие отечественной украинистики и белорусистики, а значит, препятствующих полному раскрытию потенциала нового российского интегрального славяноведения?

Внутри общерусской триады симметрии не было. Самые многочисленные великороссы выступали строителями государства и хранителями русскости. Вопросы о комплиментарности великороссов и белорусов не возникало так остро, как это имело место в отношении взаимного восприятия великороссов и малороссов. Зато делался акцент на взаимодополняемости этих двух последних (Ю. Венелин сравнивал разделение ролей между ними в общем организме с головой и сердцем). В отношении Белоруссии на первый план выходило иное соотношение. «Забывтый Богом и забитый людьми край», — так писал о ней, выражая общий взгляд, мемуарист второй половины XIX в. Из науки в общественное сознание попадали сведения о неодинаковой славянской чистоте великороссов, малороссов и белорусов, причем белорусы с этой точки зрения выглядели наиболее «выигрышно».

Центральной является проблема идентичности (этнического самосознания), а точнее идентичностей — славянской, общерусской, национальной, региональной, — их иерархии и динамики. П. Магочи различает взаимоисключающие и множественные идентичности. Место славянского измерения могло заниматься цивилизационно-макрорегиональной принадлежностью.

Малорусская и белорусская идентичности выступали как региональные южнорусская и западнорусская модификации идентичности общерусской. Еще лучше общерусский проект нациостроительства сочетался с более мелкими регионализмами, которые никак не могли составить ему конкуренции. Однако регионализмы различных уровней одновременно поддерживали идентичности, ориентированные на национальное обособление.

Последние поддерживало и славянское начало, причем общее оказывалось вторичным по отношению к частному. Национальные движения зарубежных славян видели в славянской идее противовес своим империям и успешно эксплуатировали ее в своих интересах. Хотя в славянской по преимуществу Российской империи в этом плане имелись существенные особенности, новая украинская политическая идеология (Кирилло-Мефодиевское братство) также апеллировала к славянской идее и начиналась со всеславянской федералистской утопии. Известно выступление Н. И. Костомарова против антирусских фальсификаций Ф. Духиньского в период издания «Основы». Впоследствии по лекалу польской интерпретации панславизма великороссы в украинской исторической и политической мысли не раз отлучались не только от Европы, но и от славянства.

Малочисленность украинофилов (сознательных украинцев) и тем более белорусских национальных активистов — это малочисленность идеологов. Дело «узкого круга» часто не пропадает, даже если его представители «страшно далеки от народа». Среди апостолов украинства в начале 60-х годов XIX в. мы видим все тех же кирилло-мефодиевцев. Впоследствии пути экс-братчиков разошлись и они порой вели себя по отношению друг к другу подобно соперничающим гетманам второй половины XVII в. Фактом, однако, является то, что переход к массовому политическому движению под национальными лозунгами (фаза С) представлял особые трудности и наметился на белорусских и большинстве украинских землях весьма поздно.

Долгое время не имея сколько-нибудь массовой базы убежденных последователей, украинофильство все же выросло и выживало в нелегких для него условиях на почве достаточно распространенных в образованном обществе умонастроений. И. Лысяк-Рудницкий не без основания предлагал говорить не о русификации, а о малороссиянизации. Малоросийство же, несмотря на свое подчиненное по отношению к общерусскому сознанию положение в иерархии идентичностей, служило питательной почвой не только для него, но и для своего соперника украинства, особенно когда возникала угроза дорогим малоросийскому типу сознания началам. Из типично малоросийской семейной среды вышел едва ли не главный зодчий украинства Грушевский. Типологическое сходство с малоросийством имел западнорусизм.

Пристального внимания ученых требует феномен смены идентичности, ее эволюция. Если украинофил-поляк В. Антонович порывает с польской средой не только национально, но и в социальном плане (перейдя в лагерь хлопоманов), то в следующем поколении В. Липинский делает ставку на возвращение в украинство полонизированной правобережной шляхты, обнаруживая сходство с белорусско-литовско-польскими краёвцами рубежа XIX—XX вв.

Типы и разновидности этнического самосознания находили преломление в этногеографической номенклатуре, которая, став частью научного аппарата, несет в себе тем большую смысловую нагрузку. При ближайшем рассмотрении оказывается, что соотношение Малороссии и Украины и производных от них понятий — наиболее дискуссионных и отягощенных наследием политической борьбы — в зависимости от контекста достаточно сильно варьировалось и к тому же менялось во времени. Два понятийных ряда долго сосуществовали:

- 1) выступали как взаимозаменяемые («Ныне Украиной зовут Малую Русь», — указывал В. И. Даль);
- 2) Украина могла пониматься как часть Малороссии;
- 3) одно понятие употреблялось наряду с другим при обозначении двух различных смежных территорий.

Во всех этих комбинациях Малороссия и Украина сосуществовали вполне мирно, часто «через запятую»: семантическое наполнение каждого из терминов отражало не этнополитические реалии, а историко-географи-

ческие традиции. Однако и тогда рассматриваемые понятия имели, что существенно, неодинаковую частотность употребления. В отношении украинского ряда ключевыми моментами эволюции явились превращение имени нарицательного в имя собственное и образование от него этнонима. Следует иметь в виду, что как малороссы, так и украинцы — понятия книжные, долгое время функционировавшие лишь в среде образованного общества. Численно преобладавшие деревенские жители именовали себя русскими (с различными модификациями слова этого корня) или отдавали предпочтение некоему региональному обозначению, вплоть до этнически обезличенных «тутейших».

В определенный момент, однако, понятия Малороссии и Украины (и, соответственно, малороссов и украинцев) приобрели политически ангажированное, жестко конфронтационное по отношению друг к другу звучание. Одним из первых такой смысл стал вкладывать в них Т. Шевченко: «А на Україну не поїду, цур їй, там сама Малоросія». Этнонимы делаются обозначениями, чуть ли не кличками, политической, партийной принадлежности. Если украинцы, с точки зрения их оппонентов, — мазепинцы, что синонимично предателям, то и малороссияне в глазах приверженцев другой модели нациостроительства — также предатели своего народа. Подобная семантическая оппозиция привела к тому, что в зависимости от своих политических пристрастий люди начинают говорить либо только о Малороссии и малороссах, либо только об Украине и украинцах. При этом в обоих лагерях было принято говорить об *украинском* вопросе.

В начале XX в. в политически окрашенной типологии Грушевского различались носители трех типов национального самосознания: малороссы, украинцы и хохлы; последние вообще равнодушны к определению своей идентичности. Им же пущен в широкое обращение искусственный, гибридный термин Украина-Русь.

В официальном языке империи Малороссия и Белоруссия трактовались предельно узко, тогда как Великороссия, напротив, широко (правда, вовсе не за счет первых двух). В отношении локализации Малой России существенным моментом являлось раннее вхождение Левобережья в состав Российского государства и существование Гетманщины, а также территориальное сокращение под натиском унии церковной юрисдикции Киевской митрополии. Локализация Белоруссии связана прежде всего с поздним расширением ее за счет Литвы — не этнической, а исторической.

Свой этногеографический лексикон был характерен также для польского языка.

В процессе формирования наций велика роль региональных различий, в украинском случае тем более значительных, что здесь мы сталкиваемся с феноменом разделенного межгосударственными границами этноса. Впрочем, случай этот для славянского мира не уникален — достаточно вспомнить хотя бы польский и сербский примеры. На старте национального оживления в Белоруссии наблюдается лидерство представителей западной ее части, на Украине — восточников-левобережников. От региона зависел социальный облик, а подчас и национальное происхождение строителей нации.

Важным признаком зрелости нации и национальной идеи является складывание представлений о национальной территории. Геополитические проекции национальных идей представляются более функциональной и научно продуктивной формулировкой, чем пришедшее из западной литературы понятие идеальных отечеств. «Соборность», если пользоваться украинской терминологией, не менее существенная составляющая процесса формирования наций, чем тесно связанные с ней «самостийность» и «украинизация».

Последнее, к чему хотелось бы обратиться во вводном обзоре проблематики, — соотношение в процессе складывания наций внутреннего и внешнего факторов. Внешний фактор в данном случае многогранен: это и международная ситуация, и взаимодействие с другими национальными движениями, и политика властей, и восприятие украинской и белорусской самобытности в русском и польском обществах. И не только. Весь этот самый сложный комплекс, конечно же, непродуктивно рассматривать с позиций теории заговора, однако, нельзя не признать крайне весомой роли внешнего фактора.

Особо следует сказать об имитационном механизме, подтягивающим запаздывающие нации к ушедшим стадияльно вперед. Для белорусских деятелей таким образом и ориентиром служило украинское нациостроительство. Это своего рода цепная реакция уподобления, на полную мощность запускающаяся в эпохи общественного подъема («Весна народов» на Западе; для России рубеж 50—60-х годов XIX в. — тогда уже сибирские областники стремились подражать украинофилам; революция 1905—

1907 г.; 1917 г. со Съездом народов в Киеве под председательством Грушевского).

На почве имитации легко выросли мифы, ради которых будители сознательно шли на подлог. Как известно, даже чехи с богатым национально-культурным прошлым и развитыми традициями государственности, пополнили свои активы фальсификатами.

Однако национальные движения имитировали не только другие, родственные им движения, но и имперский дискурс (империи к тому же выступали собирателями соответствующих земель). Н. И. Ульянов, и вовсе не по поводу Украины, отмечал, что национальные движения в Российской империи, борясь с последней, по сути, строили собственные государственные образования имперского типа, мыслили по-имперски. Особенно эта тенденция заметна при геополитическом проецировании национальных идей и выстраивании обслуживающего его терминологического ряда.

Так, Н. Михновский писал в 1900 г. о «единой, неделимой, свободной и самостийной Украине от Карпат до Кавказа», использовал формулу «Украина для украинцев». Налицо усвоение украинской национальной идеологией великодержавной риторики. Получает распространение термин «всеукраинский», явно сконструированный по аналогии со «всероссийским» (Первый всеукраинский национальный съезд состоялся в апреле 1917 г.). Задолго до 1917 г. Грушевский начинает говорить об «украинизации». В манифесте украинской соборности от 22 января 1919 г. фигурирует «Великая Украина». Национальные движения периода существования империй передавали эстафету национальным государствам.

Именно внешние факторы во многом обусловили прерывистость и повышенную альтернативность процесса формирования украинской и белорусской наций. Наконец, комбинация действующих в противофазе внешних факторов создавала своеобразные ниши, в которых протекал процесс становления наций. Для белорусской и украинской подобную нишу обеспечивало прежде всего русско-польское противостояние.

М. Д. Долбиллов: Вы упомянули о неравности и в то же время о взаимодополняемости трех ветвей «большой русской нации». Когда кристаллизуются эти представления и распределяются ипостаси?

Л. Е. Горизонтов: Такого рода свидетельства можно встретить в первой половине XIX в., ко второй половине XIX в. подобные представления становятся общим местом.

И. В. Михутина: В известной статье Н. И. Костомарова «Две русские народности» есть любопытное рассуждение о понятиях «Украина», «Малороссия» и «Гетманщина». Ученый отмечал, что ни одно из них не покрывает всей этнической территории. Наиболее адекватным собирательным понятием он находил слово «хохол», не вкладывая, разумеется, в него ни шуточного, ни тем более уничижительного смысла.

Название основной работы Грушевского «Історія України-Руси». Один из галицийских деятелей А. Барвинский свидетельствовал, что «Русь» в нем возникла в связи с тем, что понятие «Украина» в те времена не очень воспринималось в среде галицийских русин. Во имя идеи «соборности» В. Б. Антонович посоветовал своему ученику озаглавить труд «Історія України-Руси».

Л. Е. Горизонтов: Первый блок проблем, который нам предстоит сегодня обсудить специально, связан со сферой образования.

Л. Л. Щавинская

При непосредственном многолетнем знакомстве с жизнью крестьянского населения современной Беларуси и приграничных по отношению к ней регионов Польши и Украины обращает на себя внимание сильное, до сих пор заметное влияние, какое оказала на людей система народного образования, сложившаяся в Российской империи. Особая роль принадлежала, наряду с православной церковью и ее институтами, церковно-приходской школе. В деревенской России церковно-приходская школа, как и народная начальная школа вообще, оказалась центральным образовательным учреждением, вокруг которого группировались все основные силы местной интеллигенции, где по существу шла основная работа по формированию этнического самосознания в кругу детей и молодежи. Эта тема пока не получила сколько-нибудь обобщающего научного освещения.

К концу XIX в. число учащихся в начальных школах всех типов в империи составляло примерно 3 млн человек, в церковно-приходских школах при этом обучалось около половины школьников. Если в первой четверти XVIII в. во всех типах школ количество учащихся составляло несколько сот человек, то к исходу XVIII в. один школьник приходился примерно на тысячу жителей, а к концу XIX в. — на 40 человек. Образовательные показатели по народной школе в великорусских губерниях европейской части

империи, а также в Белоруссии и на Украине были много выше, чем, например, в соседнем Царстве Польском. Так, в Гродненской губернии один учащийся приходился на 31 ее жителя (число школьников составляло около 4% всего населения губернии), в то время как в соседней Седлецкой — на 50 человек, а в Радомской — даже на 60. В Могилевской губернии показатель был такой же, как и в Черниговской, Полтавской и Херсонской губерниях — один к тридцати.

Народная начальная школа, в том числе церковно-приходская, была обращена почти исключительно к крестьянству. В 1897 г. все население Белоруссии (примерно в современных ее границах) составляло около 7 млн человек, из них более 6 млн являлись сельскими жителями. К 1914 г. общее число жителей белорусских губерний увеличилось до 9,5 млн, а сельских — до 8,2 млн. Согласно данным переписи 1897 г. в белорусских губерниях проживало более 80 национальностей. Почти 66% составляли белорусы, около 15% — евреи, 6% — русские, около 5% — украинцы, немногим более 5% — поляки.

Подсчет белорусов осуществлялся по языковому признаку, так как вопрос о национальной принадлежности в опросных листах переписи 1897 г. отсутствовал. В группе славянских языков в сводной статистической ведомости выделялись русский язык с подразделением на великорусский, малорусский и белорусский, польский язык и прочие славянские языки. В итоговых отчетах по переписи 1897 г. была узаконена следующая формула: «Господствующее племя — русские состоят из трех групп: великороссов (66%), малороссов (27%), белорусов (7%). Русские составляют 67% общего числа населения империи: в Европейской России (исключая 10 губ. Царства Польского) — 80%, в Сибири — 81%, на Кавказе — 34%, в Средней Азии они составляют всего 9%, а в 10 губ. Царства Польского — около 7% населения». В различного рода переписях губернского и уездного уровня начала XX в. наряду с языком уже указывается вполне официально и «народность»: «белорусская» или «малоросская». Языковой принцип позволил Е. Ф. Карскому определить число белорусов на момент переписи 1897 г. более чем в 8 млн человек.

В Минской, Могилевской и Витебской губерниях крестьяне составляли до 94% от числа живущих там белорусов. Весьма знаменателен факт признания половиной (около 86 тыс. человек) потомственных шляхтичей,

составлявшими около 2 с небольшим процентов белорусского населения империи, своим родным языком белорусского. Несмотря на то, что в целом среди белорусов абсолютно преобладали православные (более 81% от общего их числа), статистические данные, преимущественно губернского и уездного охвата, позволяют выявить весьма значительный процент белорусов-католиков, которые именовались местной администрацией поляками, говорящими по-белорусски.

С 1905 г. в основном на польско-восточнославянском пограничье наблюдается довольно массовый (в несколько десятков тыс. человек) переход бывших униатов, а затем православных в римско-католичество. Эти нео-римско-католики практически автоматически порывали со своим «русинством» и «тутейшестью» и становились «поляками». На украинско-белорусско-польском пограничье их называли «калакутами». Примером может служить Ходышевская парафия на Подляшье, населенная преимущественно потомками «белорусскоговорящих католиков». Впрочем подобные переходы в римско-католичество бывших униатов имели место как после 1839, так и после 1875 г.

Этноконфессиональная метаморфоза была теснейшим образом связана со школьным делом, борьбой в этом вопросе «польского» и «русского» начал, ставшей весьма заметной еще задолго до ликвидации на белорусских землях церковной унии в 1839 г. После 1905 г. она заметно активизировалась. Чиновники Минской губернии накануне Первой мировой войны свидетельствовали, что известная модернизация образования последних лет «открыла двери для навязывания белорусскому населению польского национального самосознания». Польская этноконфессиональная пропаганда получает в среде восточных славян западных окраин Российской империи весьма ощутимое развитие. Во главе ее стояли лица интеллигентные, поляки из числа местных чиновников, помещиков и ксендзов.

Отступление русских войск во время Первой мировой войны привело к появлению потока в несколько миллионов беженцев из западных областей империи. То были почти исключительно украинцы и белорусы, почти все православное восточнославянское население Холмщины, Волини, Подляшья и западной части современной Белоруссии. Период беженства стал для белорусского и украинского народов одним из важнейших моментов в формировании этнонационального самосознания. Видную роль в этом

сыграла и собственная, крестьянская интеллигенция, появившаяся к тому времени в основном благодаря местной народной школе различных типов, включая так называемые учительские институты. Не случайно, именно ее представители, а также православные священники, возвращаясь из России к себе на родину в Западную Белоруссию, отошедшую к Польше, на десятилетия лишались гражданских прав и возможности продолжать свою прежнюю деятельность.

Вот свидетельство потомка белорусов-беженцев — известного в Европе художника-модерниста Л. Тарасевича, живущего на востоке нынешней Польши: «Мы і яны. Мы — беларусы, праваслаўныя — адчувалі сябе часткай Вялікага Княства Літоўскага, да якога некалі належалі гэтыя землі. У 1919 г. наш край упершыню далучылі да Польшчы. Маладыя ня вераць, што тэта было так нядаўна. У Гарадку з 1488 г. стаіць царква, а касцёл быў пабудаваны толькі ў 1937-м. Нашы дзяды вярталіся з бежанства ў Польшчу — страшэнна прасякнутую сваёй незалежнасцю, польскасцю і каталіцызмам».

Православная церковь и православное катехизическое обучение в школе и по сей день являются на польско-белорусском межгосударственном пограничье одним из основных средств борьбы за свою национальную самобытность.

Ю. А. Лабынцев

Борьбу за культурно-политическую и этноконфессиональную ориентацию местного населения в «польском духе» польские светские деятели и отчасти римско-католический костел значительно усилили на белорусских землях сразу после разделов Речи Посполитой. При этом школе отводилась одна из важнейших ролей. Учрежденное в Российской империи в 1802 г. Министерство народного просвещения с подведомственными ему шестью учебными округами, в их числе Виленским, охватившем восемь западных губерний (Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую, Могилевскую, Волынскую, Киевскую и Подольскую), на первых порах по сути проводило в отношении местного белорусского и украинского населения политику во все в том же «польском духе». Первый попечитель Виленского учебного округа князь А. Чарторыский, кстати, потомок древнего украинско-белорусского православного рода, так писал об этом в своих воспоминаниях: «Несколько лет спустя вся Польша наполнилась училищами, в которых польское национальное чувство могло совершенно свободно раз-

виваться... Данное мною направление никого тогда не поражало; только впоследствии оно возбудило против себя негодование русского общества, но тогда император великодушно ему покровительствовал... Само собою разумеется, что я воспользовался счастливым расположением государя и главное мое усилие направил на народное образование, которому я дал национальный характер».

Этот «национальный характер» продолжал определять содержание преподавания в народных школах Виленского учебного округа еще долгое время после ухода Чарторьского, по крайней мере, он во многом оставался таковым и после преобразования в 1829 г. Виленского округа и выделения из него округа Белорусского. Как признают современные польские исследователи, до конца 1850-х годов положение это почти не менялось, несмотря на различные распоряжения царской администрации. В открываемых парафиальных русских народных школах, относящихся к ведомству Министерства народного просвещения, большинство учителей составляли поляки.

Многолетнее доминирование в начальной школе белорусских губерний польского языка заставило царскую администрацию в 60-е годы XIX в. пойти на эксперимент по введению в практику преподавания местных «наречий», которые в то время не имели, естественно, никакой кодификации. Была даже сделана попытка печатания учебных книг на «белорусском наречии», дающих весьма наглядное представление о явном признании и даже подчеркивании этнических особенностей белорусов. Еще в большей степени это нашло отражение в текстах многочисленных секретных записок и донесений чиновников.

Своеобразной этнокультурной основой жизни восточного славянства и одновременно своего рода стражем межэтнического польско-восточнославянского пограничья искони был церковнославянский язык. Это хорошо понимали всегда представители «русской» и «польской» веры — православные, римско-католики и греко-католики. Не случайно в явном противодействии образовательным инициативам Чарторьского в духе полонизации местного восточнославянского населения объединилась часть белого униатского духовенства, начав открывать свои собственные приходские школы для обучения церковнославянскому языку.

Преподаванию церковнославянского языка и практике его употребления главенствующее место отводилось и в церковно-приходской школе,

подведомственной Святейшему Синоду. Все народные школы этого ведомства, обычно называемые церковно-приходскими, подразделялись на два разряда: низший, представленный многочисленными школами грамоты, и более высокий и также массовый разряд трехступенчатой церковно-приходской школы. Последняя могла быть «одноклассной» с двухлетним курсом обучения, «двухклассной» с четырехлетним курсом или же могла представлять собой своего рода учительский институт с шести- и даже восьмилетним обучением. При этом «церковно-учительские школы», как, впрочем, и обычная «двухклассная церковно-приходская школа», могли иметь различные модификации благодаря всевозможным дополнительным «классам», что в отдельных случаях обеспечивало углубленное изучение местных этнокультурных особенностей. Одной из их заслуг было знакомство с древними народными святынями и традициями, что самым прямым образом влияло на становление национального самосознания.

В православной церковно-приходской школе обучались не только православные и не только славяне. Так, в 1885/1886 учебном году в церковно-приходских школах Гродненской губернии школьники из числа католиков, преимущественно белорусов-католиков, составляли весьма заметный процент — их было в общей сложности 655 человек (618 мальчиков и 37 девочек). Тогда же там обучалось 15 евреев и пять магометан. Многочисленные документальные источники, обнаруженные нами в ходе экспедиционных исследований, свидетельствуют о толерантности в крестьянской среде как со стороны православных, так и католиков, большая часть которых по своему происхождению была этническими белорусами. В своих записках настоятель православной церкви в селе Чарна Церковная Вельского уезда о. Алексей Волковский в конце XIX в. указывал, что «религиозной вражды между православными и католиками в простом народе (крестьянстве) не заметно; только так называемая шляхта пропитана религиозною нетерпимостью в отношении ко всему русскому и православному». Им отмечались факты посещения католиками-крестьянами православных храмов, что могло объясняться общностью не только религиозных святынь, но и всего исторического бытия этих земель, исстари заселенных восточными славянами.

В 1902 г. статус церковно-приходских школ значительно повышается благодаря различным нововведениям по инициативе высших властей, в

частности увеличению сроков обучения. Быстрыми темпами растет грамотность в стране: среди призванных на военную службу в 1913 г. грамотными были почти 70% призывников. Все это привело к появлению на селе среди местного белорусского населения довольно большой прослойки образованных людей, именно они становились со временем опорой молодого белорусского национального движения. Родившийся в 1904 г. в Гродненской губернии белорусский писатель из народа М. Красовский очень убедительно рассказал о своей эволюции, которой он был обязан местной сельской школе: от самоощущения «мы люди простые», культивировавшегося старшими представителями его семьи и деревенского окружения, до самоидентификации «мы — белорусы» и констатации, что «наш белорусский народ весь сельский», деревенский, крестьянский.

Начавшийся с новой силой после манифестов от 17 апреля и 17 октября 1905 г. виток противостояния между «польским» и «восточнославянским» затронул в определенной степени и церковно-приходскую школу, однако государство и церковь смогли тогда во многом отказаться от практики прежних лет, предоставив белорусскому населению определенную свободу этнокультурного выбора. Церковно-приходская школа закончила свое существование на белорусских землях в западной их части в середине 1915 г. (беженство), а в восточной — в 1918 г.

Все последующее время традиции старой имперской церковно-приходской школы продолжали в той или иной мере оказывать свое влияние на белорусское крестьянство, прежде всего на западе Белоруссии. Особенно это заметно в сфере церковного летописания. В летописях содержится немало сведений по истории церковно-приходских школ, которые в исторической перспективе явились для местного восточнославянского населения одной из самых значимых опор в деле национального становления.

М. Ю. Досталь: Правильно ли считать, что решающим фактором для белорусской национальной идентичности было православие?

Л. Л. Щавинская: Да, по нашему мнению, так было и остается по сей день для белорусов, проживающих в Польше. Что касается языка, то он не имел определяющего значения.

М. Ю. Досталь: Каким образом церковно-приходская школа способствовала формированию белорусского национального самосознания?

Язык ведь преподавался русский, а изложение истории воспитывало государственный патриотизм.

Ю. А. Лабинцев: Конечно, учебники, выдержанные в имперском духе, имели место, но тем не менее в начале XX в. сами учащиеся свидетельствуют: «Да, я усвоил в школе, что мы белорусы, народ наш белорусский, сельский». В 60-е годы делалась попытка даже печатать книги на «наречии». Если этот опыт не получил развития, то не потому, что запрещали, — это глубочайшее заблуждение! — а из-за того, что не был кодифицирован язык. Еще один важный момент: в условиях пограничья белорусскость воспитывал церковнославянский язык.

И. В. Михутина: Препятствовали ли власти империи, за которой утвердилась репутация «тюрьмы народов», белорусской этнической идентификации?

Л. Л. Щавинская: В отчете генерал-губернатора в начале XX в. настойчиво рекомендовалось на белорусских землях культивировать местный язык, чтобы тем самым подчеркнуть отличие жителей от поляков.

М. А. Робинсон

Затронут весьма важный вопрос о значении начального образования для формирования национального сознания. Приведенные данные относятся к области конкуренции и борьбы за начальную школу с инонациональным и иноконфессиональным влиянием — польским. Стоит обратить внимание на ситуацию в области начального образования в сфере применения в нем, по терминологии того времени, различных *русских наречий*, т. е. восточнославянских языков.

Развитием начального образования в многонациональной империи были озабочены многие не чуждые политики представители русской интеллигенции самых разных направлений. К таковым можно отнести и крупнейших отечественных славяноведов академиков В. И. Ламанского и А. А. Шахматова.

Представитель консервативного, «позднеславянофильского» направления, В. И. Ламанский коснулся этого вопроса в своем историческом трактате начала 90-х годов XIX в. «Три мира Азийско-Европейского материка». Предметом его внимания была школа инородческая. Он резко вы-

ступал против идеи «назначать в инородческие школы *русских* учителей, ничего не знающих по-туземному»: «Что священник, что народный учитель одинаково должны, прежде всего, быть близки к своей пастве, к своим ученикам... должны быть связаны с ними и духовно, и единством речи». Ламанский считал, что преподавание в начальной школе надо вести на «туземном» языке. С проблемами образования ученый связывал и задачу перевода Библии на национальные языки. «Одну из великих заслуг русского духовенства, — утверждал он, — составляют совершенные им в разное время переводы Св. Писания и богослужебных книг на инородческие языки, так как православная церковь всегда признавала необходимость Слова Божия и богослужения на родном языке». Все эти меры должны были способствовать сплочению населения империи и укреплению государства. Сам Ламанский, однако, не предлагал применять выдвигаемые им принципы к разным ветвям единого, как он считал, *русского* народа.

По прошествии всего одного десятилетия идеи, схожие с размышлениями Ламанского, представитель либерального направления, будущий кадет А. А. Шахматов стал предлагать для внедрения в начальное образование, а также в церковную сферу уже применительно к *русскому* народу, в частности малороссиянам. В мае 1901 г. он сформулировал свой подход к решению украинского вопроса в письме Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, профессору Харьковского университета и деятелю Харьковского общества грамотности. Приветствуя деятельность общества, Шахматов писал: «Порадовался я не только потому, что разделяю точку зрения, требующую для малорусского языка гражданской (разумеется, не политической) равноправности с языком великорусским, но и потому, что правильное разрешение вопроса о введении малорусского языка в начальной школе облегчит в значительной степени труд учащих в местностях малорусских; теперь при обучении грамоте приходится сразу переходить на чуждое детям наречие, и вследствие этого в школе затрачивается совершенно непроизводительно много труда и времени.

Признаюсь Вам, я не сочувствую тому искусственному развитию, которое отчасти стала принимать в последнее время малорусская литература (имею в виду хотя бы совершенно ненужные переводы русских писателей на украинское наречие). Но искусственность эта вполне законна и понятна там, где к языку применены меры стеснения. Уничтожение подобных

вредных для естественного развития народного мер составляет искреннее желание тех, кто сознательно любит свое отечество: трудно сомневаться, что только тогда оба народа сольются в братскую семью и употребят свои духовные силы на общее дело, как это бывало в разные моменты нашей истории, в то, впрочем, время, когда нам не были еще привиты полицейско-административные взгляды на духовные проявления жизни народа. Уничтожение этих искусственных мер исцелит нас и от общественных недугов, к которым нельзя не отнести квасной патриотизм великоруса и украинофильство малоруса.

Всякий почин в великом деле сближения обеих русских народностей должен быть приветствован как высоко патриотическое дело. По указанным Вами соображениям, я признаю введение малорусского языка в число предметов обучения в местностях малорусских шагом к такому сближению». Таким образом, опираясь на либеральные принципы и ратуя за начальное образование на родном языке, Шахматов, подобно Ламанскому, видел в этом важнейший способ укрепления государства.

Тогда же был поднят вопрос о переводе на украинский язык Библии. Проблема была не столько в самом переводе, который был выполнен еще в 80-е годы XIX в., сколько в его официальном признании. Дело обсуждалось как на государственном уровне, так и в среде ученых, в Академии наук, и тянулось более десяти лет. Министр внутренних дел В. К. Плеве дал свое положительное заключение. Однако когда в 1912 г. перевод увидел свет, он был встречен консервативной частью русского общества крайне негативно: в нем усмотрели интригу ученых-либералов, «окопавшихся» в Академии наук. Шахматов, стоявший у истоков дела о переводе, выражал возмущение такими обвинениями, появившимися, в частности, в газете «Новое время». В декабре 1912 г. он писал А. Ф. Кони: «Я тоже боюсь украинского вопроса и порожденного им “мазепинства”». Мне очень дорого единство России и процветание всего русского племени в его совокупности. Но, думаю, что те из нас, которые стараются об удовлетворении тех или иных элементарных требований малорусов, менее грешат против родины, ее целостности и величия, чем те, которые разжигают племенную вражду и возбуждают между братьями ненависть.

Малор[оссийское] Евангелие напечатано Синодом. Акад[емическая] комиссия читала корректуру, и все члены ее на днях удостоились благосло-

вения Синода, приславшего каждому из них по экземпляру Библии». Таким образом, Шахматов продолжал придерживаться принципов, сформулированных им еще в 1901 г. И преподавание на украинском и, особенно, появление на этом языке Библии вели в перспективе к его кодификации и способствовали росту национального самосознания.

И. В. Михутина: Для Малороссии, как и для Белоруссии, в начале 60-х годов XIX в. был подготовлен проект преподавания на местном языке в начальных школах. Инициатива исходила от петербургского Комитета грамотности и, естественно, встречала поддержку в Малороссии: бывшие кирилло-мефодиевцы принялись писать соответствующие учебники, были подготовлены буквари, Министерство народного просвещения выделило определенные средства. И все это остановило польское восстание 1863 г. — не сам факт восстания, а возвания поляков, которые писались по-украински латиницей, участие народных учителей Правобережья в польской агитации.

Когда в начале XX в. в России наблюдался образовательный подъем, в украинских губерниях, по политическим причинам, в связи с основательными или неосновательными подозрениями в сепаратизме опять не удалось ввести украинский язык в практику обучения. Б. Гринченко прибежал к своеобразной конспирации: в учебнике часть страниц вырезалась, и вставлялись тексты, написанные по-украински; дети должны были, когда опасность официального контроля не угрожала, читать именно их. Это явно контрастирует с белорусской ситуацией, в которой местная интеллигенция могла беспрепятственно объяснять детям их этническую принадлежность. Подобное сопоставление показывает, насколько существенным был политический фактор в образовательном процессе.

М. Д. Долбилов: Действительно, политику империи на министерско-окружном или низовом уровне системы образования крайне упрощенно рассматривать как примитивное русификаторство в духе чуть ли не великорусского шовинизма. Наблюдается другая тенденция — крен в сторону приуменьшения русификаторских усилий центральной власти.

Возьмем феномен, который был отнесен к признакам взаимной толерантности католиков и православных Белоруссии, посещение храмов иной конфессии. Центральная власть прекрасно об этом знала, только она справедливо трактовала его не в духе современного экуменизма, а в терминах

далеко не завершенной конфессионализации, как знак крайней отсталости, архаичности религиозного самосознания многих католиков, православных и униатов в данном регионе.

Выйдем за пределы восточного славянства: параллельно в том же самом регионе та же самая администрация организовывала преподавание на еще одном местном «наречии», литовском. При этом деятельность низовых администраторов по преподаванию на литовском и на белорусском разительно отличаются. Литовский проект был гораздо более эффективным и последовательным, создавался, в частности, специальный кириллический алфавит. И этот вклад (возможно, невольный) в развитие литовского национального движения не отрицает и литовская историография.

Деятельность же учителей, которые «самовольно» преподавали на белорусском, могла являться реакцией на определенные директивы вышестоящих властей. В этом случае она может рассматриваться не только как стихийный проект нациостроительства, вырастающий снизу, но и как система уклонения, лавирования между поступающими сверху предписаниями. Мне кажется, что разные уровни русификации (или белорусификации) должны быть учтены.

М. Э. Клопова

М. С. Грушевского, крупного ученого и активного политического деятеля, можно с полным правом назвать «строителем украинской нации». Еще в молодости он стал активным приверженцем украинской идеи. По его собственным словам: «...у меня рано проснулось и развилось национальное украинское чувство, поддержанное редкими поездками на Украину, которая виделась в смутном ореоле далекой «отчизны». («Автобиография»). Романтическая любовь молодого Грушевского к Украине стала находить практический выход в те годы, когда он, поступив в Киевский университет, стал активно заниматься изучением истории Украины и близко сошелся с участниками украинских литературных и политических кружков. Безусловным авторитетом в этой среде был профессор В. Б. Антонович, под чьим непосредственным влиянием сформировались не только научные, но в значительной степени и политические взгляды молодого Грушевского. Именно с подачи Антоновича Грушевский увлекся популярной в кругах киевских украинофилов идеей сосредоточения всей украинской нацио-

нальной жизни, культурной и политической, в австрийской части Украины — Галичине. Как писал в своей «Автобиографии» сам Грушевский: «...киевляне надеялись создать в Галичине силами писателей и ученых всей Украины всеукраинский культурный, научный центр и с помощью него проломить систему запретов украинского слова и национальности в России, поднять в ней национальное движение и т. д.». Именно поэтому Грушевский с энтузиазмом воспринял предложение своего учителя Антоновича занять кафедру украинской истории в Львовском университете, создаваемую в рамках действовавшей тогда «угоды Бадени-Романчука» — польско-украинского соглашения. В 1894 г. императорским рескриптом Грушевский был назначен на должность профессора этой кафедры.

Галицийские реалии вызвали у него сильное разочарование. Прежде всего, он убедился, что польско-украинские отношения и после «угоды» продолжали оставаться весьма напряженными. Польская сторона, удовлетворив часть требований украинцев, не принимала их настойчивого желания дальше развивать украинскую идею и украинскую культуру в Галиции, и на новые запросы украинской стороны поляки смотрели негативно. Таким образом, популярная в Киеве идея польско-украинского сотрудничества оказалась несостоятельной.

Серьезную преграду на пути развития украинской идеи в Галичине представляла и индифферентность основной массы галичан к украинской идее. В сущности, большая их часть оставалась «русинами» или «рутенами», не принимая полностью ни одной национальной идеи. Украинским деятелям еще предстояло создать «сознательную украинскую массу». Серьезную конкуренцию им составляли так называемые русофилы. Их деятельность, весьма активная, разворачивалась в той же сфере, что и деятельность украинцев — в сфере культурной, просветительской, общественно-политической, и русофилы достигли здесь значительных успехов.

Встреченные трудности не охладили энтузиазма Грушевского, и он активно принялся за работу. Фактически, его деятельность во Львове была первым опытом украинизации общества. Чтобы оценить масштабы этой деятельности, следует отметить, что Грушевский сразу включился в работу Научного общества им. Т. Шевченко (НТШ), а в 1907 г. стал его председателем, ранее, в 1895 г., занял должность главного редактора «Записок НТШ», по его инициативе было основано акционерное общество «Укра-

їнсько-руська видавничча спілка», основной задачей которого было издание популярной литературы на украинском языке. Под непосредственным руководством Грушевского выходили многочисленные издания НТШ — «Источники по истории Украины-Руси», «Этнографический сборник» и др.

Помимо научной Грушевский в первые годы своего пребывания в Галичине занимался и политической деятельностью. Он был одним из инициаторов создания Украинской национально-демократической партии и даже вошел в ее исполнительный Комитет в качестве заместителя председателя. Но вскоре Грушевский разочаровался в галицийских политических деятелях и методах их работы. Вместе с И. Франко он вышел из партии и в 1904—1905 гг. провел критическую кампанию в прессе против своих недавних единомышленников, упрекая их в политической игре и оппортунизме. Это привело к росту напряженности в отношениях Грушевского с украинскими политиками, закончившемуся острым конфликтом в 1911 г., после которого Грушевский никакого участия в политической деятельности в австрийской Украине не принимал, ограничившись деятельностью чисто научной и педагогической.

Следует заметить, однако, что в понимании Грушевского, деятельность политическая и деятельность научная были двумя направлениями единой работы по созданию соборной Украины, развитой украинской нации из «теперешней Украины со своими тридцатью миллионами инертной, культурно полумертвой массы и каким-нибудь миллионом-двумя человек, сколько-нибудь охваченных культурным и национальным процессом». При этом Грушевский подчеркивал: культурно-национальные запросы украинства так тесно и органично связаны с общественно-политическими, что невозможно выделить их, не обрекая на захудание. В Галиции, по его мнению, чисто научная работа не переставала быть интегральной частью политического и общественного движения.

Прежде всего Грушевский настаивал на форсированном и одновременном развитии всех уровней украинской системы просвещения: от школы — через университет — к Академии наук, называя проблему национальной науки и просвещения «одним из вопросов, которые стихийное органическое развитие национальной жизни время от времени ставит на повестку дня, и которые становятся особенно актуальными». При этом Грушевский был принципиальным противником идеи постепенного, после-

довательного развития системы просвещения, на которой нередко настаивали его оппоненты. По его мнению, именно одновременное развитие всех урбвней просвещения являлось необходимым условием развития украинской культуры в целом.

Галицийская специфика заключалась в том, что тот «академический» научный уровень, на который достаточно быстро поднялось НТШ, был более доступен украинскому движению, нежели университетский и тем более школьный. По сложившемуся в Австро-Венгрии порядку национальное научное общество могло со временем получить академический статус. Очевидно, что именно по этой причине практически с первых месяцев своего официального руководства НТШ Грушевский начал борьбу за признание общества украинской Академией наук как внутри Габсбургской монархии, так и за ее пределами. Особый упор делался на то, чтобы академический статус общества был признан российскими коллегами. В значительной степени ему это удалось, и научные труды НТШ получили высокую оценку в научном мире.

Напротив, борьба за украинский университет и украинскую школу приобрела острый и вместе с тем затяжной характер и не была закончена вплоть до Первой мировой войны. Связано это было с тем, что и университетский, и школьный вопросы непосредственно затрагивали интересы польской правящей элиты и являлись неотъемлемой частью польско-украинского конфликта.

Львовский университет, созданный первоначально для удовлетворения «духовных запросов русинского населения» и постепенно почти полностью колонизированный, в начале XX в. стал ареной ожесточенных столкновений между польским и украинским студенчеством, доходивших до вооруженных инцидентов. Грушевский, как и другие преподаватели университета, принимал в борьбе самое непосредственное участие. Более того, он стремился придать этой борьбе характер общенационального движения. Грушевский с гордостью говорил, что «беднейшие галицкие крестьяне буквально отрывали кусок хлеба от своих губ, чтобы дать последний “грейцар” на университетский фонд», и усматривал в этом проявление «органичности и стихийности» украинского движения. Именно поэтому Грушевский активно возражал против перевода университетского вопроса из сферы общенациональной стихийной борьбы в сферу узко политическую. Он под-

вергал яростной критике деятельность украинских политиков, прежде всего депутатов общеимперского парламента, Рейхсрата, и краевого Сейма, называя ее оппортунистической и противоречащей интересам украинского народа. Именно критика линии, проводимой украинской политической элитой, линии, предполагавшей активное сотрудничество с центральным австрийским правительством в обмен на уступки в принципиальных вопросах (университетском и сеймовой реформе), и привела к наиболее острому конфликту Грушевского с галицийскими украинцами в 1911 г.

Наконец, одним из самых сложных вопросов был школьный. Несмотря на то, что необходимость среднего образования на национальном языке в Австро-Венгрии в принципе признавалась, все проблемы, связанные с школьным образованием в Галиции, находились в ведении краевого Школьного совета, т. е. польской элиты, которая всячески противодействовала открытию школ и гимназий с преподаванием на «русинском» языке, используя стандартный набор аргументов о неготовности русинского элемента к развитию образования, нехватке педагогов и т. д. Грушевский в своих статьях упорно опровергал эти доводы, приводя примеры противодействия Школьного совета назначению русинских педагогов в гимназии края. Основной акцент делался Грушевским на политической составляющей школьного вопроса. В действиях краевых властей он видел, прежде всего, желание не только не допустить развития украинской культуры, но и окончательно ополячить русинское общество. При этом вопросы собственно школьного образования нередко оставались в стороне.

И. В. Михутина: Понимая, что в дореволюционной России идея украинской государственности не получила широкого распространения, Грушевский, если судить по его публицистике 1905—1907 гг., ориентировался на украинизацию административными методами в рамках национально-территориальной автономии.

М. Э. Клопова: Грушевский сравнивал «несознательных» малороссов с рутенами: с одной стороны, они ощущали принадлежность к своему народу, а с другой, всячески подчеркивали свою лояльность по отношению к империи.

И. В. Михутина: В России малороссы не испытывали на личном уровне дискриминации по этническому признаку. Они ценили те возмож-

ности, которые обеспечивало им единое пространство огромного государства. Идея национально-территориальной автономии депутатов-крестьян I Государственной думы очень насторожила, они спрашивали, не ограничит ли это свободу передвижения и переселения. Так что реализация национальной идеи не всегда отвечала насущным интересам. Кстати, в 1917 г., украинские эсеры и другие сторонники государственного обособления от Великороссии тем не менее намеревались добиваться для украинцев возможности колонизации территорий за Уралом.

Л. Е. Горизонтов: Стратегия Грушевского в сфере просвещения не исчерпывает его концепции украинизации. В частности, следует отметить ту большую роль, которая им в галицийский период отводилась развитию украинского языка. Результаты этой деятельности со временем стали общеукраинским достоянием. Наша дискуссия подошла к обсуждению блока языковых и тесно сопряженных с ними историко-культурных проблем.

О. А. Остапчук

Формирование национального самосознания в украинском культурном и политическом дискурсе XIX в. проходило в тесной связи с развитием литературного языка. Более того, появление литературы на украинском языке предвосхитило развитие собственно националистического дискурса. Исключительная роль языка в формировании современных славянских наций во многом была обусловлена влиянием романтизма, рассматривавшего язык и народное творчество как средоточие национального духа.

Отсчет истории новой украинской литературы принято вести с 1797 г. — момента выхода «Энеиды» И. Котляревского, заложившей, по мнению большинства исследователей, основы нового украинского литературного языка на народной разговорной основе. В 20—40-е годы XIX в. формируется базовый корпус жанров новой литературы, начиная со стихотворных басен (Л. Глибов, П. Гулак-Артемовский), романтических баллад (харьковская школа романтиков, «Руська трійця» во Львове), и заканчивая произведениями драматическими, главным образом комедиями и социальными драмами (И. Котляревский, Г. Квитка-Основьяненко), а также прозаическими, впрочем, преимущественно малых жанров (Квитка-Основьяненко).

При этом весь XIX в. не прекращается полемика относительно самой возможности существования высокой литературы на украинском языке.

Украинская литература долгое время развивается преимущественно как своего рода региональная литература в рамках общерусского культурного процесса. Вместе с выходцами из Малороссии, пишущими исключительно по-русски (П. Голота, О. Чуровский, В. Корневский) или использующими в поэтической практике и русский, и украинский языки (Е. Гребенка, Боровиковский, А. Чужбинский, позже П. Кулиш, В. Стороженко), русские романтики К. Рылеев, О. Сомов, Н. Маркевич, Н. Гоголь, а позже и Ф. Булгарин, Н. Погодин, В. Даль создают своеобразное украинское (малорусское) направление в русской литературе. Начало процесса осознания украинской культурной и языковой обособленности начинается в 30—40-е годы, когда появляются первые украинские переводы русских поэтов (в частности, перевод пушкинской «Полтавы» Гребенкой), а завершается лишь во второй половине XIX в., когда делаются опыты перевода с украинского на русский.

Увлечение украинским фольклором, использование черт национального колорита характерно также для польской литературы начала XIX в., результатом чего стало выделение в среде польских романтиков поэтов так называемой «украинской школы». Ностальгическая поэтизация украинского быта, истории и природы в духе «регионального» романтизма характерна для целого ряда произведений 30—40-х годов XIX в. (А. Красиньского, Ф. Вихерского, В. Завадского, М. Гославского, Б. Залесского, С. Гошинского и др.). Появление произведений на украинском языке (ярчайший пример — Тимко Падура) не меняет общей культурной парадигмы: «украинская школа» не выходит за рамки польского национального дискурса.

Как правило, региональный характер носит и деятельность большинства собирателей фольклора. Этнографические труды, включающие произведения украинского народного творчества, в это время пользуются большой популярностью и активно публикуются как в России, так и в Польше. При очевидной для большинства собирателей фольклора включенности украинских территорий в русское или польское культурное пространство, этнографические сборники самим фактом своего появления способствовали выработке представлений об общности украинских земель.

Интерес к национальному фольклору, господство романтической поэтики в литературе, стремление к отражению живого разговорного языка вводят Украину в общий контекст славянского национального возрождения.

И Галицко-русская матица, созданная в 1848 г. во Львове, оказывается в ряду других национально-просветительских объединений Австрийской империи.

При общности базовых постулатов и идейных установок на развитие национальной культуры и пробуждение национального самосознания в сфере языка, языкотворчество распадается на три направления. Наибольшее число приверженцев снискала концепция развития национального языка на народной разговорной, как правило, диалектной основе. Именно в этом состояла основная идея проектов национальных литературных языков серба Вука Караджича, словака Людовита Штура и словенца Варфоломея Копитара. Однако, если Штур был ярким противником идеи единого литературного языка для чехов и словаков, то сама возможность культурной и литературной общности с другими народами в целях повышения собственной культурной значимости не была отвергнута. Так, Людевит Гай, основоположник хорватского литературного языка, являлся одновременно идеологом иллиризма, сторонником культурного и языкового (на базе иллирско-хорватского) языка объединения всех южных славян, в этом его поддерживал и словенец Франц Миклошич. Третий путь предусматривал создание национального литературного языка с максимальным учетом древней письменной традиции, что неизбежно влекло за собой некоторую его архаизацию; в этом состояла суть предложений патриарха славистики Йозефа Добровского, сформулированных им для чешского литературного языка, основой которого стал язык памятников XVI в.

В первой половине XIX в. теоретические постулаты деятелей славянского национального возрождения находят свое практическое воплощение как в этнографических и литературных трудах, так и в проектах кодификации новых славянских литературных языков в форме грамматик и словарей. В этом отношении и Малороссия, и Галиция также прекрасно вписываются в общеславянский контекст. Ал. Павловскому удалось издать свою «Граматику малорусского наречия» в 1818 г. В первой половине XIX в. на западе Украины также создается ряд грамматических описаний. Правда, большинство практических грамматик, изданных в этот период в Галиции, печатались на немецком («Grammatik der Rutenischen oder kleinerussischen Sprache in Galicien» О. Левицкого (1834)) или польском (например «Gramatyka języka małoruskiego w Galicji» И. Вагилевича (1845), «Gramatyka języka

ruskiego (małoruskiego)» И. Лозинского (1846) и некоторые другие), заметим, что на немецком языке была издана и словенская грамматика Копитара. В это же время появляются и украиноязычные учебники на Правобережье: в 1815 г. «Буквар і підручник арифметики» М. Щавинского, в 1838 — «Буквар для парафіяльних шкіл» И. Лавровского, его же шеститомный украинско-польско-немецкий словарь. Однако подавляющее большинство украинских словарей и грамматик так и остается в рукописях.

На фоне обилия попыток кодифицировать язык в грамматиках и словарях парадоксом выглядит тот факт, что в течение всей первой половины XIX в. в среде украинской культурной элиты не был достигнут компромисс относительно путей развития нового литературного языка. Специфика украинской языковой ситуации особенно заметна в сопоставлении с ближайшими соседями и соперниками в культурном и языковом отношении — польским и русским литературными языками. Так, в России к началу XIX в. был достигнут консенсус относительно преемственности церковнославянской традиции, сформулирована теория трех стилей, а период романтизма знаменовал начало борьбы за новый язык. На Украине же в XIX в. мы имеем дело с параллельной реализацией каждой из трех существующих возможностей: осуществление высоких коммуникативных функций при помощи другого «культурного» языка (русского или польского, реже немецкого), опора в формировании нового литературного языка на книжную традицию, создание литературного языка на народной разговорной основе. В Малороссии обрусение значительной части элиты означало на практике билингвизм большинства писателей и идеологов нового литературного языка, в сфере высших коммуникативных функций и «высоких» литературных жанров предпочтение отдавалось русскому языку. Аналогичный процесс происходил и в Галиции, где на роль языка культуры, образования, науки, прессы претендовал польский. И это при том, что в то время как Н. Костомаров заявляет о несвоевременности перевода на украинский язык «Космоса» Гумбольда, во Львовском университете уже была создана кафедра рутенского (украинского) языка.

Особая сложность языковой и культурной ситуации в Галиции была связана с разобщенностью национальной элиты и отсутствием единой программы культурного и языкового строительства. Весьма существенным фактом языковой реальности явились попытки создания нового «культур-

ного» языка с опорой на церковнославянскую традицию и с одновременным привлечением местных диалектных слов и конструкций из живого разговорного языка (в Закарпатье аналогичные попытки создания книжно-славянского языка с использованием местных говоров предпринимались начиная с XVII в.). Эти попытки вылились в создание так называемого галицкого «язычия», которое в определенной социально-культурной нише выполняло роль литературного языка в течение всего XIX в. Споры относительно лингвистической и культурной состоятельности «язычия» не отменяют значения этого идиома как опыта реализации иной, чем опирающаяся на живую разговорную речь, модели литературного языка. Ее принципиальное отличие состояло и в выборе базы литературного языка (церковнославянская основа), и в уровне архаизации, и в нормативной сфере (слабая степень стилистической дифференциации, допущение диалектизмов), и в самой структуре языка (не случайно его называют макароническим).

Наиболее жизнеспособной и соответствующей требованиям времени оказалась модель литературного языка, основанная на разговорной народной речи. Это соответствовало и постулатам большинства деятелей славянского национального возрождения. Однако в случае с Украиной процесс формирования языка на народной разговорной основе имел ряд особенностей. Если принять, что одной из основных характеристик литературного языка нового типа является наддиалектность, общезначимость для всей национальной территории, то окажется, что в украинском литературном языке данная черта не была изначальным условием кодификации. Более того, именно регионализм, специфичность языка отдельных территорий долгое время развивались в культурном сознании.

Если в формировании староукраинской книжности весьма существенную роль играли территории юго-западного языкового ареала, то основой нового литературного языка становится среднеподнепровский (юго-восточный) диалект. В украинском литературном процессе на начальной стадии его развития наблюдалось преобладание выходцев из Поднепровской Украины. Достаточно вспомнить, что именно оттуда происходили и И. Котляревский, и Т. Шевченко, и П. Кулиш. Достаточно вспомнить о том, сколь важную роль в развитии литературного языка, создании новой литературной традиции и языкового канона сыграли представители харьков-

ской школы романтиков и выпускники Киевского университета. Заметим, что однодиалектными по преимуществу являлись и другие создаваемые в тот время славянские литературные языки: сербский, а затем и хорватский литературные языки базировались на штокавском наречии, основой для словацкого литературного языка стало среднесловацкое наречие.

Таким образом, на начальном этапе развития новой украинской литературы в силу объективных обстоятельств формируется представление о Поднепровской Украине как колыбели литературного языка. Первым фактом, нарушившим монополию Поднепровья в данной сфере, стало издание Я. Головацким, И. Вагилевичем и М. Шашкевичем в 1837 г. знаменитой «Русалки Дністровой», которая базировалась на надднестрянских говорах. Это тоже была заявка на создание литературного языка на народной основе, причем существенно отличающейся от левобережной. Вместе с тем, несмотря на совершенно отчетливые различия (на уровне лексики, морфологии, синтаксиса), это был знак общности с Большой Украиной на ментальном, идеологическом уровне. Не будем забывать, что в течение всего XIX в. дискуссии относительно самой возможности существования отдельного украинского литературного языка не прекращаются ни в Польше, ни в России, причем не только в среде политиков, но и в научных кругах.

Факт появления «Русалки» знаменовал развертывание того культурного и языкового соперничества, которое достигнет апогея в конце XIX — начале XX в., в частности в ходе известной дискуссии о базе литературного языка в 1891—1892 гг. С этого времени галицкие ученые, а затем и литераторы начинают все громче заявлять о своих претензиях на ведущую роль в создании общего литературного языка. Конфликт между параллельно шедшими процессами формирования литературного языка на разных диалектных основах (третий, закарпатский вариант не играл существенной роли) завершился в самом конце XIX в. принятием тезиса о центральноукраинской основе литературного языка. К этому времени окончательно закрепляется и сам термин «украинский» язык. Тем не менее языковая консолидация на Украине так и не была завершена в течение всего XIX и даже XX в., ее новый виток пришелся на 20—30-е годы XX в. Реальной базой современного украинского литературного языка являются как юго-восточное, так и юго-западное наречия, что означает фактически не одно-, а двухдиалектную его основу.

Ориентация на живой разговорный язык в ходе формирования нового канона нередко принимала формы регионализации. Привнесение в язык своих произведений черт диалектных и узко региональных не только не считалось чем-то выходящим за рамки нормы, но и подразумевалось как необходимое условие создания яркого литературного образа. Так, если по произведениям И. Котляревского можно изучать особенности полтавского диалекта, то в произведениях П. Кулиша и Л. Глибова мы обнаружим отчетливые черты полесских говоров, у Леси Украинки — волинских, у И. Франко — надднестрянских, у О. Кобылянской и Ю. Фельковича — буковинских, у С. Руданского и М. Коцюбинского — подольских, М. Черемшины — гуцульских. Этот ряд можно было бы продолжить, в том числе именами современных литераторов.

Таким образом, и литературный язык вбирал в себя множество региональных форм, слов и выражений, в том числе благодаря множеству больших и малых словарей, прилагавшихся к литературным трудам и фольклорным сборникам или готовившихся отдельными изданиями. Самый значительный для периода до 1917 г. лексикографический труд — «Словарь української мови» Б. Гринченко — стал первой попыткой создания наддиалектного словаря литературного языка, хотя и его А. А. Шахматов упрекал в недостаточном внимании к северноукраинской, в частности полесской, лексике. Все это создавало уникальную для литературного языка вариативность форм и лексем, причем вариативность, закреплённую языковой нормой. Представление о единстве культурного и языкового пространства формировалось именно за счет приятия всех возможных вариантов, а не кодификации одного из них как правильного и единственно возможного.

Специфика генезиса нового украинского литературного языка, первенство писателей Левобережья, в первую очередь Поднепровья, в этом процессе, наложило характерный отпечаток на все дальнейшее его развитие, равно как и на формирование представлений о национальной территории. Именно язык в тогдашних политических условиях становился единственным консолидирующим фактором. Сам факт появления литературных произведений, а также словарей и грамматик в разных регионах Украины играл выраженную объединяющую роль. Однако отсутствие консенсуса внутри национальной элиты по поводу путей развития литературного язы-

ка можно считать одной из причин довольно позднего формирования украинского национального самосознания.

Е. Е. Левкиевская

С большинством постулатов, содержащихся в только что заслушанном докладе, я абсолютно согласна. Хотелось бы сделать лишь несколько добавлений и намеренно заострить ситуацию, которую, на мой взгляд, О. А. Остапчук несколько сгладила и упростила. Имею в виду проблему региональных литературных языков, которые возникли в различных ареалах украинского этноса, и их влияния на формирование регионального этнического самосознания.

До сих пор почему-то речь шла только о двух литературных языках — галицийском варианте литературного языка и литературном языке, сформированном на основе среднеподнепровско-слободских говоров, однако, как показывают исследования (А. Д. Дуличенко, П. Е. Гриценко), таких языков было, как минимум, пять. Дуличенко обосновал теорию о существовании, наряду с центральным, базовым литературным языком, который претендует на роль общенационального, литературных микроязыков. Последние, «не дотягивая» до статуса полноценного литературного языка, тем не менее имеют письменность, которая осознается реформаторами языка как модель для наследования, на них создается определенный корпус текстов (в основном художественных, реже административных, юридических и др.), их образование непосредственным образом влияет на становление этнокультурного самосознания той группы населения, которой микроязыки формируются.

Итак, можно говорить по крайней мере о пяти литературных языках, базой которых выступали разные диалекты: это литературный язык на основе среднеподнепровских говоров; галицийский литературный язык, формировавшийся первоначально на основе церковнославянского и, отчасти, русского языков, а с середины XIX в. на базе диалектов Галиции; буковинский, связанный с литературной деятельностью Ю. Федьковича и не получивший в дальнейшем самостоятельного развития; закарпатский, становление которого происходило на основе закарпатского и южно-лемковского диалектов в 50-е годы XIX в., а также русинский язык, из всех микроязыков получивший наибольшую степень развития у украинских

переселенцев в Югославии и довольно успешно развивавшийся в течение XX в. в отрыве от украинского литературного (художественная литература на украинском языке переводится русинами на свой язык).

Проблема заключается в том, что на протяжении всего XIX в. все названные языки в большей или меньшей степени «не дотягивали» до полноценного литературного языка, потому что для них были характерны не только регионализм, отсутствие завершенной кодификации, нормированной грамматической и орфографической базы, но и отсутствие полифункциональности, т. е. способности удовлетворять все коммуникативные потребности общества в любой сфере деятельности: административной, юридической, научной, художественной и т. д. Как правило, эти языки существовали в одной или двух коммуникативных сферах, их реализация была достаточно узкой: преимущественно на них создавались художественные или публицистические тексты. Но ведь и среднеподнепровский литературный язык не обслуживал административную, государственную сферу, очень мало научную и прочие занятые русским языком.

Консолидации украинского языка не было достигнуто даже в XX в. И движение к ней обеспечивалось не естественным распространением одного литературного языка на все сферы деятельности украинского народа на всей территории его расселения, не естественным вытеснением литературных микроязыков в пользу литературного среднеподнепровского языка, а искусственным уничтожением их в результате так называемой «украинизации». Реализация установки на насильственное внедрение среднеподнепровского литературного языка способствовало активизации процессов дивергенции, привела к культивированию норм микроязыков — галицийского языка и литературных диалектов — в украинском зарубежье, в особенности лемковского в Польше и Словакии. О том, что почва для процессов дивергенции в сфере украинского языка себя не исчерпала и процесс развития параллельных микроязыков не завершен, свидетельствуют также попытки возрождения русинского языка в начале 90-х годов XX в.

Необходимо сказать не только о том, что регионализм литературных микроязыков не был преодолен к концу XIX — началу XX в., но и о том, что фактически все рефлексии по поводу объединяющей роли одного литературного языка возникали в узкой сфере интеллектуальной элиты и совершенно не затрагивали огромного слоя низового, массового этническо-

го сознания, которое имело очень косвенное отношение ко всем бурным дискуссиям, происходящим в слоях украинской интеллигенции. Важно подчеркнуть, что этнокультурное самоопределение, присущее низовым слоям массового сознания, даже к концу XX в. не преодолело своего регионализма, который абсолютно доминировал на протяжении всего XIX в. Об этом свидетельствуют результаты конференции в Люблине (1992 г.), посвященной представлениям о родине в традиционном славянском сознании. Обнаружилось, что в восточнославянских традиционных культурах, особенно в украинской и белорусской, отчасти даже русской, фактически не существует понятия «большой родины» как знака общенациональной самоидентификации. Зато присутствует сохранившееся до настоящего времени представление о «малой родине» (характерное самоопределение белорусских полешуков — «мы тутейшие», т. е. здешние, местные). Все это свидетельствует о том, что этнокультурное сознание не соотносит конкретную территорию проживания с «большой родиной».

И еще один аспект, который я считаю достаточно важным для понимания глубинных источников, питающих украинский регионализм. Если обратимся к украинской традиционной культуре, к корпусу верований, мифологических представлений, к корпусу обрядов, то увидим, что у украинского этноса изначально отсутствовала единая модель традиционной культуры, последняя была ориентирована на разные этнокультурные ареалы. Особенно хорошо это видно на примере Закарпатья и Галиции. Типы мифологических моделей в культуре карпатских украинцев принципиально отличаются от того, что мы видим в Центральной и Восточной Украине. Традиционная культура и мифологическая система Закарпатья ориентированы не на восточнославянскую традиционную культуру, а на балканскую, о чем свидетельствует генетически родственная балканской традиции тип и набор мифологических персонажей. Население Карпат изначально по типу традиционного мышления оторвано от Большой Украины. Это серьезная проблема, которой почти не касаются исследователи, когда говорят о формировании украинской и белорусской наций, но это та почва, которая «подпитывает» региональные процессы.

Абсолютно согласна с тем, что необходимо изучать взаимодействие массовых и элитных слоев общества, необходимо анализировать, как импульсы, возникающие в традиционном, массовом этнокультурном мышле-

нии передаются к культурным элитам и наоборот. В противном случае мы просто не будем иметь объективной картины.

М. Ю. Досталь: Русины себя украинцами не считают: с точки зрения этнического самосознания, они не украинцы. Мне представляется, что это уже не регионализм, здесь мы сталкиваемся с проблемой иного уровня: формированием по меньшей мере народности. Если Галиция послужила Пьемонтом для развития украинской нации, украинского самосознания, то Закарпатье дало почву для складывания особой этнической общности. Идеологи русинского движения считают свой язык четвертым восточнославянским языком.

Е. Е. Левкиевская: Для этого есть и некоторые лингвистические основания, потому что русинский микроязык сложился не только на основе западноукраинских, но и восточно-словацких говоров, т. е. при активном участии западнославянского влияния.

И. В. Михутина: Языковые процессы были очень подвержены политическому влиянию. Так, в 1860-е годы XIX в., когда в Галиции укрепились позиции поляков, они пытались перевести на латиницу язык русин. На рубеже веков под эгидой Грушевского был выработан литературный украинский язык, без энтузиазма принятый на Большой Украине. Различия в языке сохранялись, вызывая трения и в межвоенный период.

Е. П. Аксенова: Были ли какие-то собственно лингвистические основания для выделения среднеподнепровского говора в качестве литературного языка?

Е. Е. Левкиевская: Выделение того или иного говора в качестве базовой основы для литературного языка, на мой взгляд, весьма косвенно зависит от характерных черт этого говора, определяясь во многом опять-таки политической ситуацией. На украинских Карпатах существует масса микродиалектов с очень специфическим кругом лексики, например, гуцульский говор. Лексический состав этих говоров и их фонетические особенности подчас достаточно резко отличаются друг от друга, и любой человек, который работал в Карпатах, знает, как сильно отличается лексика. Кодификация литературных языков происходила там очень сложно именно потому, что не было широкой лексической базы для их формирования, наблюдалась чересполосица. В восточных частях Украины нет та-

кой резкой разницы между лексическими базами диалектов, которая могла бы привести к серьезному непониманию.

Для белорусской ситуации XIX в. в гораздо более явном виде, чем для украинской, характерно наличие выраженного двуязычия. Сначала это было польско-белорусское двуязычие, которое затем сменилось русско-белорусским двуязычием. Более развитый и сформированный литературный язык обслуживал сферы интеллектуальной, художественной и общественной деятельности, а диалектная база, которая практически не развивалась или развивалась очень медленно, обслуживала разговорную речь и низовую общественную коммуникацию. В XX в. эта ситуация в очень большой степени сохранилась: белорусский язык всегда имел более слабую текстологическую базу — на нем было создано количественно меньше литературных текстов, которые бы позволили ему быстро подняться до уровня полноценного литературного языка. Этому способствовало, на мой взгляд, более медленное, чем у украинцев, развитие этнокультурного сознания белорусов. Все сказанное препятствовало попыткам интеллектуальной элиты формировать свой собственный язык. Как язык художественной литературы в XX в. белорусский язык сформировался благодаря писателям.

Хочу обратить также внимание на всплески искусственно создаваемого регионализма. В XX в. имела место совершенно анекдотическая ситуация с попыткой создать на основе западных полесских говоров ятвяжский язык, и внедрить в сознание западных полещуков новую идентичность. Все это свидетельствует о болезненности языковых процессов, которые по сей день происходят в белорусском языке.

М. В. Лескинен: Если мы говорим о традиционной народной культуре, то скорее всего имеем дело с категориями этнического сознания. Совершенно верно отмечалось, что в этом случае речь идет о «малой родине» («тутейшей земле»), а осознание общенациональной принадлежности кристаллизуется «сверху». Для носителей национального сознания, в том числе будителей, первостепенную важность имеет фактор национальной (государственной, политической, культурной) обособленности большого региона, а не «малой родины».

Историко-культурные методы позволяют реконструировать «картину мира» человека или социальной группы, причем с учетом неосознанных

представлений и стереотипов. Выявляется, что в культуре традиционного общества украинских и белорусских земель, с одной стороны, и в наследии представителей образованной части общества, декларирующей себя в качестве носителей единой этнической общности — с другой, эти системы воззрений даже по основным категориям не тождественны. Поэтому утверждения элиты о единстве некоторых черт характера, мифов, стереотипов по меньшей мере не соответствуют действительности. Представления о том, что является частью национальной культуры, а что нет, иногда и кардинально различаются в различных социальных слоях. Таким образом, необходимо обязательно учитывать социальную дифференциацию. При изучении этнонационального своеобразия украинской и белорусской культур в XIX в. задача осложняется спецификой формирования местной интеллигенции, которая вплоть до 90-х годов XIX в. обладала сознанием переходного типа, сочетавшего в себе элементы традиционно-этнической и интеллектуально-национальной модели менталитетов.

Человек может декларировать себя как представитель той или иной религиозной, культурной, этнической общности, в действительности не являясь таковым ни по крови, ни по языку, ни по культуре. Такие случаи известны как для Украины (в частности, Галиции), так и Белоруссии в период 60—80-х годов XIX в.

Однако в основе национальной идеи лежат те или иные этнокультурные автостереотипы народа. Имеет также место влияние национальных идей (и мифов, являющихся их «цементирующим раствором») других народов. Это, в частности, польская национальная идея. В процессе национал-строительства были задействованы и автостереотипы, и образы «чужого», и представления «соседей» друг о друге. Наблюдалось взаимовлияние и взаимоформирование этого круга идей в общеславянском контексте.

В данном процессе важная роль принадлежит образованию. Расширение сети школ, создание новых программ является результатом реализации определенных взглядов не только реформаторов в сфере образования и школьных преподавателей, но также общих представлений российского общества о необходимости формирования личности посредством низшего и среднего образования. И усматривать, как это делают некоторые исследователи, здесь проявления русификаторской политики по меньшей мере оценочное суждение. Процессы этнической и национальной идентификации на землях культурного пограничья имеют иные механизмы, нежели

в моноэтнических регионах. Это хорошо показано в трудах наших историков славянских культур (В. Н. Топоров, Л. А. Софронова, Т. В. Цивьян и др.).

Необходимо отметить дефицит исследований, посвященных действительной, а не мифологизированной роли православной церкви, в том числе как социального института, носителя определенного комплекса идеалов, идей, целей. Мало задействован массив документов, отразивший миссионерскую деятельность церкви.

Хотелось бы обсудить также термин «русификация». Р. Суни отмечает, что «для Екатерины Великой и Николая Первого “обрусить” значило проводить государственную политику, направленную на административную унификацию империи. Второе значение подразумевало спонтанный процесс самоадаптации народов к нормам жизни и господствующему языку в империи — незапланированное “обрусение”... Третья историческая форма русификации... заключалась в стремлении “обрусить”... в культурном смысле». Используя это понятие, необходимо помнить о его оценочности. В сознании и лексике национальной украинской и белорусской элиты XIX в. под этим понимались одни действия со стороны властей, а в официальных документах иные.

Л. Е. Горизонтов: Следующий блок нашей дискуссии можно определить как историко-научный, хотя сюжеты, подлежащие обсуждению в его рамках, таковы, что, несомненно, будет затронут весьма широкий спектр вопросов.

С. С. Лукашова

«История русов» является одним из ключевых памятников украинской литературы и исторической мысли первой половины XIX в. Она одновременно завершает период «казацкого летописания» XVIII в. и стоит у истоков нового, романтического течения в украинской литературе. Кроме того, книга оказала большое влияние на формирование политической мысли украинского общества. В первой половине XIX в. «История русов» получила широкое распространение в рукописных списках. Следы ее влияния можно встретить в идеологии украинского и казацкого (терского, донского) движений XIX и XX вв.

По своей форме «История русов» близка к казацким летописям XVII — начала XVIII в. В ней сохраняется традиционное изложение истории ук-

раинского народа начиная с легендарных времен; имитируется отстраненно-объективный комментарий летописца; в повествование включаются тексты известных анонимному автору (или фальсифицируемых им) документов. Вместе с тем при составлении «Истории русов» большую роль сыграли эпические элементы, в том числе почерпнутые из фольклорной и житийной традиций. Легендарное прошлое реконструируется на основе как устной народной традиции, так и новелл-вставок, созданных самим автором по образцу народных сказаний.

Было бы не совсем верным говорить о традиционной композиции «Истории русов» только как способе маскировки ее принципиально нового содержания, поскольку книга изначально для публикации не предназначалась. Следование канону облегчало и труд автора, воспроизводившего жанровые клише, и было привычным (а потому удобным) для читателя.

При анализе содержания необходимо указать на те причины, которые способствовали широкому распространению книги в XIX и начале XX в., причем не только на Украине, но и в России, прежде всего в среде либерально настроенного дворянства и интеллигенции. Безусловно, одной из важнейших черт, вызывавшей симпатии, была оппозиционность автора «Истории русов» официальной политике Российской империи и свойственные памятнику представления о необходимости особой политической и культурной автономии для украинских земель. Критика властей подавалась читателям в передовой для того времени форме. Призыв возврата к прошлому был изложен с помощью фразеологии и постулатов западноевропейского Просвещения. Автор постоянно использует категории «правды» и «справедливости», «разума», «равенства», «народного блага» и «блага Отечества», «естественных прав человека».

Действительная цель книги состояла не в простом воспроизведении исторических фактов, а в обосновании притязаний украинской политической элиты на власть и привилегии. С этой точки зрения «Историю русов» следует рассматривать не как историческое сочинение, а как программный политический памфлет. В ней отсутствуют подробные планы на будущее, но настойчиво проводятся разного рода параллели: состояние украинской государственности после восстания Богдана Хмельницкого признается почти идеальным, любые шаги по его изменению со стороны российских или польских властей категорически осуждаются, общественно-политическая

модель развития любой из сопредельных стран оценивается негативно. Идеал государственного устройства — установление автономии Украины в составе России и хотя бы частичное соблюдение переяславских пунктов, что на практике означало стабилизацию и повышение сословного статуса украинского дворянства, уничтожение государственных налогов и податей, административное самоуправление.

Книга полна негативных высказываний в адрес представителей царской администрации и всей государственной политики в отношении Украины. Нарушение условий Переяславской рады и последующих соглашений, постепенная инкорпорация Украины в состав Российской империи оцениваются автором «Истории русов» как предательство и насилие. Многократно упоминаются факты произвола отдельных российских чиновников, незаконные поборы со стороны правительства, массовая гибель украинцев на строительстве каналов и т. п.

«История русов» оказалась востребованной и приобрела новую известность после распада СССР. Современные украинские деятели находят в ней подтверждение собственных идей, «освящая» их таким образом давностью происхождения. В монографии В. А. Смолия и В. С. Степанкова «Українська державна ідея XVII—XVIII століть» (Киев, 1997) перечислены одиннадцать моментов, которые обеспечивают «Истории русов» актуальность по сей день.

С точки зрения украинских исследователей, принципиально важно то, что автор «Истории русов» постулирует независимость государственности Украины от политической системы Московской Руси и России. Киевская Русь рассматривается как начальный период истории одного украинского народа, а не всех восточных славян. Подчеркивается непрерывная государственная традиция Киевской Руси — казацкого государства — Украины XIX в., которая не была нарушена ни монголо-татарским нашествием, ни вхождением в состав других государств. «Самостоятельность и отдельность развития истории украинского народа» проявлялись не только в политической, но и во всех остальных областях общественной жизни.

Ранний период истории действительно занимает важное место в сформулированной в памятнике концепции. Однако система доказательства особого исторического пути украинцев в «Истории русов» строится на утверждении о различном этногенезе украинцев и русских. Автор полагал, в ча-

ности, что сарматы, хазары и русь (русы) — суть разные названия одного и того же народа, предков украинцев.

Так же спорно утверждение В. А. Смолия и В. С. Степанкова о том, что в «Истории русов» «ведущей идеей выступает не автономизм», но «впервые в украинской исторической и публицистической литературе четко сформулирована идея, что наибольшей ценностью для народа является независимое национальное государство». Во-первых, идеалы общественного договора, служения Отечеству и ответного выполнения государством определенных обязательств перед своими гражданами вовсе не тождественны концепции национального государства. Во-вторых, представления автора «Истории русов» о независимости существенно отличаются от современного толкования этого понятия. Призывы к независимости Украины не тождественны признанию необходимости борьбы с самодержавием за установление государственного суверенитета. Украина станет «независимой», если будут выполнены условия 1654 г.: восстановится ее особое общественно-политическое устройство, в первую очередь система самоуправления, а также культурная специфика. Об автономизме политической программы автора «Истории русов» говорит и то, что «независимости» в его представлении нисколько не мешает вхождение Украины в состав соседних государств, их «протекция».

Несовпадение современных оценок и представлений XIX в. наблюдается и в вопросе о политических симпатиях автора. Рассуждения об идеальных формах государственного устройства и осуждение тирании являются общепринятыми топосами в кругах последователей классического либерализма XVIII—XIX вв. и не свидетельствуют о том, что автор был «пылким сторонником республиканской формы правления». В книге не только отсутствуют антимонархические высказывания, но и часто подчеркивается лояльность по отношению к законному и справедливому суверену, что опять-таки соответствует тогдашним представлениям о гражданских добродетелях.

Украинские исследователи видят в авторе «Истории русов» защитника демократии, тогда как ни текст источника, ни исторический контекст его создания этого не подтверждают. Памятник отразил менталитет и интересы определенной части потомков казацкой старшины, сыгравшей важную роль в складывании национальной элиты, политической мифологии и формировании нации в целом.

И. С. Александровский

Хотелось бы остановиться на некоторых аспектах восприятия российской общественностью малороссийской самобытности в первой половине XIX в., когда в результате объединения великороссов, малороссов и белорусов в составе Российской империи, были созданы определенные предпосылки для консолидации единого восточнославянского этноса. Приводимые далее свидетельства извлечены из писем, путевых заметок и мемуаров, а также периодических изданий. При анализе источников, особое внимание обращалось на отражение в них таких базовых этнических начал, как национальный характер и язык, на основании которых обычно и делаются выводы о самобытности того или иного этноса.

В 1799 г. Украину посетил литератор и журналист В. В. Измайлов, составивший впоследствии из своих путевых заметок книгу «Путешествие в полуденную Россию». «Малороссияне, — писал он, — сохранили еще остатки своего древнего характера. Они любят отечество и его славу...» В отношении простого народа отмечалось, что малороссияне предпочитают скотоводство земледелию, «искусство которого еще находится в колыбели». Обращалось внимание на согласие и порядок в семейной жизни. Сын XVIII столетия, Измайлов называл местных крестьян «самыми просвещенными поселянами» за их любовь к природе. Наблюдения заканчивались фразой: «малороссийский народ достоин любопытства и, может быть, славы...»

Описание Измайловым киевского дворянства, проникнуто превосходством столичного жителя над провинциалом: «Киевляне имеют вообще характер народов, недавно вышедших из младенчества гражданских учреждений; лучи европейского просвещения светят к ним из отдаленности...» Подобно многим исследователям малороссийских реалий, Измайлов отмечает некую культурную отсталость киевлян, их косность и отсутствие любознательности: «Никто не составляет себе собственных понятий; никто не определяет мнений по своему рассудку, но по рассудку других, никто не делает усилий, чтобы вознестись выше обыкновенного...» Киевские жители еще только «прикасаются к развитию всех нравственных способностей». Однако, находясь в составе Российской империи, в которой, «по необходимому течению вещей, народы и нравы сближаются, киевские жители

заимствуют новые обычаи и мнения», пройдет совсем немного времени и «они потеряют все, что показывает в них юность рода человеческого; приобретут некоторые блестящие качества, которые приносят с собой более славы». Это утверждение достаточно точно очерчивает перспективы вхождения украинских элит в высшее российское сословие.

Побывавший в 1820 г. в Волынской и Подольской губерниях ученый, редактор журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковский в своих воспоминаниях обращает особое внимание на такую черту характера местных жителей, как невежество. Автор отмечает повсеместную нелюбовь к наукам и чтению, приводя в пример, что в этих местах, в нескольких даже губерниях не было прежде и нет поныне ни одного книгопродавца. Говоря о малороссийском дворянстве, Сенковский, подобно Измайлову, указывает на то, что владельцы имений ничего не знают об окружающем их мире, не читают никаких книг, и даже редкий из них выписывает газету. Впрочем, причину столь малой образованности на Волыни и в Подолии Сенковский видит в недостаточном количестве училищ. По его мнению, мещане или зажиточные крестьяне охотно отдали бы своих детей в училище, но они не в состоянии посылать их для науки миль за двадцать или тридцать от своего дома, а зачастую сведения о существовании каких-либо учебных заведений до них просто не доходят.

В 1816 г. в Харькове была издана книга студента харьковского университета, впоследствии товарища министра внутренних дел А. И. Левшина «Письма из Малороссии». Приступая к описанию малороссиян, Левшин подчеркивает, что все его наблюдения относятся к простому сословию, так как именно оно способно дать наиболее полное представление обо всем этносе. Свой очерк автор начинает с того, что «русские и малороссияне происходят от общих предков; как в тех, так и в других течет кровь древних славян, но нравы их несходны, обыкновения отличны, законы неодинаковы». Среди основных черт национального характера малороссиян Левшин выделяет, с одной стороны: любовь к отчизне, честность, мужественность, презрение к воровству, веселый нрав и склонность к забавам. С другой — автор отмечает в малороссиянах скрытность, гордыню, злопамятность и лукавство. Причины этих «пороков» он видит в недостатке «ласковости и обходительности». Левшин указывает еще и на такую черту малороссийского характера, как ненависть, питаемую малороссиянами к великороссам.

Это чувство они внушают даже детям, пугая их «москалями»: «при сем имени, уstraшенное дитя перестает кричать».

Малороссию Левшин называет «прекрасной, но мало обработанной страной». Здесь автор подходит еще к одной черте малороссийского характера — отсутствию «нужнейшей к благосостоянию человека добродетели», а именно, трудолюбия. «Бедность малороссийского народа на каждом шагу ощутительна; особенно для того, кто видит, что она происходит от беспечности», — отмечает он.

Об особенностях малороссийского национального характера рассуждает также издатель журнала «Отечественные записки» П. П. Свиньин в своем «Живописном путешествии по России», осуществленном в 1830 г. Он пишет о том, что своими наружными качествами, лицом, окладом, стройностью стана, ленью и беззаботностью малороссыяне более сходны с роскошными обитателями Азии, «но не имеют тех буйных, неукротимых страстей, свойственных поклонникам исламизма». В характере малороссыян автор выделяет также «флегматическую беспечность», горячую любовь к родине, смелый европейский ум и чувства пламенные, «одетые первоначальной простотой».

Формирование культуры и самосознания украинцев происходило в обстановке борьбы между польским и русским влиянием. Стремление усилить влияние русской культуры на малороссийский народ, нередко приводило ко всякому отрицанию какой-либо малороссийской самобытности. Примером этому могут служить мемуары известного историка и общественного деятеля И. Кулжинского «Воспоминания о Волини», написанные в 1832 г. и интересные тем, что автор ни разу не упомянул об особом малороссийском языке или национальном характере. Крестьянское население Волини автор называет русским народом, который «несмотря на носимое им тяжелое иго — крепостного подданства польской шляхте и арендаторства жидам, — не изменил ни своему славяно-русскому языку, ни своей православно-русской вере, — не ополячился, не олатинился и не ожидичился». Рассуждая о полонизации населения юго-западных областей, Кулжинский отмечает, что сложнее всего полонизаторам пришлось с простонародьем, в котором даже церковная уния не истребила памяти о русском его происхождении: «волынський крестьянин всегда называл себя “руським”».

Вопрос польского влияния на малороссию был затронут также писателем П. А. Габбе, который в своих путевых записках за 1827 г. даже определяет пространственное распространение русской и польской культур на интересующих нас землях. «За пять верст не доезжая Василькова, находится корчма, называемая Карантинною; там со времен присоединения Киева к России до второго раздела Польши находилась граница между Россией и Польшей, граница более ста лет существовавшая. Вот почему небольшой клочок правого берега Днепра, между реками Стугной и Ирпенью заключающийся, носит на себе отпечаток русских обычаев, в то время как остальная часть Украины сохраняет польские нравы».

Многие касались малороссийского языка. По утверждению А. Левшина, он происходит от «древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими перековерканными словами, отчего делается почти непонятным великороссиянину». Отмечалось, что несмотря на то, что в этом языке отсутствуют какие-либо грамматические правила, он «до сего времени составляет язык народа», хотя «некоторые ученые малороссияне употребляют его в сочинениях» (в качестве примера приводилась «Энеида» Котляревского). Левшин рассматривал возможность научной разработки литературного языка, возможность, которая поставила бы малороссию в один ряд с «просвещеннейшими народами Европы». Однако выводы, к которым он приходит, весьма пессимистичны: «Тщетна надежда сия; ибо нет побудительных причин и самая малая возможность к составлению языка из наречия, оставленного почти всеми образованными коренными жителями здешней страны».

Свиньин характеризует малороссийский язык как довольно звучный, находящийся гораздо ближе к церковнославянскому, нежели русский, несмотря на обилие «татарских слов, принятых им». В своих заметках Свиньин даже попытался очертить ареал малороссийского языка, который, «находясь под влиянием Польши и Литвы, во многих местах, особенно в пограничных, претерпел большое изменение». Колыбелью малороссийского языка издатель «Отечественных записок» называл Полтаву, где язык сохранился в первоначальной чистоте своей и «без посторонней примеси звучит по хуторам и селам. При приближении к Чернигову, он заметно начинает портиться, за Черниговым изменяется в Литвинский, в Киеве смешивается с польским, а за Киевом совершенно исчезает». Подобно А. Левшину,

Свиньин обращает внимание на тот факт, что обороты и фразы, частые междометия и местоимения украинского языка часто непонятны не только иностранцам, но и самим малороссиянам. Автор объясняет это тем, что «всякий малороссиянин думает, что говорящий с ним непременно должен понимать его». В подтверждение этого он даже приводит случай, когда помещик, желая посоветоваться со своим мужиком в довольно затруднительной ситуации, получает от него ответ на совершенно непонятном языке. Здесь можно поставить вопрос о двух моделях малороссийского языка: с одной стороны, язык простого народа, не всегда понятный образованному сословию, а с другой — зарождающийся литературный язык, который во многом отличался от языка простонародья. По мнению автора, лучше всего малороссийский язык «с малейшими изменениями и оттенками» выразился в народных песнях.

Отношение к малороссийскому языку было неоднозначным. Часто возникали сомнения, можно ли считать его собственно языком или же это наречие. В отношении белорусского языка подобных сомнений не наблюдалось: его считали наречием. Во многом это было обусловлено отсутствием корпуса литературных произведений на белорусском языке, в отличие от малороссийского.

В качестве иллюстрации можно привести отзывы периодических изданий на вышедший в 1839 г. сборник «Опыты в русской словесности воспитанников гимназий белорусского округа». В «Библиотеке для чтения» утверждалось, что «Опыты» имеют большое значение для жителей западных губерний. Незнание русского языка обрекало юношество Западного края «на жизнь без цели, без будущности, без радости, без славы». Более того, все нравственные страдания Западного края в последнее сорокалетие происходили именно от этого «неестественного» отчуждения. Однако перемены в системе образования в «возвращенных от Польши» губерниях позволили «исторгнуть белорусов из этой бездны, сблизить их, посредством языка, с забытым общим отечеством, воскресив тем самым их прежний русский патриотизм». Белорусов как членов одного великого семейства призывали «объясниться на семейном языке, слить вместе свои чувства и понятия и дружно пойти к одной цели». Во многом сходную позицию занял журнал «Сын Отечества». Язык белорусов определялся как «чуждый», насильственно навязанный, в отличие от «коренного, родного белорус-

цам» русского языка. Таким образом, одним из главных условий нормального существования белорусского этноса в империи является обязательное знание и употребление русского языка.

Для первой половины XIX в. характерно неоднозначное в целом отношение России к Малороссии. С одной стороны, на нее смотрели не без некоего «любования», видели в ней край, который, несмотря на некоторые отличия от Великой России, все же является «сыном одной матери славянской и подданным одного царя русского, православного». С другой стороны, в ней видели край чужой и отсталый. Приведенные материалы говорят о глубоком интересе российского общества к украинской проблематике. Можно говорить о двух моделях малороссийского языка: по свидетельствам российских путешественников язык простого народа и зарождающийся литературный язык образованного общества сильно отличались друг от друга. Налицо также существование характерных для эпохи романтизма стереотипов в описании малороссов. Под влиянием этих стереотипов происходило формирование общественного мнения по вопросу о малороссийской самобытности. Принимая во внимание тот факт, что профессиональная наука в России находилась в стадии становления, данные материалы могут служить ценным источником для воссоздания истории изучения Малороссии.

М. Д. Долбилов: Приведенные цитаты напомнили мне пассажи, регулярно повторяющиеся в ежегодных отчетах воронежских губернаторов. В находившейся на этническом пограничье губернии прослеживалась такая закономерность: чем просвещеннее был губернатор, тем обильнее он нашпиговывал свой текст сентенциями о народных характерах, которые кажутся очень прочувствованными, продуманными, вызревшими чуть ли не из этнографических наблюдений. Малороссам всегда отводится роль чистеньких, аккуратненьких, веселеньких, но ленивых людей, а великороссам — смекалистых, пройдошистых, предприимчивых, но либо склонных к пьянству, либо погрязших в расколе.

И. С. Александровский: Не только чиновники, но и исследователи в значительной степени оперировали сложившимися стереотипами.

Е. Е. Левкиевская: Готова согласиться с достаточно ранним формированием в русском общественном мнении некоего стереотипа малоросса —

сугубо мифологизированного, во всяком случае не основанного ни на каких серьезных этнографических исследованиях, которые просто не успели к тому времени возникнуть. Эти стереотипы рождались во многом под влиянием романтической традиции. Существовала определенная матрица восприятия такого этнокультурного феномена как Украина и ее жители, которая строилась по образцу английского восприятия Шотландии. Прямо писалось, что Украина по отношению к России является некоей Шотландией. Стереотип восприятия шотландца требовал его изображать с волынкой и в клетчатой юбке. Малороссы в восприятии русского должны быть в шароварах. Роль реальных впечатлений и наблюдений не следует преувеличивать.

М. Ю. Досталь

В моем сообщении речь пойдет уже о профессиональном славяноведе и одном из его основателей в России И. И. Срезневском (1812—1880).

Срезневский родился в Ярославле в семье профессора российской словесности, но детство и юность провел на Украине, в Харькове, где в 1826—1829 гг. учился в университете.

Харьков и прежде всего его университет были в конце 20-х и в 30-е годы XIX в. горнилом национально-культурного и общественного движения на Восточной Украине. Здесь появились первые литературные альманахи и периодические издания («Харьковский Демокрит», «Украинский вестник», «Украинский домовод»), в типографии университета печатались многочисленные работы этнографического и фольклорного характера. В Харькове жили и творили известные украинские писатели (П. П. Гулак-Артемовский, Г. Ф. Квитка-Основьяненко и др.). Срезневский становится лидером литературно-научного кружка, членов которого объединяла увлеченность украинской и вообще народной стариной и фольклором. Каких-либо политических целей кружковцы перед собой не ставили, большинство из них отличалось умеренно-либеральными и даже монархическими взглядами, проявляло лояльность властям.

В своих работах 30-х годов «Запорожская старина» и «Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины» Срезневский идеализировал политику русских царей, считая их единственными защитниками украинского народа, томившегося под игом польских панов. По-

кровителем угнетенных славянских народов ему представлялся Николай I. С политикой последнего ученый связывал и вопрос о гарантиях самостоятельного развития украинской литературы. «Под щитом и покровом мудрого правительства, — писал он И. М. Снегиреву, — под призором монархов, покровителей отечественного просвещения, он (украинский язык. — *М. Д.*) может иметь эту надежду (на литературную славу. — *М. Д.*)».

В культурной фазе национального движения большое значение имели усилия харьковских литераторов-романтиков привлечь внимание образованного общества к местной старине, песням и думам, показать красоты украинского языка и литературы и тем самым утвердить их право на самостоятельное существование. В открытом письме профессору Московского университета, этнографу И. М. Снегиреву, опубликованном в 1834 г., И. И. Срезневский утверждал: «Украинский язык есть язык, а не наречие — русского или польского, как доказывали некоторые, и многие уверены, что этот язык есть один из богатейших языков славянских... что это язык, который, будучи еще не обработан, может уже сравниться с языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому — язык поэтический, музыкальный, живописный». Характерно, что Срезневский в то время применял по отношению к украинскому языку термин «язык», а не наречие и называл его украинским, а не малороссийским.

При этом, выступая в защиту украинского языка и литературы, Срезневский осознавал себя русским человеком. В письме матери из Курска (июль 1828 г.) он писал: «Вы знаете, маменька, как я любил слушать рассказы ... о милой моей родине (России. — *М. Д.*) и о русских; я желал, подобно птичке полуденной, вскормленной на чужой стороне, полететь на свою невиданную родину». Деятельность Срезневского в Харькове в 30-е годы вносила вклад в развитие как русской, так и украинской культуры. Альманахи кружковцев «Украинский альманах» (1831) и «Украинский сборник» (Кн. I. 1838; Кн. II. 1841) были благожелательно встречены критикой в Москве и Петербурге, в том числе В. Г. Белинским. Они содержали научные статьи, посвященные украинской тематике, а также литературные опыты кружковцев на украинском языке, впоследствии сочинения известных писателей И. П. Котляревского, Г. Ф. Квитки-Основьяненко и др.

Харьковские романтики впервые в истории украинской словесности провозгласили принцип народности литературы, источником и основным

условием которой является ее связь с фольклором, несущего на себе, по выражению Срезневского, «отпечаток вкуса, мнений, наклонностей народа».

«Запорожскую старину» (1833—1838, 6 томов) Срезневского приветствовали Т. Г. Шевченко и Н. В. Гоголь. Последний писал составителю сборника в 1834 г.: «Где выкопали Вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов, ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня новостью».

Деятели национально-культурного движения на Украине черпали свои идеи и силы не только из родников народной культуры, но и из тесных контактов с русской общественно-культурной жизнью, а также с близкими по духу движениями славянских и неславянских народов Европы.

В 30—40-е годы Срезневский выступал горячим поборником «самобытного» развития всех славянских литературных языков в духе славянской взаимности. «Мы должны любить славянство во всем его объеме, — говорил Срезневский в своей вступительной лекции в Харьковском университете в октябре 1842 г., — потому что мы славяне; без этого мы не можем иметь истинной любви, истинного уважения к самим себе: это долг нравственности, прямой наш человеческий долг, долг любви родного к родному, брата к брату». При этом он демонстрировал высокий гуманизм, чуждый «племенной» славянской ограниченности: «Изучая с любовью нашу народность, — призывал он в послании словакам (1842), — не забудем любовь к другим народам: всякая народность, как и всякая религия, должна быть священной».

Взгляды слависта на самостоятельность украинского языка и литературы со временем менялись. Предметом споров в исследовательской литературе является вопрос, когда началось это изменение и чем оно было обусловлено. С. Б. Бернштейн связывал начало «украинофобии» ученого с его общественно-политической (в сторону консерватизма) и научной (в сторону русистики) переориентацией. Ее исходным пунктом послужил разгром в марте 1847 г. Кирилло-мефодиевского общества в Киеве, с отдельными членами которого (Н. И. Костомаровым и П. А. Кулишом) ученого связывали дружеские отношения. С другой стороны, ученых и общественных деятелей, имеющих отношение к славянству, коснулись гонения на славянофилов.

В циркулярах министра народного просвещения С. С. Уварова (май 1847 г.) преподавателям русской и славянской истории, языка и словеснос-

ти строго предписывалось «возбуждение духа отечественного не из славянства... а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси идей политических», причем под русским понималось общерусское, отвечавшее представлениям о триедином народе.

Профессорам славистики было предложено составить соответствующие учебные программы. В этом негласном «конкурсе» победил Срезневский, «Программа преподавания славянской филологии в С.-Петербургском университете» которого, касавшаяся сугубо филологических сюжетов и включавшая рассмотрение истории русского языка и словесности наряду с зарубежными славянскими языками и литературами, была признана образцовой и в 1849 г. разослана в качестве официального документа в российские университеты. Первым шагом по ее реализации стала прочитанная в феврале 1849 г. знаменитая актовая речь Срезневского «Мысли об истории русского языка», в которой формулировались задачи его комплексного изучения.

Однако тезис С. Б. Бернштейна о том, что разгром Кирилло-мефодиевского общества заставил Срезневского прервать всякие отношения с украинскими литераторами и перейти в «лагерь украинофобов», — явное преувеличение. Можно привести много фактов, свидетельствующих о высокой оценке, которую он давал литературному творчеству Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, Г. Ф. Квитки, А. Л. Метлинского и других украинских писателей. Правда, ученый ценил преимущественно те произведения названных авторов, которые были написаны в духе фольклорного романтизма, приверженцем которого он сам выступал в молодые годы. Связи ученого с Украиной, хотя и заметно ослабели, но не прерывались до конца его жизни. Свидетельством тому являются письма 1876—1877 гг. видному украинскому филологу и писателю П. И. Житецкому. Не иссякал интерес ученого к украинской проблематике, что подтверждают публикации памятников народного творчества в редактируемых им «Известиях ОРЯС», а также многочисленные рецензии 50—70-х годов на работы, касающиеся украинских сюжетов. В их числе можно назвать труды А. Скальковского, М. Глишинского, Н. Белозерского, А. Лазаревского, В. Похилевича, Н. Закревского, А. С. Афанасьева-Чужбинского, В. Д. Дабилея, А. Л. Метлинского.

Поворот в национально-политических воззрениях Срезневского от русского патриотизма к национализму произошел, видимо, на рубеже 50—60-х годов, когда в них начинают обнаруживаться черты национальной ис-

ключительности, проявившиеся в признании права на самостоятельное развитие у одних славянских народов в ущерб другим. Перемена отразилась, в частности, в занятой им позиции по «делу Н. И. Костомарова». После имевших широкий общественный резонанс статей Костомарова в украинофильском журнале «Основа» предложение об его избрании почетным доктором Петербургского университета встретило решительное сопротивление консервативно настроенной профессуры. А. В. Никитенко записал в своем дневнике 7 марта 1864 г.: «Сильное прение о Костомарове в факультете. Благовещенский опять настоятельно начал предлагать его в доктора и опять также настоятельно встретил противодействие во мне и в Срезневском. Главная наша мысль была та, что вовсе неудобно и неприлично признавать Костомарова доктором, когда патриотическая часть общества признает его сепаратистом и антипатриотической личностью, к чему Костомаров подал повод своими малороссийскими выходками в печати и особенно своею статьею и полемикою о Дмитриии Донском. Докторство не было бы в настоящее время признанием только ученых заслуг Костомарова, но овацией, которая служила бы свидетельством того, что университет одобряет самый образ его мыслей».

Взгляды Срезневского на самостоятельность украинского языка и литературы изменились, судя по источникам, на рубеже 1860—1870-х годов. В курсе его лекций по «истории славянского языка и его наречий» (записан студентом И. Беляевым в начале 70-х годов) «малорусский» язык приравнивался к местным говорам великорусского языка, причем делалось заключение, что, хотя «нет никакой нужды уничтожать или прекращать письменность этих наречий, но нет необходимости делать эту письменность самостоятельной, принадлежащей как бы отдельному народу». Примечательно также, что Срезневский никогда не считал самостоятельными белорусский язык и литературу.

Не случайным кажется и изменение позиции Срезневского по отношению к словацкому языку и литературе, право на самобытность которых, отстаиваемое Л. Штуром, горячо поддерживалось им в 40-е годы. В 70-е годы словацкий язык признавался им в университетских курсах частью единого «чехославянского наречия». Ученый утверждал: «Отличий так немного, что отделять словаков от чехов по языку как два разные народа филолог может себе позволить только в принадлежности делить целое на части. Доказывать исконность этих отличий в такой же мере невозможное дело».

В данном случае Срезневский, по-видимому, встал на сторону тех чешских (и отчасти словацких) деятелей, которые, преследуя определенные национально-политические цели, особенно после австро-венгерского дуалистического соглашения 1867 г., не признавали самостоятельности словацкого национального движения, словацкого языка и литературы.

Таким образом, взгляды Срезневского по национальному вопросу эволюционировали по пути консерватизма и национализма, типичному для многих современных ему деятелей в России и славянских странах.

Е. Е. Левкиевская: Обосновывал ли Срезневский свою точку зрения лингвистически?

М. Ю. Досталь: Да, в его курсах это присутствует, особенно в случае со словацким языком, в меньшей степени с украинским. После реформы Штура и особенно реформы Мартина Гатталы, сблизившего словацкий язык с чешским, Срезневский объективно шел за чешскими и словацкими учеными, которые придерживались тогда единой точки зрения.

М. А. Робинсон: Молодость его прошла в эпоху романтизма, а зрелость в эпоху здорового позитивизма. Увлечения молодости подвергались переоценке.

М. Ю. Досталь: Признавали ли ученые белорусский и украинский языки в 1860—1870-е годы?

Е. Е. Левкиевская: Ситуация с признанием украинского и белорусского как самостоятельных языков была в значительной степени политизирована. Изучение их сталкивалось с цензурными препятствиями, что нашло отражение даже в названиях научных трудов. Активное изучение отдельных говоров и фонетических особенностей велось под идеологической шапкой: это наречия в рамках единого русского языка.

Е. П. Аксенова

В XIX в. еще не были выработаны четкие определения нации, национальности, народности, племени — все они употреблялись в науке и публицистике зачастую как синонимы. Работы ученика В. И. Григоровича и И. И. Срезневского А. Н. Пыпина (1833—1904) не составляют в этом отношении исключения. Ученый пристально следил за процессом формирова-

ния наций в славянском мире. Пыпин был современником национального подъема украинского и белорусского народов и в ряде трудов специально рассмотрел этот вопрос («История славянских литератур», 1879—1881 гг.; «История русской этнографии», в начале 1890-х годов). Не имея возможности всесторонне осветить названные сюжеты, ученый зачастую выступал как историограф, приводя самые различные мнения; при этом он не всегда четко формулировал свою точку зрения, которая, однако, в большинстве случаев угадывается между строк.

Как ученый Пыпин стремился к максимальной объективности, как гражданин придерживался умеренно-демократических и либерально-просветительских взглядов, не разделяя крайностей идеологических концепций ни правых, ни левых общественно-политических течений. Его отношение к славянству вообще и украинскому и белорусскому вопросам в частности, сформировавшееся в 50-е годы XIX в., со временем не претерпело каких-либо существенных изменений. В конце XIX в. он писал, что его взгляд на украинофильство, «давно сложившийся и доселе не изменившийся», был не единожды изложен в различных работах.

Еще в 60-е годы Пыпин отмечал, что «национальности зависимые обнаруживают стремление к самостоятельности». Национальное движение имело глубокие основы, отражало «пробуждение народного чувства», было, по определению ученого, «явлением историческим и необходимым». Одна из основных тенденций заключается в стремлении «вместить отдельную национальность в отдельное государство или по крайней мере обеспечить ее существование в государстве другого племени». Такова была направленность всех славянских движений, в ряду которых Пыпин рассматривал развитие украинской и белорусской наций.

Ученый признавал отдельность белорусского и малорусского народов, которые наряду с великорусским составляют «русское племя». Пыпин выявил связь и наличие многих общих черт процесса складывания украинской и белорусской наций со славянским возрождением, основу которого составляло стремление к достижению независимости «внутренней жизни» каждого народа и «созданию своей самобытной культуры». Так, содержание украинского национального вопроса составляла «степень отдельности и автономии малороссийской народности, языка и литературы».

Те же стремления были характерны и для белорусского народа (более близкого, как считал Пыпин, по своим «племенным свойствам» к велико-

русам), однако у белорусов национальный подъем происходил медленнее, чем у других народов. Пыпин объяснял это в частности тем, что Белоруссия долго оставалась «в сфере польского культурного господства», после того как Украина уже начала свой самостоятельный путь развития. Разные стадии формирования наций сказались и на степени самостоятельности национальной культуры — в первую очередь, национального языка. Характерно, что Пыпин, признавая отдельность украинского и белорусского языков от русского, в предложенной им в «Истории славянских литератур» схеме славянских языков назвал украинский «языком», а белорусский — «наречием», поскольку к тому времени не завершилось еще формирование литературного языка из белорусских говоров, что отличало белорусскую языковую ситуацию от украинской.

Несмотря на общую направленность национальных процессов, Пыпин считал, что необходимо понимание «разнообразия явлений», имеющих место даже «в одном племенном типе», в данном случае у восточных славян. Он подчеркивал, что уже «при первом появлении в истории» русское племя не являлось «одной сплошной национальной массой». В дальнейшем политическая история способствовала еще большему разделению племен, составивших основу великорусского, малорусского и белорусского народов, поскольку южная и западная части Руси, «связанные с Литвой и Польшей, жили в иных условиях», влиявших на формирование национального типа (в первую очередь, это влияние «полонизма» и «католицизма»).

Условия, в которых проходило становление украинской и белорусской наций, напоминали те, в которых формировались другие славянские нации в рамках многонациональных империй. В то же время для украинского и белорусского народов это было не инонациональное, а одноплеменное государство (при наличии религиозных различий и определенных ущемлений национально-политических прав).

Начало национального пробуждения украинцев и белорусов совпало по времени с присоединением украинских и белорусских территорий к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой. Пыпин считал, что воссоединение восточнославянских народов совершалось, исходя из политических интересов России, но тем не менее объективно стало фактором национального подъема народов, находившихся ранее под властью Польши. В конце XVIII — начале XIX в. правительство России не видело

«ущерба» в сохранении известной малорусской и белорусской «особности», выразившейся в языке, обычаях, народной поэзии, исторических преданиях и т. п. В то же время, присоединение к сильному одноплеменному государству, где действовала система централизованного управления, при господстве коренной нации вело к «врастанию» украинских и белорусских кадров в великорусскую элиту. Таким путем национальные элементы могли «окончательно слиться с господствующей народностью и затеряться в ней». Но полной ассимиляции не произошло, так как процесс национального развития оказался сильнее. Этот процесс был естественным и закономерным, он опирался на стремление к познанию своего народа, его происхождения, истории и культуры, которое «лежало в глубоких основаниях самой внутренней жизни народности». К тому же процесс становления нации «подогревался» романтизмом, «политическим либерализмом» александровской эпохи, «отголосками славянского возрождения и влияниями немецкой историко-филологической науки».

Опасность денационализации существовала и на территории Западного края, где довольно долгое время украинское и белорусское население испытывало значительное польское влияние. Это влияние выступало преимущественно как фактор, способствовавший усилению национального самосознания.

В процессе формирования славянских наций Пыпин выделял несколько этапов. В конце XVIII — начале XIX в. главной особенностью являлось пробуждение национального самосознания. В 30-е годы XIX в. его укреплению способствовало также начавшееся литературное движение, отмеченное «ревнивым стремлением народности заявить свою отдельность и право на независимое культурное развитие». Носители украинской и белорусской идентичности, как и другие деятели славянского возрождения, в научных исследованиях и литературном творчестве обращались к древней истории своих народов, к ее героическим моментам, изучали народный быт, обычаи, предания, народное творчество, язык. Это помогло, с одной стороны, глубже узнать свой народ, с другой — повысить самосознание общества.

Следующий этап в судьбе украинской и белорусской наций Пыпин относил к 60-м годам XIX в. — времени реформ и определенной либерализации общественной жизни, когда вставали уже вопросы не только «этногра-

Механизмы формирования украинской и белорусской наций

фические», но и о политическом и социальном положении украинского и белорусского народов. Однако эти вопросы в указанный период украинскому и белорусскому национальным движениям не удалось поднять на должную высоту. С активизацией украинофильского движения украинский национальный вопрос сделался «вопросом внутренней политики», вызвав реакционные действия со стороны правительства; Пыпин тогда не мог открыто высказать о нем свое мнение. Но в 70-е годы и в дальнейшем он встал на защиту украинофилов от обвинений в политической неблагонадежности, недооценивая или не осознавая наличия сепаратистских тенденций в украинском движении. В этом движении он видел только проявление любви к народу, желание просветить его и защитить свои национальные особенности. Уделяя большое внимание формированию национальной идеологии, Пыпин не раз подчеркивал, что украинофильство отстаивало национально-культурные, а не политические интересы.

Масштабы белорусского национального движения были скромнее, но и в Белоруссии начиная с 50—60-х годов расширились этнографические, географические, экономико-статистические, исторические исследования.

Процесс формирования каждой нации сопровождался созданием литературы на родном языке, что было характерно и для украинского и белорусского национально-культурного самовыражения. Пыпин считал, что литература любой нации станет общепризнанной, если не ограничится узко национальной тематикой, а будет «проводником общечеловеческого чувства и идеала». Белорусский и украинский местный патриотизм не выдуманное, а исторически обусловленное явление, в котором много искренней любви к народу. В то же время Пыпин резко отрицательно относился к «патриотизму», проповедующему национальную исключительность, ксенофобию.

После подавления восстания 1863 г. во внутренней политике России стали проявляться «реакционные тенденции»; «обручительские» мероприятия охватили не только этнически польские территории, но коснулись также украинских и белорусских земель, где присутствовал «польский элемент». Внедрение «русских начал» и восстановление «русской народности» в западных губерниях империи проводилось людьми «известного консервативного оттенка», готовыми искоренять не только «польские начала», но и белорусские и украинские, если те отличались от великорусских. Россий-

ская государственная машина являлась тормозом становления наций. Враждебное отношение к «местным элементам» умаляет «достоинство самой господствующей народности».

Не исключая теоретически возможности объединения трех восточнославянских народов, Пыпин утверждал, что искусственным, насильственным путем оно не может осуществиться: для слияния нужны не только и не столько внешние, политические, сколько внутренние, «общественные, народные, образовательные» силы. Для сравнения заметим, что, скептически относясь к возможности объединения всего славянства, Пыпин подчеркивал, что основу такого единства должны были бы составлять равные права всех национальностей и одинаковые «социальные интересы».

Российская государственная машина являлась тормозом становления наций, препятствуя даже национально-культурному развитию народов. Пыпин утверждал, что враждебное отношение к «местным элементам» умаляет «достоинство самой господствующей народности».

Понимая, что становление украинской и белорусской наций не завершено, Пыпин даже не рассматривал вопрос об отдельном существовании Украины и Белоруссии. Будущее этих народов он связывал с их дальнейшим национальным развитием в рамках единого государственного организма в качестве составляющих восточнославянского этнокультурного и социально-политического целого, при обязательном сохранении особенностей «местной жизни» и национальной индивидуальности каждого народа. Пыпин не был сторонником радикального решения национального вопроса, его устраивал либеральный путь. Для того чтобы украинцы и белорусы добились «признания полноправности», нужна была большая общественная работа, в которой особо важная роль отводилась печати и науке, свободно изучающим и обсуждающим национальные проблемы.

Заметим, что и в масштабах всего славянства единственной сферой реального сближения Пыпин считал науку и литературу. Со всей определенностью он ставил вопрос о том, что славянскому движению необходимо политическое решение национальных задач, а именно «обеспечение политической свободы для каждого племени в отдельности».

В отношении Польши Пыпин высказывал убеждение, что искусственно объединенные в рамках одного государства национальности не имеют прочной основы для развития. В создавшихся условиях у Польши мало шансов для обретения национальной целостности и независимости. Достой-

ным для России выходом было бы «сохранить польскую национальность». Путь решения польского вопроса ученый видел в создании в Польше условий для общественного и национального развития, что могло стать возможным в ходе преобразований в России.

Пыпин называл освобождение болгар «великим переворотом в их жизни» и считал, что первоочередным для них является вопрос политической независимости. Несмотря на разобщенность югославянских народов, живших в границах разных государств, Пыпин в своих трудах рассматривал их как элементы одной общности, основываясь на существовавших в разное время концепциях объединения. Однако он осознавал отсутствие реальных условий для югославянского единства, в частности из-за стремления каждого народа к «национальной особности» и лидерству.

Наиболее приемлемым решением национально-политических проблем славян Австрийской империи (чехов, словаков, тех же южных славян) Пыпин считал федерацию равноправных народов, составлявших это полиэтническое государство, хотя вполне понимал утопичность подобной перспективы, поскольку чувство политической солидарности у них было очень слабым.

Будущее русинского возрождения представлялось Пыпину не слишком отчетливо, поскольку само национальное движение не давало для этого определенных посылок. Он высказывался о сближении с украинским национальным движением и одновременной ориентации на Россию, русскую литературу, «общерусское» национальное сознание.

Таким образом, Пыпин уделил немало внимания процессам национального развития украинского и белорусского народов, как в свете российских государственных проблем, так и в контексте славянского возрождения. Он обращал внимание общественности на положение этих народов. Ученый выводил украиноведческую и белорусоведческую проблематику из узких рамок локальных исследований, утверждал ее место в общероссийской науке, тем самым оказывая немаловажную поддержку развитию собственно украинской и белорусской научной мысли.

И. С. Александровский: Пыпин отмечал, что на исходе XIX в. этнографическая наука достигла такого уровня, что можно рассуждать о национальных характерах, и сам оперировал этим термином.

Е. П. Аксенова: В действительности даже в самом конце века терминология еще не устоялась.

С. И. Михальченко

Хотелось бы обсудить возможность выделения еще одного критерия, позволяющего говорить о формировании нации и национального самосознания. Мне кажется, что подобным критерием можно считать появление первой научной национальной истории. Это более или менее прослеживается на примере Украины и Белоруссии, для которых такими сочинениями стали «История Украины-Руси» М. С. Грушевского и «История Белоруссии» М. В. Довнар-Запольского. Естественно, работы по истории Украины и истории Белоруссии появляются значительно ранее. Однако то были в основном полумифологические произведения (как, например, «История русов»). Что касается собственно научных изысканий, опирающихся на источники и имеющих стройную концепцию, то, вероятно, таковыми следует считать упомянутые сочинения.

Первый том «Истории Украины-Руси» Грушевского вышел в 1898 г. Судьба издания «Истории Белоруссии» Довнар-Запольского оказалась гораздо сложнее: она была завершена в середине 20-х годов XX в., но вызвала критику и впервые опубликована только в 1994 г. в переводе на белорусский язык, в настоящее время подготовлено аутентичное издание на русском языке, которое выйдет через какое-то время в Минске. Обе национальные истории зародились в рамках одной исторической школы В. Б. Антоновича и, естественно, базируются на политических, идеологических и научных концепциях этой школы.

Не случайно, что названные труды появились именно на рубеже XIX—XX вв. К этому времени проходят значительный путь в своем развитии белорусский и украинский литературный языки. Был выявлен источниковый комплекс, на котором можно базировать серьезные исторические исследования (прежде всего документы из виленского и киевского архивов). Сыграла свою роль и предшествующая историографическая традиция. Повторяю, труды Грушевского и Довнар-Запольского не были первыми. Ранее вышли в свет «Очерки истории Белоруссии» О. Турчиновича, «История Литовского государства» П. Брянцева, сочинения И. Беляева, работы учеников Антоновича по истории отдельных областей Древней Руси и др.

Не стоит забывать и об «Истории России» С. М. Соловьева, где немало места уделено событиям в Великом княжестве Литовском.

Созданию национальной истории Украины способствовало наличие зарубежного центра украинистики — Львовского университета. Ясно, что в условиях Российской империи никакой «Истории Украины-Руси», никакого «Литературно-научного вестника», никакого Научного общества им. Т. Шевченко и т. д. просто не могло возникнуть. Даже после Первой русской революции, когда ослабли культурно-языковые ограничения, кандидатура Грушевского на кафедру в Киевском университете была провалена. Так что только наличие львовского центра позволило украинской историографии развиваться до того уровня, к которому она пришла к 1917—1920 гг.

В Белоруссии ситуация была иная. Зарубежный центр там отсутствовал. Отсюда меньшие темпы развития национальной историографии. Даже само слово «Белоруссия» не приветствовалось; предпочтение отдавалось «Северо-Западному краю». Довнар-Запольский в 1889—1890 гг. отредактировал два выпуска «Календаря *Северо-Западного края*»: в первом опубликован его «Краткий географический очерк древней *Белоруссии*», а во втором — «Очерки по истории *Белоруссии*». К тому же и общественная потребность в национальной белорусской истории была очень условна: белорусский язык мало распространен в городах, а белорусская деревня малограмотна. Попытка Довнар-Запольского и этнографа Е. А. Ляцкого создать белорусский кружок не увенчалась успехом. Ляцкий писал Довнар-Запольскому 26 мая 1894 г. из Петербурга: «До нашей милой Белоруссии здесь никому и дела нет. Для общества Белоруссия некая еврейско-польская страна или «quelque chose dans ce genre» (фр. «что-то в этом роде»). Лишь один человек согласился участвовать в кружке — В. В. Богданов, позднее известный этнограф и мемуарист. Вот восприятие Белоруссии образованным российским обществом в конце XIX в. Отсутствие зарубежного центра в белорусской исторической науке, непопулярность белорусского языка, слабая сформированность национального самосознания приводят к тому, что «История Белоруссии» появляется заметно позже, чем «История Украины».

Политически и Грушевский, и Довнар-Запольский, основываясь на идеях Н. И. Костомарова и Антоновича, выступали в большей степени как федералисты, нежели сторонники полной независимости Украины и Бело-

руссии. Недаром, когда в 20-е годы у Довнар-Запольского была возможность эмигрировать из Баку, где он работал (так поступил, например, его сослуживец по Азербайджанскому университету Вяч. Иванов), он этого не сделал, потому что образовался Советский Союз, в котором Белоруссия получила права широкой автономии. А Грушевский, эмигрировав, в 1924 г. возвратился на Украину. В 1922—1924 гг. казалось, что идеи Костомарова реализовались.

Представляется продуктивным соотнести время создания первых национальных историй и складывания национального самосознания также для других славянских и неславянских народов.

Л. Л. Щавинская: Крестьянскую Белоруссию никто в русском обществе не знал, судили по высшим слоям — помещикам, купцам.

Е. П. Аксенова: Говорилось о том, что написание национальных историй совпадает с завершающим этапом формирования нации. Разве нельзя этого же сказать о начальном этапе процесса?

С. И. Михальченко: Начало формирования нации зафиксировать труднее, чем его завершение.

М. Ю. Досталь: Я могу сослаться на чешский пример. На рубеже XVIII—XIX вв., когда обозначился процесс формирования чешской нации, началась критика мифологических представлений о чешской истории. Романтик же Палацкий выступил со своей «Историей чешского народа в Чехии и Моравии» на зрелом этапе формирования нации в 1830—1840-е годы. Следует вспомнить и о создании грамматик и словарей, которые также служат проявлениями зрелости нации.

Л. Е. Горизонтов: Между прочим, Грушевского сравнивали и до сих пор сравнивают с Палацким.

С. И. Михальченко: Грушевский — скорее все-таки украинский Соловьев, чем Карамзин.

М. А. Робинсон: А Шахматов считал Грушевского украинским Карамзиным. К началу же процесса, о котором мы говорим, относится появление баснословных, мифологических историй. Для России это XVII в., Татищев тоже еще достаточно фантастичен. В Болгарии мы имеем сочинение Паисия Хилендарского, на Украине — «Историю русов».

Е. П. Аксенова: Каждому этапу развития нации соответствует определенное осмысление истории, отраженное в трудах классиков исторической науки.

Л. Е. Горизонтов: Обращает внимание то, что в бытность Срезневского в Харькове, который являлся тогда важным центром национальной активности, весьма часто (например, в названиях изданий) употребляются слова «Украина» и «украинский». В данном случае это отражение не национального, а регионального сознания: русская Украина в первой половине XIX в. обычно ассоциировалась именно со Слобожанщиной. Тем не менее уже вскоре власти стали исключать из обихода понятия, напоминавшие о национальной или региональной специфике. В середине 30-х годов XIX в. из официальных названий ушли слова как «украинский» (Слободско-Украинская губерния стала Харьковской), так и «малороссийский» (малороссийского военного губернатора сменил черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор). 1840-м годом датируется специальное запрещение именовать соответствующие группы губерний белорусскими и литовскими. Правда, эти предписания не слишком последовательно соблюдались, существовал даже Белорусский учебный округ.

Если говорить о Пыпине, то ему принадлежит весьма верное наблюдение касательно истинного состояния общерусского проекта во второй половине XIX в. «Странно было читать, — отмечал он, — что мы должны предпринять *обрусение* — *русского края*, того края, который теми же самыми людьми выставлялся, против польских притязаний, за чистейший русский, со всеми “давними основами русской народности”, а вслед за тем оказывался столь нерусским и столь испорченным, что надо было его выправить и по-настоящему обрусить». Не ускользнувший от внимательного взора ученого парадокс имеет вполне рациональное объяснение. С XVIII в. существенно различались представления о регионе, так сказать, для доктринального и административного «пользования». В плоскости общих представлений о территории расселения русского народа местная специфика всячески игнорировалась. В плоскости же практических задач борьбы с «полонизмом» ее ликвидации, напротив, придавалось первостепенное значение.

Только что мы имели возможность ближе познакомиться с научным мировоззрением двух славистов, весьма отличных по своим политическим

пристрастиям. Следует, однако, избегать априорных обобщений: даже на левом фланге общественного движения разрушители самодержавной монархии нередко выступали ревностными хранителями и строителями империи. Сошлемся в этой связи на П. И. Пестеля (в поколении декабристов) и Н. А. Серно-Соловьевича (в поколении шестидесятников). Оба они, кстати, в своих размышлениях о судьбах империи особое место отводили ее западным регионам.

Ю. А. Лабунцев: Заслушанные сообщения показали приоритет русской науки в XIX в. в постановке многих вопросов истории белорусского и украинского народов. В этой связи следует напомнить еще о кружке Румянцевском. В этом кружке было несколько региональных центров: Петербург, Москва, Гомель, Вильно. В Вильне впервые серьезно заявлено о существовании белорусского народа, имеющего свою богатейшую культуру. Первым, кто в общероссийском масштабе сделал это, был в самом начале XIX в. К. Ф. Калайдович. Вторым — связанный с Харьковом И. Н. Лобойко, который развил целую теорию о белорусском народе, его языке и культуре. Очень многое осталось в переписке, издавая которую мы видим направление интересов и активности ученого сообщества. И очень немного увидело свет в периодических изданиях: в «Северных цветах», «Варшавском вестнике» и т. д. Сохранилась масса документов, связанных с М. М. Сперанским: белорусы оказались в центре внимания в ходе работы по кодификации права, в том числе связанной с III Литовским статутом.

Л. Е. Горизонтов: Политика присутствовала и в сфере образования, и в судьбах языков, и в развитии науки. Сейчас о ней будем говорить специально и применительно ко всем основным ипостасям: позиция властей, усилия национальных движений, международные отношения.

М. Д. Долбилов

Хотелось бы поделиться рядом наблюдений об отношении имперской власти, и прежде всего администрации Северо-Западного края, к проблеме белорусской самобытности. Речь пойдет о возможном влиянии бюрократической практики русификации на формирование белорусской идентичности в 60-е годы XIX в., в пору бурного всплеска русификаторской активности после польского восстания.

В рамках тогдашних *официальных* представлений о восточнославянском населении западных губерний были возможны два основных подхо-

да к белорусам: во-первых, игнорирование, «нераспознавание» белорусов как отдельной этнической группы или подгруппы (иными словами, почти отождествление с великорусами) и, во-вторых, осторожное поощрение или содействие выработке (в противовес польскому влиянию) культурно-региональной идентичности белорусов как интегральной части «русского народа». Рутинная администрирование в неоднородном этнически и конфессионально регионе допускала некоторый выбор позиции между этими подходами.

Не был свободен от противоречий взгляд администрации на национальную принадлежность католического дворянства, шляхты Могилевской, Витебской, Виленской, Гродненской и Минской губерний. Принято считать, что власть после 1863 г. огульно записывала всех местных дворян-католиков в поляки и почти отказывалась верить в лояльность хотя бы некоторых из них. Во многом так и было. Но нельзя упускать из виду те постулаты, посредством которых власть усиливала впечатление мятежности и изменничества шляхты. Одним из них была доктрина о «перерождении», утверждавшая, что большинство польскоязычного дворянства в крае является вовсе не чистокровными поляками, а потомками русской и православной знати Великого княжества Литовского, подвергшейся «полонизации» и «окатоличению». Данный тезис подкреплялся и конкретными генеалогическими разысканиями. К. Говорский публиковал в «Вестнике Западной России» целые генеалогические таблицы, которые показывали, что у каждого дворянского рода в Белоруссии был предок не только православной веры, но даже православный архиерей. Генерал-губернатор М. Н. Муравьев использовал для характеристики местной дворянской корпорации наименования: «ренегаты», «свораченцы», наконец, «польские помещики, бывшие прежде того русскими», как если бы эти люди прожили по двести—триста лет. Объединяя в их лице длинную череду поколений, отделявшую 1863 г. от Люблинской унии 1569 г., усмиритель мятежа выставлял местных панов отступниками и изменниками по самой своей природе.

Один из чиновников по особым поручениям при обер-прокуроре Синода в записке, поданной Александру II летом 1863 г., лихими мазками рисовал такую картину: «Во время завоевания западных пределов России поляками предки их [местных дворян] передались в латинство, отреклись от отечества и провозгласили себя поляками, чтобы вместе с по-

следними угнетать и грабить свой народ. Но такую гнусность можно было сделать на словах, а на деле она неисполнима: по неизменному закону природы в потомках этих предателей сохранилась кровь русская, они остаются происхождения русского... При таких условиях мы имеем право и долг поступить с ними гораздо строже, чем с чужестранцами, не имеющими у нас права гражданства, мы должны не только отнять у них нашу землю, но их самих предать суду и наказанию». Этот своеобразный то ли дарвинизм, то ли «примордиализм» («по закону природы... сохранилась кровь русская...») должен был драматизировать обвинения в адрес дворянства: изменили не только престолу, но и вере, народности, памяти предков!

Подобное представление о «полонизме» как ложной национальности и этнографической аберрации отразилось и на осмыслении бюрократией проблемы украинской и белорусской идентичности. Панический страх перед «польской интригой» был не так уж наигран. В глазах многих русификаторов культивирование украинской и белорусской самобытности выглядело как новое извращение исконной «русскости», повторение искусственного перерождения, отказ от естественных корней, почвы и т. д.

Вместе с тем использование в идеологической кампании властей ярлыка «бывшие русские» несло в себе смысловую амбивалентность, неизбежно порождая сомнения: изменники-то они изменники, но ведь в какой-то же форме их «русскость» действительно сохранилась?

В современной белорусской историографии высказывается мысль, что даже ополяченная местная шляхта, вполне интегрированная в культурную традицию Речи Посполитой, удерживала элементы белорусского самосознания. Тот же феномен, но со своей точки зрения и в соответствующих терминах, отмечала виленская администрация. Предшественник Муравьева В.И. Назимов в записке 1863 г. о задуманной в Петербурге демаркации территорий проживания восточнославянского и литовского населения отмечал, что: «...во всех деревнях и селах губерний Минской, Виленской и Гродненской слышится повсеместно белорусская речь, к которой по необходимости снисходит и образованное здешнее польское сословие, употребляя оную в обыденных своих отношениях с крестьянами». Как видим, в представлении главного начальника края «белорусская речь» не была исключительным достоянием крестьянства.

Могилевский губернатор А. П. Беклемишев отмечал, что «католики в Могилевской губернии по большей части ополячившиеся белорусы или литовцы», а не лица «польского происхождения». Ополячение в данном случае не признается определяющим для национальной идентичности. И в других документах могилевский губернатор старался уйти от однозначного определения национальной принадлежности местного дворянства, подчеркнуто используя конфессионим «католики» вместо этнонима «поляки», стоящего в документах, на которые он отвечал.

Показательна реакция виленской администрации на попытку постулировать белорусскую региональную идентичность в проекте учреждения «Западно-русского братства» в Вильне 1863 г. Первоначальный проект приглашения к подписке на создание братства проводил идею освобождения белорусской народности от польского засилья: «Мы... горячо желаем охранить белорусский народ от тех пагубных влияний, которые грозят заглушить в нем *родные нам основы его самобытности*» (курсив мой. — М. Д.). Подчеркивалась равноценность для просветительских задач братства православного и католического белорусского населения. Наибольшую тревогу вызвала именно белорусская ориентация проекта: в первоначальном тексте все случаи употребления слов «белорусы», «белорусский» вызвали негативную реакцию Муравьева, и в проекте окончательном (также не получившем одобрения) они уже не встречаются. Вместе с тем, из того, что известно о проекте издания журнала для народа на «белорусском наречии» 1863—1864 гг., проект «Западно-русского братства» свидетельствует о наличии в администрации сторонников региональной версии белорусской идентичности.

Коллизии в воззрениях русификаторов на белорусскость ярко проявились при обсуждении во второй половине 60-х годов XIX в. проекта введения русского языка в дополнительное богослужение в католической церкви (проповеди, гимны и пр.). В литературе этот замысел связывается прежде всего с публицистической деятельностью М.Н. Каткова и его внерелигиозной, этнолингвистической концепцией русской национальности: католик тоже может быть русским. На ранней, бюрократической стадии дебатов стоял вопрос о введении именно белорусского языка. Предложение читать официально утвержденные проповеди на белорусском языке было сделано римско-католическим духовенством Витебской и Моги-

левской губерний: они «были бы полезнее для народа, чем проповеди на языке польском...» Разумеется, защита белорусского языка поляками не могла не обеспокоить власти. Генерал-губернатор К. П. Кауфман первым высказался за введение в католическое богослужение не белорусского, а русского языка. В качестве экспертов были призваны православные иерархи Западного края. Никто из них не поддержал белорусский язык, и шестеро из семи приветствовали, хотя с некоторыми оговорками, введение русского (митрополит Иосиф Семашко единственный воспротивился такому новшеству, опасаясь католического прозелитизма по всей России).

Доводы иерархов против белорусского «наречия» особенно интересны: они довольно слабо соответствовали принципу великорусско-малороссийско-белорусского *триединства*. Само собой разумеется, настойчиво подчеркивалось влияние на белорусский польского языка, приводились «вопиющие» примеры польских заимствований. Так, архиепископ Полоцкий и Витебский Василий писал: «Белорусский человек латинского исповедания, а бывало и унят на вопрос: сколько есть в церкви святых таинств, скажет — не знаю; а спросить: сколько *сакраментов*, ответит тотчас — семь». Михаил, архиепископ Минский и Бобруйский задался вопросом о существовании единого белорусского наречия: «В Минской губернии, в части Речицкого уезда и в Мозырском говорят полумалороссийским, а в Пинском — полесским, т. е. грубым малороссийским наречием». В Могилевской и Витебской губерниях «на окраинах смежных с внутренними губерниями простонародный говор приближается к русскому». Какое из этих наречий выбрать? К тому же «говорящие по-малороссийски не терпят белорусского языка и наоборот».

Почти все иерархи отмечали «непригодность» белорусского для выражения отвлеченных мыслей, грамматическое несовершенство и т. д. К этим доводам можно приобщить позднейшее замечание (по тому же поводу) Каткова: «Белорусский говор слышится не только на Немане или Прилети, он звучит почти во всей Смоленской губернии и подходит под самую Москву... Белорусский говор можно, при некоторых усилиях, раздуть в особый язык. Но точно так же можно поступить и с особенностями простонародного костромского или рязанского говора». Белорусский язык изображался не просто «жаргоном», диалектом, но диалектом без четко идентифицируемого носителя с компактной территорией проживания:

он то бесформенно растекается (до самой Москвы, которую не признавать же из-за этого белорусской!), то мозаично дробится. Упомянутые деятели старались усилить впечатление, что за белорусским наречием не стоит белорусов как более или менее распознаваемой и локализуемой группы, ветви «большого русского народа».

Это, как мне кажется, позволяет высказать следующее предположение: идея *триединства* была усвоена имперской властью до восстания 1863 г. преимущественно в смысле трех исторических территорий, земель, трех сегментов государственного тела. После восстания власть усиленно конструирует образ народной, почвенной массы как хранителя исконного языка и веры в полонизированном крае. Но в такой интерпретации идея триединства обнаруживала свою нежелательную сторону. Говор местного населения, достигший ушей власти, был действительно непривычен и разнороден, и в этих условиях представление о существовании отдельных составных частей «народа» усугубляло впечатление не их единения, а размежевания. В проекции на этноязыковые и этнокультурные реалии триединство грозило обернуться искусственным соединением разнородностей. Перед русификаторами стояла задача реконцептуализировать триединство в терминах современного национализма, с точки зрения ассимиляторского воздействия, но этому мешало торжественное провозглашение большинства местного крестьянского населения «исконным русским» и, следовательно, русификации не подлежащим.

И. В. Михутина

Рассматривая механизмы формирования украинской нации, нетрудно заметить, что в Галиции и Большой Украине, при общей направленности, они были неодинаковы.

Формирование национального самосознания восточных славян Австро-Венгрии, русин по их самоназванию, началось в первой половине XIX в. в условиях, когда свой язык сохранило только крестьянство. Образованные слои приняли культуру и язык господствовавших народов, со времени Речи Посполитой — поляков. Замерла литературная традиция.

К началу революции 1848 г. русинская интеллигентная молодежь питалась идеей «исторического трилистника» (польско-русинско-литовского единства) и в немалом числе участвовала в польском национальном

движении. Вместе с тем именно во время Весны народов обозначилось культурно-политическое обособление русинского населения Дунайской империи. Вышедшие за привычные рамки события позволяли опробовать польские освободительные идеи в соприкосновении с реалиями жизни и настроениями русинских «низов». Есть свидетельство И. Наумовича о том, как случайный эпизод горячей словесной перепалки с крестьянами, пристыдившими его за участие в польской Национальной гвардии, определил направление его дальнейшей общественной активности.

Об альтернативности вариантов общественно-культурного пробуждения восточных славян Австро-Венгрии дает представление и пример идейной эволюции другого галицийского русинского деятеля Б. Дидыцкого — сначала «пламенного полячка, мечтателя-республиканца», после прочтения написанных по-украински «Энеиды» И. П. Котляревского и повестей Г. Ф. Квитки-Основьяненко загоревшегося идеей создания украинской общенародной демократической литературы, а по мере знакомства с произведениями Пушкина, Лермонтова и особенно Гоголя — «гениального хохла, чудесно обогатившего русский литературный язык», — сторонника включения русин в общерусское культурное развитие. Это направление (Б. Дидыцкий, И. Наумович, М. Качковский) стало именоваться в Австро-Венгрии москвофильством.

Другое, формировавшееся параллельно, так называемое народовство, напротив, отгораживалось от общерусской идеи, имея ориентиром единение с юго-западной ветвью восточных славян России и сотрудничая с российскими приверженцами украинства.

В пору революции Вена стимулировала этно-культурное самоопределение русин в качестве противовеса польскому активизму. Правительство и в дальнейшем тонко использовало «административный ресурс», влияя, в частности, на соотношение сил между москвофилами и народовцами. По мере развития российско-австрийского антагонизма положение первых все более ухудшалось.

Благоприятствуя в принципе народовству, Вена тем не менее так и не выполнила главного политического требования русин — освобождения их от польской гегемонии путем преобразования Восточной Галиции по этническому принципу в отдельную провинцию. Во главе русинского пробуждения стояли люди консервативных и умеренных взглядов, в нема-

лом числе — униатские священники, словом, лояльные подданные императора, не допускавшие конфронтации с государственной властью. Они занялись повседневной просветительной и организационно-хозяйственной, «органической» работой в гуще своего народа. Москвофилы открывали сельские читальни, пропагандировали через свои издания учреждение касс взаимопомощи, общественных зернохранилищ, кружков ремесленников, обществ трезвости. Однако еще шире, в силу более благоприятных для них политических условий, развернули эту деятельность народовцы, обеспечивая сельских жителей через библиотеки своего общества «Просвита» литературой по агрономии, технике, основам кооперации, создав целую сеть кооперативов, кредитных и страховых товариществ, шаг за шагом наращивая систему образования на национальной основе.

Весь дальнейший опыт национального движения восточных славян в Галиции показал: в условиях политической и социальной отсталости не столько прямые идеологические прививки и политическая агитация, сколько повседневная «мелкая», но реально ощутимая работа в массах исподволь способствовала формированию у последних осознанной политической ориентации, что в дальнейшем обеспечило галицийскому украинству широкую и достаточно прочную общественную опору. Когда в конце 1918 г. сторонники данного течения попытались реализовать право на самоопределение, провозгласив Западно-Украинскую народную республику (ЗУНР), им в короткий срок удалось создать не только государственный аппарат, но и сформировать внушительную Украинскую галицийскую армию, которая и после отступления под натиском превосходивших сил поляков в Большую Украину долго сохраняла сплоченность и высокую боеспособность, чего нельзя сказать о воинских частях провозглашенной в Киеве за год до ЗУНР Украинской народной республики (УНР).

В отличие от Галиции украинское движение в России в течение XIX — начала XX в. развивалось под знаком политической конфронтации с царской властью. Малороссийские дворяне-автономисты времен полтавской масонской ложи «Любовь к истине» насторожили правительство своими связями с декабристами. Один из активистов этого круга В. Лукашевич провозглашал здравицы в честь Наполеона и «за республику в Пирятинском уезде». В 40-е годы XIX в. кирилло-мефодиевцы, эта горстка интеллигентов, призывали «предать проклятию святотатственные имена земного

царя и земли господина». Представляется, что изначальная вовлеченность зачинателей украинства в политический конфликт с государственной властью не способствовала расширению круга их сторонников и внедрению национальной идеи в массы.

Польское восстание 1863 г. и связанная с ним антироссийская агитация в Правобережье помешали подготовленному к тому времени и одобренному правительством переходу на местный язык обучения в школах малороссийских губерний, что на многие десятилетия сузило сферу применения и распространения литературного украинского языка и, следовательно, затормозило его развитие. Даже учреждения общества «Просвита», разрешенные после революции 1905–1907 гг. в Российской империи, рисковали быть закрытыми и на самом деле закрывались за политическую агитацию, хранение нелегальной социалистической литературы и т. д.

Правда, экономическое положение и социальные условия в Большой Украине были лучше галицийских. Благодаря земствам развивалось сельское здравоохранение, начальное школьное образование и т. д. Но эта система имела во многом патерналистский характер, не развивая общественной и гражданской активности крестьян: в земских учреждениях преобладали «цензовые» элементы.

Сторонники украинства в России несравненно меньше, чем их галицийские единомышленники, уделяли внимания низовой просветительной и организационно-хозяйственной деятельности; и не только вследствие условий, отличавшихся от ситуации в Галиции. Как и лидеры общероссийской оппозиции в целом, они находили «органическую работу» мелким, второстепенным делом, считая главным для решения украинского вопроса масштабные политические преобразования. Не только лидер кадетов П. Н. Милюков снисходительно характеризовал галицийское народовство как «маленький мирок с ограниченным кругом интересов, интересами “местной колокольни” — стараться вырвать еще одну-две гимназии или школы», но и М. С. Грушевский уничижительно отзывался о тактике галицийцев. «Ведущая национально-демократическая группа, — писал он впоследствии, — взяв в свои руки главные органы печати, экономические и финансовые институты... больше обращала внимания на то, чтобы удержать общество в послушании и зависимости, чем развивать в нем политическую сознательность... Падала литературная продукция, научные

интересы, и их... не возмещает успех экономических операций, кооперативов, банков».

Жизнь, однако, показала обратное. Невнимание украинских активистов к «органической работе» сильно мешало расширению круга «сознательных украинцев». Подобная тенденция, свойственная российской оппозиции в целом, тормозила формирование гражданского общества — общества, способного делать осознанный политический выбор. Все это усиливало проявления «имитационности» в партийно-политической системе, складывавшейся в Российской империи на рубеже XIX—XX вв.

Представляется, что вышесказанное имеет отношение и к так называемому общероссийскому проекту. Факты свидетельствуют о том, что он не изжил себя, по крайней мере вплоть до революции 1917 г. Немалое число малороссов, нисколько не сомневаясь в своей этнической особости, вместе с тем считали себя и своих соплеменников частью русского народа. Причем это касалось не только «верхних» слоев, приобщившихся к правящей элите, но и противников царской власти: Грушевский не раз сетовал, что малороссийская молодежь в большом числе идет не в украинское движение, а пополняет ряды общероссийской демократической и революционной оппозиции. Крестьянство, этот исконный носитель украинского языка, в годы перед Первой мировой войной составляло массовую базу монархических организаций на Правобережье, выступавших под флагом *русского* национализма. Кстати, именно эти правые организации, некоторые под эгидой духовенства Почаевской лавры, вели социальную агитацию, разнообразную хозяйственно-организационную работу и этим были привлекательны для крестьян. Так что, по-видимому, стоит признать правоту тех исследователей, которые утверждают, что развитие украинского национального самосознания в рассматриваемый период было процессом закономерным, но не предопределенным.

М. Э. Клопова: Некоторые украинские исследователи относят начало национального возрождения в Галиции ко времени правления императрицы Марии Терезии, когда появляются первые учебные заведения с преподаванием на «русинском» («рутенском») языке. Для первой половины XIX в. важна деятельность «Русской троицы», все участники которой впоследствии разошлись по двум противоборствующим лагерям. После событий 1848—1849 гг. процесс принял уже достаточно отчетливые формы.

Л. Е. Горизонтов: Что касается Галичины, то достаточно долго сохранялась альтернатива путей развития этого региона. Об этом свидетельствуют, в частности, неоднозначные его оценки русскими аналитиками. Если Н. И. Надеждин (40-е годы XIX в.) считал зарубежных восточных славян ближе к великороссам, чем поднепровские малороссы, которые несут на себе печать азиатских влияний, а Н. Я. Данилевский (60-е годы) называл «национальным изувечением» русского народа оторванность от него Галичины и Угорской Руси, то позднее К. Н. Леонтьев, напротив, считая галицких русин, как и западных славян, частью чуждого культурного типа, видел в Габсбургской монархии крайне желательный для России «карантин».

С различной степенью результативности указанная альтернатива эксплуатировалась как Центральными державами, так и Россией. На протяжении нескольких десятилетий скольжения Европы к взрыву Первой мировой войны, когда украинские земли являлись одним из главных очагов геополитического противостояния, Галичина приобрела значение украинского Пьемонта, которое в значительной мере сохранила за собой и в дальнейшем. На рубеже веков из этого Пьемонта шли национальные импульсы не только на Большую Украину, но и в Закарпатье. Опробованную в Галичине модель украинизации Грушевский пытался воплотить в жизнь после начала революции 1905—1907 гг. в Российской империи, затем в 1917—1918 гг. в бытность свою главой Центральной рады и, наконец, в середине и второй половине 1920-х годов, пользуясь большевистским курсом на украинизацию.

Однако чем теснее делалось общение между регионами, тем очевиднее становились существенные различия между ними. П. Скоропадский с раздражением писал об экспансии галичан, «резкой грани между галицийскою Украиною и нашей». «На самом деле, — продолжал он, — это две различных страны. Вся культура, религия, мировоззрение жителей совершенно у них иные. Галичане... хотели представить Entente-е картину якобы единой Украины, которая вся крайне враждебна к идее России, причем в этой Украине главнейшую роль играли бы сами галичане. Наш народ этого не захочет никогда».

Б. И. Греков

Еще в 90-е годы XX в. проводились исследования с использованием многофакторного подхода и кластерной обработки данных, призванные

определить уровень социально-политической напряженности в различных регионах Европейской части Российской империи в начале XX в. При этом для отслеживания динамики брались «замеры» для 1901 и 1910 гг. Западные области империи обнаружили высокую степень напряженности и, соответственно, заметный конфликтный потенциал. По шкале нарастания данного показателя среди 49 губерний Гродненская оказалась в 1901 (1910 г.) на 43 (39) месте, Полтавская — на 39 (42), Киевская — на 30 (28); полтавские и киевские показатели сравнимы с характеристиками новороссийской Екатеринославской губернии.

К 1910 г. фиксировалось значительное падение напряженности в Волынской, Подольской и Черниговской губерниях и, наоборот, качественный ее рост в Витебской, Могилевской и Харьковской губерниях. Стабильной (22—24 места) оставалась Минская губерния. Во многом такая динамика объяснима различными темпами пролетаризации населения, которым придавалось большое значение при подсчетах.

Наличие социально-политической напряженности в западных областях побуждало Центральные державы к использованию этого фактора в своих внешнеполитических целях. Уже в первое десятилетие XX в. Германия и Австро-Венгрия рассматривали перспективу дестабилизирующего влияния на обстановку в западных регионах Российской империи по двум направлениям: революционизирование (т. е. использование противоречий по социальной вертикали) и поддержка центробежных тенденций (противоречия по горизонтали). Именно данный аспект внешней политики Центральных держав ярко проявился в годы Первой мировой войны, когда оформляется такая важная геополитическая концепция, как германская доктрина Срединной Европы, имевшая влияние на национальные движения ряда славянских и неславянских народов, в том числе украинцев.

Ее утверждение в качестве государственного курса лишь в 1915—1916 гг. объясняется, в частности, тем обстоятельством, что, имея в России значительные экономические интересы, Германия не порывала до конца деловых связей с империей Романовых даже после разворачивания военных действий. Наряду с пангерманцами, стремившимися к получению «территории без людей», существовали либеральные интерпретации доктрины Срединной Европы, делавшие акцент на экономическую привлекательность прогерманской ориентации национально-государственных образо-

ваний, которым предстояло возникнуть в результате распада России. Для достижения последнего использовались как национальные, так и социальные лозунги, включая право наций на самоопределение.

Одним из конкретных инструментов претворения идеи Срединной Европы в жизнь стала Лига нерусских народов России, располагавшаяся в Швейцарии и финансируемая германским посольством, но при этом внешне сохранявшая лояльность в отношении западных партнеров России по Антанте. Документы МИДа Германии дают представление о соответствующих денежных вливаниях, в том числе на издание и распространение в России журналов, которые адресовались народам западных регионов — Украины, Литвы, Финляндии и др. Показательно, что не было предусмотрено издания для белорусов. Украину в Лиге представляли, издавая вплоть до 1918 г. журнал «Украина», Д. Донцов и Степанковский. Пути этих деятелей в дальнейшем разошлись. Особенно крупной фигурой в украинской политической мысли стал Донцов, выступивший с первыми своими работами незадолго до начала войны. Впоследствии этот теоретик украинского интегрального национализма сотрудничал с гитлеровцами.

Германские геополитические технологии были восприняты державами Антанты, что способствовало долговременному влиянию внешнего фактора на национальное самосознание уже на постимперском пространстве.

Е. Ю. Борисенко

Историками независимой Украины уделяется большое внимание различным аспектам развития украинской нации в XX в. и в особенности событиям 1917—1920 гг. Годы «национально-демократической революции» (1917—1921) считаются заключительным этапом и кульминацией национального возрождения XIX в. В период Центральной Рады, Гетманата и Директории украинский язык стал языком законодательства и администрации. Создавались украинские школы, была образована национальная Академия наук и т. д. Особенно активно такая политика стала проводиться в СССР после провозглашения в 1923 г. курса на коренизацию партийных и государственных органов в союзных республиках. На региональном уровне коренизация стала называться «украинизацией».

Авторство понятия «украинизация» принадлежит Грушевскому, употребившему его на страницах сборника «Освобождение России и укра-

инский вопрос» в 1907 г. Речь шла о переводе высшей школы на Украине на украинский язык обучения. Грушевский же вывел украинизацию за рамки просвещения: весной 1917 г. он говорил об украинизации органов местного самоуправления в контексте создания автономной Украины. В период существования Центральной Рады понятие «украинизации» имело отношение не только к языку: говорилось об украинизации армии, создании украинских кооперативных центров и т. п.

В период «национальной революции» этот термин начал употребляться довольно часто. Однако ни в период существования УНР, ни в последующие годы ему не было дано точного определения. Если функционеры партийно-государственного аппарата сводили украинизацию к административным реформам, то украинская интеллигенция понимала под ней бурное развитие национальной культуры. Возможно, именно поэтому в современной историографии украинизация — это и правительственный курс (как проводимый в УНР, так и большевиками в УССР), и определенный этап в утверждении «украинской национальной идеи».

Некоторые украинские ученые сомневаются в обоснованности распространения понятия украинизация на те культурные процессы, которые происходили в жизни Украины в рассматриваемый период, и считают более корректным говорить о дерусификации и национальном возрождении. При таком подходе понятия украинизации и национально-культурного возрождения четко разграничиваются: первое относится к партийно-государственной сфере, второе к культурно-общественной, хотя, без сомнения, они были между собой тесно связаны.

Использование термина «возрождение» не случайно: он подчеркивает преемственный характер национально-культурного развития 1920-х годов с «национально-государственными идеями прошлого».

Принципиально важное значение приобрел вопрос о причинно-следственном соотношении национального возрождения и политики украинизации. В украинской литературе обычно говорится об активизации национальных процессов на Украине как причине партийного курса, порывавшего с многолетней русификаторской практикой (В. Даниленко, Г. Касьянов, Я. Дашкевич). Существует и прямо противоположная точка зрения: национальное возрождение составляло побочный продукт курса на коренизацию, преследовавшего сугубо прагматические цели усиления режима (С. Кульчицкий).

Л. Е. Горизонтов: Период украинизации и белорусизации нередко также именуют «расстрелянным Возрождением»...

Хотел бы еще раз вернуться к проблеме малороссийства, которая представляется принципиально важной. Чтобы лучше уяснить его природу и проявления, полезно обратиться к детским воспоминаниям все того же П. Скоропадского, где будущим гетманом говорится про 80-е годы XIX в. «Первые украинские впечатления, — вспоминал он, — мне навеяны в доме моего деда. Но тут нужно ясно установить, каковы они были. Украина понималась как славное родное прошлое, но отнюдь не связывалась с настоящим, другими словами, никаких политических соображений, связанных с восстановлением Украины, не было. Моя вся семья была глубоко предана российским царям, но во всем подчеркивалось как-то, что мы не великороссы, а малороссияне, как тогда говорилось, знатного происхождения. В доме всюду висели старые портреты гетманов и различных политических и культурных деятелей на Украине... Украинские песни постоянно пелись в доме. Очень уважались бандуристы, певшие свои думы, причем дед их всегда щедро награждал. В доме получалась «Киевская старина», читались и обсуждались книги Костомарова и других украинских писателей. Висел между гетманами портрет Мазепы, столь ненавистный всякому русскому, в доме ему не преклонялись, как это делают теперь украинцы, видя в нем символ украинской самостийности, а молчаливо относились с симпатиями, причем только возмущались, что до сих пор в соборах Великим постом Мазепу предавали анафеме... (Кстати, предок мемуариста гетман И. Скоропадский занял свой высокий пост после предательства Мазепы и участвовал в Полтавской битве на стороне царя Петра. — Л. Г.). Строго держались старых украинских обычаев не только в домашнем обиходе, но старались придерживаться и в религиозных обрядах, там, где старые украинские разнились с новыми русскими... Дед хорошо говорил по-украински, а нас украинскому языку не учили специально, но украинские книги читать давались. Одним словом, политики не было, но все украинское было нам дорого, и за него держались».

Понятно, что дореволюционное малороссийство немыслимо без лояльности по отношению к существующему политическому порядку. С падением династии по этому типу сознания был нанесен сильнейший удар, с приходом к власти большевиков — следующий. В дальнейшем общерусский

Механизмы формирования украинской и белорусской наций

пласт массовой идентичности целенаправленно искоренялся в ходе украинизации.

Многие в своих выступлениях вольно или невольно выходили за временные пределы, заявленные в начале нашей работы. Таким образом, мы вплотную подошли к теме очередного «круглого стола», который предстоит провести в будущем году. Центральным для него станет становление национальной государственности в XX в. и влияние этого нового и чрезвычайно мощного фактора на формирование идентичности, строительство нации.

Взаимосвязь и переключки различных исторических периодов несомненна. Тем не менее в заключение хотелось бы напомнить об одной вполне очевидной, но почему-то часто забываемой вещи. Мы обсуждаем проблемы истории. Разумеется, она имеет отношение к текущим событиям и процессам, но эти последние суть продукты длительного развития, значительная часть которого выходит за рамки темы сегодняшнего обсуждения. Механически переносить то, что говорится о XIX (в основном) веке на характеристику действительности начала XXI, совершенно некорректно и прояснению научных вопросов вовсе не способствует. Как, впрочем, и обратная экстраполяция.

Государственно-политический фактор в развитии украинской и белорусской наций (первая треть XX века)

Л. Е. Горизонтов

Главный предмет нашего обсуждения — роль государственно-политического фактора в формировании украинской и белорусской наций. Фактор этот проявлялся и в разработке государственной идеи национальными движениями, и в практических опытах национальной государственности, и в национальной политике тех государств, в состав которых в разное время входили украинские и белорусские земли. Становление национальной государственности заслуживает особого внимания, ибо именно в этом заключалась качественно новая черта первой трети XX в.

Избранный угол зрения позволяет разделить первую треть XX в. — классический срок одного поколения — на три неравные части. Думается, что предлагаемая ниже периодизация в какой-то степени могла бы лечь в основу сценария нашего заседания.

В первый из периодов — позднеимперский — национальные движения на украинских и белорусских землях политически структурируются (создание партий, разработка автономистских программ, участие в парламентской жизни), и начинается обсуждение вопроса о практических шагах строительства национальной государственности. Этому способствуют как внутренние потрясения, так и рост международной напряженности в преддверии мировой войны.

Второй период приходится на пору войн и революций. Враждующие между собой империи вторгаются на территории друг друга, украинские и белорусские земли оказываются в эпицентре военных событий. Распад империй открывает широкое поле для опытов национальной государственности, ренессанса старых традиций — от Великого княжества Литовского до украинского Гетманства, а также Речи Посполитой, имя которой возродилось в названии межвоенного польского государства. Использование национальными режимами 1917—1920 гг. административного ресурса, значение которого было осмыслено уже на предыдущем этапе, обеспечивает *строительство* наций в прямом значении этого понятия.

В последний из выделяемых нами периодов, отмеченный временной стабилизацией межгосударственных границ, наследие предшествующих двух десятилетий находит определенное преломление в политическом курсе новых государств, в состав которых вошли украинские и белорусские земли. Особое значение как для консолидации двух восточнославянских наций, так и для утверждения национальной государственности имел суррогат последней на Советской Украине и в Советской Белоруссии, где в беспрецедентных масштабах развернулась большевистская коренизация.

Очевидна многоплановая взаимосвязь трех означенных периодов, в частности, по таким линиям (воспользуемся терминологией изучаемого времени), как самостоятельность (суверенитет) — коренизация (форсированная этнизация общества) — соборность (объединение в политическое целое национальной территории). Взаимосвязь эта получила осмысление в концепции национально-демократической революции, которая особенно четко формулируется современной украинской историографией. От периода к периоду существенно увеличивались темпы роста национального самосознания и консолидации наций в целом. Действие государственного фактора приобретало особую силу, когда он был представлен политическим курсом режимов тоталитарного типа.

Генератором идей национальной государственности выступали национальные движения, чьи конкретно-исторические особенности, в свою очередь, формировались под влиянием тех политических реалий, в которых они развивались.

Обвальная по своему характеру дезинтеграция государственного пространства многовековых империй заставила решать куда более масштабную, нежели автономия, задачу. Были ли готовы к этому национальные движения со своим дореволюционным багажом? Соответствовал ли уровень национального и политического сознания широких слоев населения задачам строительства национальной государственности? В литературе предмета можно встретить два требующих соотнесения тезиса. Согласно первому, процесс формирования украинской и белорусской наций к началу 1920-х годов был далек от завершения. Второй гласит о том, что во имя контроля над постимперским пространством большевики искали союзника в лице национальных элементов. Так ли неизбежна была коренизация? Что в действительности определяло политическую линию большевиков — трезвый

прагматизм или упрямое доктринерство? Было ли «расстрелянное возрождение» изначально предусмотрено курсом на коренизацию?

Выражая сомнение в слабости украинского движения до 1917 г., львовский историк Я. Грышак полагает, что к федерализации государства унитаристы-большевики пришли как раз под впечатлением от размаха украинского движения — самого массового из всех национальных движений Российской империи, делавших ставку на федерализм. Идея СССР, таким образом, по его мнению, не российская, а украинская.

Общим знаменателем советской и несветской коренизации, согласно киевскому историку С. В. Кульчицкому, выступает дерусификация, отличительной чертой — различное идейно-политическое наполнение. Можно указать, однако, и на другие отличия. В каждом случае мобилизационный потенциал зависел от форм государственности (унитарное или допускающее автономное устройство), политического режима, способности проводить реформы.

Говоря о национальной государственности, следует помнить, что в 1917—1920 гг. в украинской, а тем более в известной степени подражательной белорусской моделях были недостаточно выразительно представлены такие признаки государства, как стабильные границы, контроль за территорией, которая неоднократно становилась ареной военных действий, суверенитет. Возникали серьезные проблемы с международным признанием. Были периоды оккупации и двоевластия. Очевидны препятствия на пути строительства национального государства: крайне нестабильное международное положение, неразвитость массовой базы национальных движений, вызванная социальными катаклизмами анархическая стихия.

Пресс тоталитаризма в сочетании с масштабными преобразованиями (индустриализация, культурная революция и др.) обеспечивал благоприятные социокультурные условия для форсирования украинизации и белорусизации, в том числе — путем подавления нетитульных национальностей соответствующих союзных советских республик и характерных для последних регионализмов. Тем не менее нельзя забывать о проявлениях, как в СССР, так и за его пределами прочих идентичностей — общерусской и русинской. Если в целом характерная для XIX в. альтернатива национального самоопределения себя все более исчерпывала, то в отдельных регионах элемент альтернативности с далеко идущими для судеб восточного славянства последствиями еще сохранялся.

Геополитические проекции национальных идей в немалой степени зависели от геополитического контекста формирования наций. В начале XX в. украинские земли были разделены между двумя империями, причем в пределах каждой из них они отчетливо распадались на несколько регионов, по отношению к которым проводилась различная политика. Роль этих регионов в формировании нации оказывалась неодинаковой не только в силу их территориальных и людских ресурсов. Для ряда из них еще в период отсутствия у поляков независимого государства основополагающее значение имело действие польского фактора, метаморфозы которого заслуживают специального рассмотрения.

В процессе распада империй польский и российский факторы на какое-то время становятся внешними по отношению к украинским и белорусским землям, причем российский выступает в двойственном облике — была Россия белая, составившая затем в эмиграции Русское зарубежье, и Россия красная — обе со своими амбициями на Украине и в Белоруссии. Появился новый фактор в лице оккупационных армий Центральных держав.

Как известно, через белорусскую территорию пролегает кратчайший путь в центр России, однако буферное предназначение Белоруссии определялось не только этим. Указанная геополитическая миссия белорусского соседа была востребована также украинскими политиками. В рассматриваемый период набирают остроту украинско-белорусские противоречия, о которых писал, в частности, в своей «Истории Белоруссии» активный участник событий М. В. Довнар-Запольский.

В послеверсальской Восточной Европе многие прежде разделенные нации воссоединились в границах новой государственности (поляки, сербы), известны и обратные случаи (венгры). Украинцы и белорусы в межвоенный период существовали по законам разделенных наций, оказавшись в составе, первые — четырех, а вторые — трех государств. Разделение этнических массивов государственными границами накладывало отпечаток на формирование наций, в частности, на развитие национального самосознания и представлений о национальной территории. Но то были уже не разделенные нации XIX в. — межрегиональное взаимодействие стало более тесным и более сложным.

Передел украинских и белорусских земель между СССР и Польшей привел к коренному изменению той создаваемой противоборством двух

«исторических» народов русско-польской «ниши», которая во времена Российской империи была весьма важна для становления украинской и белорусской наций (для последней, пожалуй, в большей степени). Давление Варшавы приводило на восточных кресах к эскалации политического экстремизма. Однако польские власти допускали там и определенный политический плюрализм, которому находилось все меньше места в УССР и БССР. В составе II Речи Посполитой украинские земли имели значительную региональную разнородность.

В составе СССР дореволюционные Большая (российская) Украина и Белоруссия существенно изменили свою прежнюю конфигурацию, сместившись после ряда «укрупнений» с запада на восток. К УССР отошли обширные территории, которые долгое время не служили объектом внимания украинского национального движения. Политика украинизации и белорусизации способствовала формированию этнократического слоя, впитавшего в себя значительную часть дореволюционного актива национальных движений. Встречая разной степени, в зависимости от региона, сопротивление, указанная политика существенно влияла на зарубежные украинские и белорусские земли, украинскую и белорусскую эмиграцию.

Закарпатье из части венгерской Транслейтании с характерным для последней курсом на мадьяризацию славян перешло в суверенную Чехословакию. Прага обсуждала вопрос об областной автономии и поддержала линию на украинизацию Подкарпатской Руси, проведение которой получило дополнительный импульс благодаря эмиграции из Галичины и Большой Украины. Многонациональная и достаточно автономная Буковина, управляемая в габсбургские времена непосредственно из Вены, оказалась в составе Румынии.

Хотя после перекройки карты Восточной Европы час «соборности», казалось бы, отдалялся, СССР с гораздо большей последовательностью, чем российская монархия, взял курс на присоединение восточнославянских земель, находившихся за его пределами. Речь теперь шла не о собирании триединого русского народа, а о воссоединении отдельных украинского и белорусского народов. Этот курс стал частью коминтерновской стратегии, хотя именно Коминтерн сдерживал рвение коммунистов Западной Украины и Западной Белоруссии, обнаруживших тенденцию проводить независимую от руководства польской компартии политику, вплоть до объявления «революционной ситуации» в восточных областях II Речи Посполитой.

Важно осмыслить все произошедшие в первой трети прошлого столетия перемены, сопоставить стратегии различных государств, выявить их влияние на судьбы наций и складывание предпосылок национальной государственности. Таковы лишь избранные аспекты той проблематики (нация — государство — региональное измерение), к которой нам предстоит обратиться.

И. В. Михутина

К началу XIX в. все слои малороссийского общества интегрировались в структуры централизованного Российского государства. Лишь события войны 1812 г., когда для отражения наполеоновского нашествия разрешено было сформировать казачьи полки, оживили среди части малороссийских дворян надежды на восстановление автономии эпохи Гетманства.

Под влиянием декабристского движения ослабший к тому времени, но продолжавший переживать спорадические подъемы малороссийский автономизм приобрел республиканскую окраску, а у польского национального движения он заимствовал идею славянской федерации, в польском варианте нацеленную на разобщение восточного славянства по этническому признаку и снижение роли России в «свободном союзе народов». При этом в Малороссии было немного сторонников альянса с поляками.

Мысль о превращении Украины в самостоятельный субъект славянской федерации впервые выдвинули в 1840-е годы участники узкого интеллектуально-просветительского демократического кружка в Киеве — Кирилло-Мефодиевского братства. Идеальной моделью они считали панславянский союз с отдельным административным устройством для каждого народа. На территории Российской империи предполагалось выделить 14 федеративных единиц: польскую, белорусскую, западно-малороссийскую, восточно-малороссийскую и т. д., чтобы «в каждой республике... был правитель, избранный на время... и над целым союзом был такой же правитель, выбранный на время». Своему краю «братчики» прочили стать центром будущего союза, а древнему Киеву — роль его столицы. Ратую за свободу, равенство, отмену сословий, они вместе с тем полагали, что воплощению этих новейших идей в жизнь могли бы служить такие отжившие исторические формы, как строй казачьего самоуправления или Новгородская вечевая республика.

В следующем поколении украинских деятелей под пером М. П. Драгоманова федералистская идея модернизировалась. Драгоманов считал, что малороссы (украинцы) не представляют еще сформировавшейся нации и именно в федеративном государстве процесс их консолидации получит должное развитие. Он призывал не замыкаться в узконациональной проблематике, полагая, что при демократизации России, децентрализации, введении местного самоуправления окажутся удовлетворенными и национальные права населяющих ее народов. Одну из важных функций славянской федерации Драгоманов видел в защите славян от германизаторских устремлений Пруссии.

Лидер и идеолог украинского течения на рубеже XIX—XX вв. М. С. Грушевский любил подчеркивать преемственность украинского федерализма, идущего от декабристов, Кирилло-Мефодиевского братства и Драгоманова. Однако в его собственных программно-политических построениях традиционные начала предшественников подверглись изменению в главном. Прежде всего, отпала внешнеполитическая составляющая в том виде, в каком ее формулировал Драгоманов. Антигерманская ориентация сделалась неуместной с тех пор, как в последней четверти XIX в. восточная часть австрийской провинции Галиция стала превращаться в базу украинского течения при небескорыстной благосклонности Вены, вступившей в союзные отношения с Берлином не в последнюю очередь для того, чтобы предупредить отпадение подвластных ей славянских земель. Круг потенциальных федератов сузился. Из составленной Грушевским в 1899 г. в качестве учредительного документа восточногалицийской Украинской национально-демократической партии (УНДП) «Народной программы» следовало, что федерализации подлежала лишь Россия. «Мы будем среди российских украинцев поддерживать такие стремления, которые ведут к преобразованию Российского государства... в государство конституционно-федералистское, на основе автономии народностей», — говорилось в документе.

Драгоманов в середине 1880-х годов признавал, что «отделение украинского населения от других областей России в особое государство... есть вещь... очень трудная, если не невозможная», поскольку народ Малороссии в массе своей не помышляет об отделении. Это положение мало менялось в ближайшие десятилетия, но Грушевский счел необходимым записать: «Нашим идеалом должна быть независимая Русь-Украина, в которой бы

все части нашей нации соединились бы в одно современное культурное государство».

Пути продвижения к намеченному идеалу не обсуждались тогда сторонниками украинского движения ни в Галиции, ни в России. Помимо внутренних импульсов, необходимых для его реализации, поставленный в программе вопрос соборности нации в данном случае превосходил возможности национального движения. Он требовал международно-политических решений, время которых тогда не настало. Промежуточные стадии движения к стратегической цели были конкретизированы Грушевским в период революции 1905—1907 гг.

Он не мог не признать, что этническое сознание его народа не созрело еще до «политико-государственной самореализации», но считал, что это можно будет восполнить административным способом. Потому первоочередной задачей Грушевский наметил обособление украинских земель внутри Российского государства, причем автономия мыслилась им не в широко известном варианте административно-территориального самоуправления, а по национально-территориальному принципу. Провозглашение национальной автономии должно было обеспечить административные средства воспитания национально-государственного самосознания населения. Сыграл свою роль и опыт многонациональной Галиции, где поляки неизменно доминировали в краевом самоуправлении.

В условиях этнической неоднородности большинства территорий империи, в том числе ее украинских губерний, выделение в качестве субъектообразующей одной, пусть и составляющей большинство, этнической группы придавало всей конструкции, в ущерб общедемократическим началам, этнократический оттенок. Последний еще более усиливался в социально-экономической программе Грушевского, ставившей задачу этатистскими средствами очистить край от собственников-неукраинцев.

Федералистскую часть своих планов Грушевский до 1917 г. соглашался считать делом далекого будущего, но и в дореволюционный период она не оставалась неизменной: формула «Народной программы» о превращении России в конституционно-федеративное государство вскоре уступила место постулату федерации, основанной на договоре практически самостоятельных субъектов. В публицистике 1905—1907 гг. он предостерегал,

чтобы всероссийский конституционализм не увлек украинцев, и предлагал заменить будущий общероссийский парламент представительством делегированных местными сеймами депутатов. Тогда же Грушевский открыто провозгласил, что «полная самостоятельность и независимость являются последовательным завершением запросов национального развития».

Сторонники украинского движения в Австро-Венгрии до ее крушения в 1918 г. в своих требованиях к правительству не шли дальше административного раздела Галиции на украинскую и польскую части и объединения населенных русинами территорий монархии в особый коронный край. С началом Первой мировой войны они четко дали знать, как понимают идею «соборной Украины». В декларации образованного тогда галицийскими украинскими партиями Главного украинского совета, ратовавшего за формирование национальной украинской армии, подчеркивалось, что такая армия «смогла бы оторвать от России всю Украину с Киевом, Полтавой, Черниговом, Харьковом, Доном, Кубанью и побережьем Черного моря».

Образованный в 1915 г. после ухода русских войск из Восточной Галиции Общеукраинский совет, обращаясь «ко всем народам цивилизованного мира», заявил, что своей целью ставит разрушение Российской империи с помощью австро-германского блока и образование на ее обломках украинского государства, тогда как в пределах Австро-Венгрии по-прежнему — получение национально-территориальной автономии в виде коронного края.

В связи с ослаблением в ходе войны Австро-Венгрии возникла идея преобразования ее в триединое государство с участием Польши в качестве равноправного партнера. При этом обозначилась перспектива включения всей Галиции в будущее польское новообразование, против чего украинские галицийские политики стали энергично протестовать. В декабре 1917 г. ими было сделано заявление в австрийском парламенте о том, что «Восточная Галиция может либо в целостности остаться в составе Австрии, либо... объединиться с Украинской Народной Республикой (на Днестре), что отвечало бы идеалу украинской нации».

Таковы программно-теоретические позиции украинского движения в России и Австро-Венгрии накануне первых практических опытов их воплощения.

М. Э. Клопова

Австрийская Украина еще с XIX в. воспринималась как своего рода полигон наработок украинской политической мысли, которые должны были затем переноситься на территорию «большой Украины». Понимание роли украинских владений Австро-Венгрии, прежде всего Восточной Галиции (Галичины), как «украинского Пьемонта» (термин, получивший распространение в первые годы XX в. с легкой руки Грушевского), «духовной фабрики, где куется культура для целой соборной Украины», было присуще и самим украинским активистам, и их противникам.

Уже в период «Весны народов» представителями «русского» (русинского) населения выдвигался ряд политических требований, в частности создание отдельной «русской» провинции, включающей Галичину, Буковину и карпатскую Угорскую Русь. Таким образом, на стадии своего формирования, даже не разделившись на русофильское и украинское течения, национальное движение в этом регионе добивалось автономии. Впоследствии ее требование присутствовало в программах как украинских, так и русофильских партий. Параллельно в программных заявлениях украинцев начинает отчетливо звучать тема единства украинского народа по обе стороны австро-российской границы. Уже в 1867 г. они заявляли, что «принадлежат к 15-миллионному украинскому народу, который называют русинами или украинцами, родина которого — Русь-Украина».

В программе УНДП — самой, пожалуй, значимой украинской партии — оба эти положения получили наиболее полное развитие. «Мы, галицийские русины, часть украинско-русского народа, имевшего некогда свое самостоятельное государство, веками боровшегося за свои политические и государственные права, который не отрекся и не отречется от прав *независимого народа*, заявляем, что конечной целью нашей борьбы является достижение всем украинско-русским народом культурной, экономической и политической самостоятельности и объединение со временем в единый *национальный организм*».

Новый этап в украинской политике начался в Австро-Венгрии в 1907 г. после принятия избирательного закона, обеспечившего парламентское представительство всем народностям Австро-Венгрии: хотя русины оказались на последнем месте по количеству мандатов, «Русский клуб»

объединял около 30 членов. Клуб не был достаточно силен для ведения самостоятельной политики. Союзником его могла стать либо общеславянская консолидированная оппозиция, либо центральное правительство. Украинские депутаты Рейхсрата заняли позицию, отличную от позиции большинства славянских депутатов. Это позволило им впервые при активном посредничестве правительства вести переговоры с польским «Коло» об уступках в таких вопросах, как сеймовая избирательная реформа, расширение прав украинцев в Львовском университете, увеличение числа украинских школ. Характерно, что с обсуждения практически был снят вопрос о создании отдельной провинции, хотя в ходе предвыборной борьбы он не раз поднимался. Украинские делегаты Рейхсрата активно использовали сецессии — демонстративный уход из парламента, тормозивший всю его работу, что делало польско-украинское соглашение актуальным не только собственно для Галиции, но и для всей монархии.

В 1908—1914 гг. роль Вены в урегулировании польско-украинского конфликта и ее влияние на положение украинцев в провинции заметно возросли, что во многом было связано с явным ухудшением австро-российских отношений. Австрийцы стремились к тому, чтобы сделать Галицию центром притяжения для всей украинской национальности.

Одновременно активизация национальной жизни на Большой Украине в 1905—1907 гг. привела не к укреплению сознания национального единства, как на то рассчитывал Грушевский, а, напротив, к определенному охлаждению отношений между российскими украинцами и галичанами.

Поддержка украинцев правительством в сеймовом и университетском вопросах привела к тому, что они не только демонстрировали свою лояльность Габсбургам, но, связывая будущее украинского народа исключительно с Австро-Венгрией, все более переходили на откровенно антироссийские позиции. По словам российского наблюдателя, во время Боснийского кризиса 1908 г. «стали серьезно развиваться таинственные надежды на Галицию, Волынь, Украину. Украинские вожди с особой старательностью поддерживают эти надежды в Вене, распространяя самые смелые вести из России». Примечательны заявления одного из украинских лидеров Е. Олесницкого, который на встрече с министром иностранных дел Берхтольдом убеждал последнего, что не только австрийские, но и российские укра-

инцы связывают свое будущее с Австро-Венгрией и что от позиции венского правительства зависит их поведение в случае военного столкновения с Россией.

Таким образом, украинское движение в Австро-Венгрии проделало путь от движения чисто регионального до активнейшего участника общеимперской политики. Существенные изменения претерпела и политическая программа украинцев. На смену требованию создания отдельной «русской» провинции в составе Австро-Венгрии пришли предположения о возможности в случае войны с Россией объединения под скипетром Габсбургов всех украинских земель.

Ю. А. Лабынцев

В отличие от довольно богатой традиции изучения становления украинской государственности, разработка аналогичной проблематики на белорусском материале находится в начальной фазе. Между тем уже в 1870-е годы в белорусской среде достаточно активно обсуждались вопросы «автономии Белоруссии», ее «федеративной самостоятельности» и необходимости усилий, даже борьбы для достижения этих целей. В распространявшихся тогда, естественно нелегально, рукописях и гектографированных изданиях можно было найти даже призывы типа «Белоруссия должна быть для белорусов», хотя, несомненно, преобладали более умеренные представления о том, что белорусы «должны бороться во имя... интересов белорусского народа и федеративной автономии страны». Весьма почитаемый ныне белорусский религиозный и политический деятель ксендз А. Станкевич (1891—1949) относил поборников подобных идей к кругу полностью порвавших с прежними ориентациями «на Польшу и на традиции Великого княжества Литовского», ибо они «уже не называли себя литвинами, а твердо — белорусами», связывали себя более с русской культурой и Россией, весьма критично относились к «польскому» периоду в судьбе родной Белоруссии.

Впрочем, по поводу характера и степени польского участия в белорусском национальном движении по-прежнему ведутся горячие споры. Это касается как проблемы в целом, так и конкретных реалий, утвержденных в качестве своего рода национальных символов. Так, известный белорусский историк М. Бич писал о Ф. Богушевиче (1840—1900) как о «первом в пол-

ном смысле слова национальном писателе». А по свидетельству Ф. Оскерки, который являлся «близким соседом и знакомым» Богушевича, последний — «горячий патриот — поляк, который в личных и достаточно частых... беседах утверждал, что единственной причиной, которая побуждала его и его предшественников писать на том говоре (т. е. по-белорусски. — Ю. Л.), было опасение возможной русификации тамошнего люда». Не менее показателен путь Янки Купалы (1882—1942) — шляхтича Яна Луцевича, воспитанного на польской культуре и сперва писавшего на польском языке, сознательно воскресившего в себе белорусское национальное начало уже в зрелые годы, в период революции 1905—1907 гг.

Началом колоссального, почти взрывного, массового этносоциального прозрения явился для белорусов опыт беженства вглубь России времен Первой мировой войны и революционной поры. Беженство привело к пониманию отличности от великорусского этноса, в среде которого все же многие из них остались жить. Эта же эпоха стала и временем выбора белорусской интеллигенцией особого национального пути, многовекторность которого определилась со всею ясностью именно тогда. Белорусское национальное движение начинает привлекать внимание крупнейших военных и политических игроков на карте Европы. Позднее в секретных досье спецслужб только что созданной Второй Речи Посполитой отмечалась заинтересованность в поддержке «белорусского движения прежде всего Германией», а затем Советской Россией и Литвой.

Идея белорусской государственности рождалась в многолетних спорах сначала о необходимости автономии и «федеральном устройстве России», потом о полной самостоятельности и независимости. Подобная эволюция хорошо прослеживается на примере старейшей и крупнейшей политической партии — Белорусской Социалистической Громады (БСГ), основанной в 1902—1903 гг., а также биографии Янки Купалы.

А. К. Кавко

Прежде чем специально остановиться на пути и роли Купалы, хотел бы в дополнение к сказанному процитировать нелегальный народовольческий журнал «Гомон», авторами-издателями которого в 1884 г. впервые однозначно была сформулирована идея самостоятельности Белоруссии. С давних пор, заявляли студенты Петербургского университета, в России на Бело-

руссию привыкли смотреть «как на некоторый материал для всевозможных экспериментов, а не как на живую народность, способную самостоятельно располагать собою. Исходя из этой точки зрения, близкие соседи белорусов, пользуясь правом сильного, совершали над ними свои опыты и бесцеремонно налагали жесткие руки на живой организм белорусской народности, предрешив, что она должна безропотно подчиниться сильнейшим и ассимилироваться с ними, растворившись в великорусском или польском море». В «Гомоне» Белоруссии предрекалась иная судьба: «Сознав свои силы, белорусский народ тотчас скажет своим угнетателям: Долой эксплуатацию, мы сами желаем управлять собою».

На примере знаковой для белорусов фигуры Янки Купалы можно поставить вопрос о личности в контексте национальной государственности. Художник слова и пронизательный мыслитель, Купала указал магистральное направление в историческом движении своего «мужичьего» народа — его политическое раскрепощение и национальное самоутверждение в качестве хозяина (гаспадарá) на своей исконной земле. Он же — создатель тех образно-символических формул, на которые до сих пор опираются не только литераторы, но и историки, философы, политологи Белоруссии.

В широком смысле автору «А кто там идет?..», наряду с его современниками и сподвижниками — Якубом Коласом, М. Богдановичем, братьями И. и А. Луцкевичами, В. Ластовским, М. Горецким, Д. Жилуновичем и другими, обязаны белорусы обретением собственной национальной идеи с ее государственной составляющей. С именем Купалы неразрывно связано оживление, консолидация белорусского движения в ходе революции 1905—1907 гг., в так называемый «нашенивский» период и, особенно, после Февральской и Октябрьской революций. Тогда, в 1917-м, в основном завершается партийно-политическое структурирование белорусского движения и переход его от первоначального просветительства в политическую фазу национально-государственного самоопределения и строительства.

Определяя индивидуальный вклад Купалы в эти процессы, назовем два ключевых символа его художественно-поэтической версии национального самоопределения Белоруссии, которые предвосхищали, а в известной степени и стимулировали практические шаги политиков в решении данной проблемы. Первый — это образ «почетного трона» («пачэснага пасáда»), на котором призвано было совершиться государственное возрож-

дение и международное признание Белоруссии, преодоление ее затяжного исторического «сиротства». В 1911—1912 гг. в стихотворении «Малая Беларусь» Купала писал: «Занимай, Беларусь молодая моя, // Свой почетный посад меж народами» (в 1994 г. специальная конкурсная комиссия Верховного Совета Белоруссии будет рекомендовать этот текст в качестве государственного гимна республики).

Второй — символ всенародного Великого Схода во имя свободной независимой Батьковщины (драма «Разоренное гнездо», 1913 г.). Отмечается близость этой купаловской идеи, озвученной с театральных подмостков Минска в июле 1917 г., и проведенного четыре месяца спустя, в том же здании городского театра, Всебелорусского съезда, декларировавшего образование в крае собственной легитимной советской власти. Эта первая попытка самоопределения Белоруссии демократическим путем (более 1800 делегатов — представителей основных социальных слоев края, а также белорусских фронтовых и беженских объединений) была насильственно пресечена большевистскими властями Западного фронта и руководством Западной области.

«Мы считаем, что белорусы не являются нацией, — заявляла большевистская газета “Звезда” 6 октября 1918 г. устами В. Г. Кнорина, одного из лидеров Западной области, — и что те этнические особенности, которые их отделяют от остальных русских, должны быть изжиты». Четыре месяца спустя тот же орган писал: «Потуги белорусской националистической интеллигенции к созданию своего белорусского языка, “своей” национальной культуры напрасны... Пусть примут это к сведению белорусские писатели». В числе адресатов-писателей был, безусловно, и Купала, размышления которого над белорусской национально-государственной идеей продолжились в бурное послереволюционное время.

Л. Л. Щавинская

Немногочисленные работы о БСГ опираются, как правило, на одни и те же опубликованные источники, едва ли не главным из которых являются воспоминания А. Луцкевича (1884—1946). Однако, как показывают наши наблюдения, основанные в том числе на знакомстве с архивными материалами, сообщаемые Луцкевичем сведения нуждаются в серьезной корректировке. Это касается самого зарождения партии, идейных ее исто-

ков и чрезвычайно интересных национальных метаморфоз ее членов, связанных порой лишь с поиском новизны в молодые годы, не более. Очень непросто вопрос о «польской» и «русской», а правильнее, даже «общероссийской» составляющих в процессе создания БСГ.

Так, один из ее первых членов Ф. Стацкевич (1879—1967), «который в своей польскости не сомневался», довольно подробно рассказывает в рукописных заметках о своем «белорусском становлении». Осенью 1902 г. он едет в Петербург, «где от знакомого студента-поляка, члена ППС Станислава Хрущинского», узнает, «что среди студентов есть группа белорусов». «С удивлением, — писал Стацкевич, — я увидел среди них сына одного владельца недалекого от Щучина имения — поляка Ивановского. Они объясняли, что польская шляхта на Беларуси — это ополяченные белорусы. Я легко согласился с ними и с того времени стал белорусом. Кружок студентов-белорусов в Петербурге был небольшой, из их числа я помню только братьев Луцкевичей, Ивановского и Малецкого. Тогда же и основалась Белорусская Революционная Громада, которая позднее превратилась в Белорусскую Социалистическую Громаду». С самого зарождения организации в ней шла жесткая борьба за лидерство, и именно это обстоятельство было определяющим при принятии многих важнейших решений за всю пятнадцатилетнюю историю БСГ.

На первом своем съезде в декабре 1903 г. партия выступает с требованием автономии Белоруссии с сеймом в Вильне, однако реальной силы она не имеет и не поддерживается основной массой населения. В 1905—1906 гг. влияние БСГ в народе резко возрастает, ей удается провести ряд достаточно заметных акций национально-революционного плана на территории Белоруссии, а на втором съезде в Минске (1906 г.) в своей программе провозгласить в качестве важнейших задач свержение самодержавия и создание в России «федеративно-демократической республики», в которой «Белорусскому краю» должна быть предоставлена государственная автономия.

Несмотря на последующий длительный период подполья, члены БСГ встали во главе многих белорусских культурных и политических начинаний и партия смогла в полной мере быстро возродиться в 1917 г., сделавшись лидером белорусского движения не только в самой Белоруссии, но также в Москве и Петрограде. БСГ выступала за продолжение войны, поддерживала Временное правительство, видя будущую автономную Бело-

руссию в составе федеративной России. К осени 1917 г., когда БСГ насчитывала около 10 тыс. членов, партию стали раздирать противоречия, в частности разногласия по поводу будущей белорусской государственности.

Тогда же группой членов петроградской организации БСГ во главе с А. Червяковым (1892—1937), примкнувшей к большевикам, создается Белорусская Социал-Демократическая Рабочая Партия, но именно Громада выступает едва ли не главным инициатором проведения Всебелорусского съезда в декабре 1917 г. в Минске — важнейшего государствообразующего события в истории Белоруссии. Часть членов БСГ выступала за создание на белорусской территории «народной республики», немало было сторонников организации «белорусских советов», но в целом национальный характер будущего образования не вызывал сомнений. Оба проекта получили свое реальное воплощение в белорусском государственном строительстве.

В феврале 1918 г., когда немецкие войска заняли большую часть белорусской территории, БСГ окончательно раскололась и к весне—лету распалась на Белорусскую Партию Социалистов-Революционеров, Белорусскую Партию Социалистов-Федералистов и Белорусскую Социал-Демократическую Партию. Представители просоветской части БСГ активно участвовали в работе Белорусского Национального Комиссариата (Белнацкома), а затем образовании БССР. Другая часть членов БСГ в условиях немецкого оккупационного режима выступила за создание Белорусской Народной Республики (БНР), что и было провозглашено 25 марта 1918 г. «Акт 25 марта 1918 года, — писал через несколько лет после этого события А. Луцкевич, — хотя и не был проведен в жизнь в той форме, как предполагали его творцы, имеет несомненно историческое значение. Не говоря уже о том, что таким образом был брошен лозунг, за которым пошли все национально сознательные элементы, борясь за целостность и независимость своей территории, — акт этот, безусловно, повлиял на дальнейшие изменения правительственной политики в отношении к Белоруссии и белорусскому вопросу в целом, что и проявилось в создании в Восточной Белоруссии, официально названной вначале “Западной Областью”, — Белорусской Социалистической Советской Республики в составе СССР».

Л. Е. Горизонтов: Нам была представлена широкая панорама дореволюционной эпохи, с кульминационным с точки зрения нашей темы нача-

лом XX в. Переходим к вопросам по прослушанному блоку выступлений и их обсуждению.

Б. И. Греков: Мне кажется, следует уточнить, что в ходе Первой мировой войны центр украинской оппозиции постепенно стал перемещаться из Австро-Венгрии в Германию. Именно в Германии было принято говорить об украинцах, тогда как в монархии Габсбургов обычно употреблялся термин «рутены».

М. Э. Клопова: Даже во время войны австрийцы старались избегать термина «Украина» в качестве государственного названия, тогда как немцы согласны были на такие новации, и во многом благодаря этому центр украинской мысли особенно к 1916 г. смещается из Вены в Берлин. Впрочем, и до войны фиксируется заинтересованность Германии в использовании украинского движения против России и в качестве противовеса польскому движению, так как к полякам отношение Берлина было более чем сложное.

И. В. Михутина: С 1906—1907 гг. Грушевского стали активно издавать немцы.

М. Э. Клопова: У Грушевского было ярко выражена антипольская тенденция. С Германией его интересы смыкаются как раз на антипольской платформе.

И. В. Михутина: Грушевский был решительным противником России. Какую роль играл немецкий фактор в образовании БНР?

А. К. Кавко: Объявление о создании «незалежной» БНР произошло в условиях немецкой оккупации, причем немцы этому совершенно не препятствовали. В Берлине весьма активно действовало представительство БНР. Вместе с тем, вступив в Минск, они наложили арест на скромный бюджет БНР и блюли с типично немецкой педантичностью пункт Брестского договора, согласно которому оккупированные территории немецкие власти рассматривали в ареале российского государства. Так что не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать немецкого фактора, особенно в соотношении с российским, польским, украинским факторами.

Обмен мнениями о германском факторе побуждает задуматься также над соотношением политического и культурного плана. Как бы это ни зву-

чало, благодаря оккупантам, во всяком случае, при их содействии, произошло национально-культурное оживление, в частности, в школьном деле на территории Виленщины, Белостокщины и Гродненщины. Видимо, не всегда следует жестко соотносить момент культурного развития с политическими установками, бывает и так, что культура, отрываясь от политики, уже не подвластна замыслам руководителей последней.

М. Ю. Досталь: В каких организационных формах развивалось белорусское национальное движение? Упоминались главным образом народные волевики, радикалы.

А. К. Кавко: Помимо политических форм, важнейшая роль принадлежала просветительским организациям и изданиям. Имелись и немногочисленные (что вполне объяснимо при слабости национальной буржуазии) меценаты белорусской культуры, осуществлявшие, в частности, издательскую деятельность. Газету «Наша нива» (1906—1915) по праву называют «белорусским национальным университетом». На ее базе развивалось краеведческое, музейное движение, не говоря уже о значении издания в качестве литературной и научной трибуны (на ее страницах впервые издана книга Ластовского по белорусской истории). «Наша нива» вела также просветительский школьный курс для национального самообразования. Огромную роль сыграло петербургское издательство «Загляне сонца і ў наша ваконца», впервые пустившее в народ массовыми тиражами литературу на родном языке.

М. Ю. Досталь: Что-то вроде Матицы?

А. К. Кавко: Да, в некотором смысле. Можно упомянуть про национально ориентированные театральные труппы, местные кружки культурного характера. Все это создавало ту почву, в которой происходило вызревание национальной идеи и политических выводов из нее.

Л. Е. Горизонтов: 1905—1907 годы в России — это существенный рубеж для украинского национального движения, или оно все же достаточно монотонно, без скачков развивалось до самой войны?

И. В. Михутина: Это очень существенный рубеж. Возникла легальная украинская печать, правда, после 1907 г. закрывавшаяся, причем не только властями, но также из-за недостаточного спроса. В двух первых Го-

сударственных Думах образовывалась и сформулировала свою программу украинская фракция. Развернула свою работу культурно-просветительная организация по типу галицийской («Просвита»), которая нередко сбивалась на политическую, в том числе социалистическую по своему характеру, деятельность, что послужило поводом для свертывания ее сети в 1910 г.

Л. Е. Горизонтов: Прослеживается ли влияние украинского примера на белорусское национальное движение?

А. К. Кавко: Быть может даже, импульсы украинского движения, как никакого другого (польского, литовского), самые сильные. Причем они идут еще с XIX в. Скажем, появление «Тараса на Парнасе» в середине этого столетия некоторые современные литературоведы склонны связывать с влиянием украинского кобзаря (отсюда редкое в Белоруссии имя). Или связи «Нашей нивы» с тем же Грушевским. Кстати, Янка Купала писал ему письмо о встрече в 1915 г. Украинцы Дорошенко, Свентицкий явились авторами первых публикаций в 1909—1910 гг. о белорусском национальном возрождении.

На территории Белоруссии в составе Западного фронта находились весьма сильные украинские подразделения, сформированные после Февральской революции на национальной основе (как и белорусские на Румынском фронте, которых не пропустили в Белоруссию, где они могли бы оказать определенное влияние на ситуацию). Петлюра, в частности, возник в Минске в 1917 г. и с лозунгом-здравицей в честь свободной Белоруссии прошествовал на демонстрации в группе украинских военных. Украина по известным причинам не могла признать БНР, но фактически она с ней солидаризировалась.

Л. Е. Горизонтов: Этот ряд можно и продолжать, и корректировать. М. В. Довнар-Запольский вышел из киевской школы, как и Грушевский, был учеником В. Б. Антоновича. Что же касается событий 1918 г., то Украина еще при Центральной Раде заняла ряд этнических белорусских земель. В этой связи Грушевский выдвигал идею «белорусского Пьемонта» как белорусской автономии в составе украинского государства.

Теперь, в соответствии с программой нашей работы, перейдем ко второму блоку выступлений, в котором преимущественное внимание будет обращено на период революций и Гражданской войны, хотя, понятно,

обсуждаемая проблематика в содержательном отношении выходит далеко за ее рамки.

И. В. Михутина

Февральская революция совершилась как буржуазно-демократическая, что открывало возможность для основательной подготовки масс к следующему, по представлению социал-демократов, этапу. Однако Ленин решил, что созданная войной ситуация позволит совершить немедленный скачок к социализму.

Форсирование общественно-политических процессов наметилось и в украинском национальном движении. Февральская революция открыла ему беспрепятственное осуществление намеченной ранее программы: школьное обучение украинцев на родном языке, введение украинского языка в практику местной администрации и судопроизводства, развитие украинской печати, книгоиздательства, театра — всего того, что вместе с повышением общего культурного уровня должно было углубить национальное самосознание украинских масс, готовя их к осмысленному политическому выбору.

Либерально-демократические деятели, до революции доминировавшие в украинском движении, приступили к реализации этой программы в согласии с Временным правительством, в компетенцию которого не входило определение характера государственного строя, в том числе будущего статуса Украины. Однако Грушевский, избрав теперь своей главной опорой социалистических радикалов — украинских эсеров и социал-демократов, решил, что в сложившейся обстановке можно сразу приступить к выполнению кардинальной политической задачи — формированию украинской государственности в виде национально-территориальной автономии и превращению России в договорную федерацию. Автономия мыслилась с самостоятельными внешнеполитическими функциями, собственной делегацией на будущей мирной конференции и своими вооруженными силами. Причем Временное правительство, поддавшись иллюзии, что образованием однородных по этническому составу частей удастся поднять боеспособность уставшей от войны армии, легко согласилось на проведение в ней украинизации.

В качестве представительного органа автономии украинские лидеры предлагали признать Украинскую центральную раду (УЦР) — коалиционный совет из посланцев различных партий и организаций, возникший для координации национального движения и пополнявшийся по мере проведения различных профессиональных и региональных украинских съездов избранными на них делегатами. Временное правительство считало созданную таким образом УЦР не более чем общественной организацией. В принципе оно возражало против немедленного учреждения автономии, полагая, что этот вопрос подлежит ведению образуемого всенародным избранием Учредительного собрания.

Однако УЦР форсировала вопрос об автономии, ссылаясь на многочисленные требования украинских съездов крестьян, военнослужащих и т. д. Принятия резолюций необходимого содержания нетрудно было добиться, ибо крестьянское в основном население, которое ожидало от революции в первую очередь аграрных преобразований и окончания войны, столкнувшись с бездействием Петрограда в первом вопросе и наращиванием военных усилий во втором, готово было связать свои чаяния с будущей украинской властью. «Автономия Украины и вообще национальные требования, — писал активный участник событий Д. И. Дорошенко, — преподносились массам как своего рода выкуп, цена за панскую землю: хочешь получить панскую землю даром — требуй автономии!» Антивоенные настроения частично получали выход в украинизации армии, предоставившей многим запасным и отпускным солдатам шанс уклониться от отправки на фронт.

10 июня УЦР своим I универсалом провозгласила национально-территориальную автономию Украины, вскоре после напряженных переговоров фактически признанную Временным правительством в пределах пяти губерний. В качестве органа исполнительной власти был образован Государственный секретариат (ГС), роль которого Временное правительство стремилось свести к наблюдательным функциям при местной администрации, за что пропаганда УЦР отчаянно критиковала Петроград. Между тем сомнения в готовности к государственной работе бередили души некоторых украинских лидеров. «Есть ли у нас столько рук, чтобы направить их на эту тяжелую работу? — задавался вопросом 19 июля 1917 г. глава ГС

В. К. Винниченко. — Сердце сжимается от тревоги, печали и страха: а что если не поднимем? Не сможем взять того, что судьба так неожиданно, фантастически бросила нам под ноги?»

В столкновениях УЦР с Временным правительством большевистские руководители становились на сторону первой, видя в ней разрушителя порядка, установленного Февральской революцией. В переломные октябрьские дни выяснилось, что и украинские политики не прочь руками петроградских большевиков избавиться от опеки Временного правительства. Чтобы не допустить его победы над восставшими, Рада на почве общей цели — помешать переброске с фронта в столицу верных Керенскому войск достигла соглашения с киевскими большевиками. Однако альянс этот был для нее опасен: большевики преобладали в городском Совете рабочих депутатов и требовали всей власти советам.

Между тем лидеры украинского движения после краха правительственного центра намеревались взять полноту власти на Украине. Для этого они образовали Краевой комитет охраны революции с участием национальных социалистических партий всех оттенков, советов рабочих, солдатских, войсковых депутатов и других организаций, к подчинению которому УЦР призвала все местные органы власти, в том числе в губерниях Новороссии и Слобожанщины, ранее не включавшихся в состав автономии.

Одновременно Малая рада — комитет, работавший между сессиями УЦР, в своей резолюции от 26 октября высказалась против восстания в Петрограде и пообещала «упорно бороться со всеми попытками поддержки этого восстания на Украине». Возмущенные представители большевиков вышли из состава Краевого комитета, а командование Киевского военного округа вовсе не вняло призыву УЦР подчиниться ему, арестовало присланных комитетом комиссаров и, оставив за собой, с согласия Малой рады, военную власть, разгромило городской Совет рабочих депутатов, чем вызвало в Киеве восстание. Взятое на себя штабом округа дело защиты свергнутого Временного правительства было обречено, но и у киевских большевиков не оказалось достаточных сил для победы. Лишь позднее при поддержке своих российских единомышленников они создали украинский советский центр в Харькове. Пока же власть досталась руководителям УЦР, правда, произошло это далеко не в атмосфере всеобщего

согласия, как они того желали, и их дальнейшие действия не отличались последовательностью.

В дни киевского восстания прошла очередная сессия УЦР. На ней Грушевский в докладе о выработке автономного статута Украины декларировал, что высшая власть должна принадлежать «Украинскому всенародному собранию», и тут же в чрезвычайном порядке — от имени III украинского войскового съезда — предложил немедленно определить государственный статус Украины. Малая рада уже после закрытия сессии УЦР, не дожидаясь созыва «Украинского всенародного собрания», на заседании 7 ноября 1917 г. в присутствии 47 своих членов 42-мя голосами приняла III универсал, провозгласивший образование Украинской народной республики (УНР). В нем вновь декларировались предоставленные Февральской революцией права и свободы, но не было определенных ответов на жгучие вопросы, стоявшие власти Временному правительству.

Самое глубокое недоумение вызывает противоречие между стремлением отгородиться государственными барьерами от разрушительных процессов извне при одновременном возвращении к федералистской платформе. «Не отделяясь от республики Российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы силами нашими помочь всей России, чтобы вся республика Российская стала федерацией равных и свободных народов», — говорилось в III универсале. В современной украинской историографии это противоречие объясняется инерцией следования в русле стратегии УЦР, приспособленной к настроениям Временного правительства. Но, может быть, у активистов национального движения и после падения этого правительства не было уверенности в том, что украинское общество созрело для разрыва с Россией? Так, в своем воззвании от 3 ноября ГС еще уверял граждан, что «всякие слухи и разговоры о сепаратизме, об отделении Украины от России — либо контрреволюционная провокация, либо обыкновенная обывательская неосведомленность». А возможно, кто-то из украинских лидеров и вправду рассчитывал дать «великой и обессиленной Республике России здоровье, силу и новую будущность», т. е. возглавить ее преобразование в соответствии с собственными представлениями?

Когда рушился фронт, Киев отказывался признать большевистский Совет народных комиссаров, чтобы вместе с ним вступить в переговоры

о мире, выдвигая условием создание федеративного правительства с участием, как и в УЦР, всех социалистических течений. Последнее было также запоздалым требованием и российских меньшевиков, и правых эсеров, уже проигравших большевикам в борьбе за власть. Среди сепаратистских же новообразований мало кто стремился в проектируемую Радой федерацию, и далеко не все они придерживались социалистической ориентации.

В частности, Донское войсковое правительство во главе с атаманом А. М. Калединым громило рабочие организации Донбасса, о чем Киев не раз оповещали в поисках защиты посланцы донецких горняков. Тем не менее, не обходя Дон в своих федералистских «однородно социалистических» инициативах, УЦР косвенным образом поддерживала военные усилия калединцев — пропускала с фронта верные им казачьи части и, напротив, препятствовала продвижению направлявшихся против Каледина советских отрядов, что вызвало вооруженный конфликт с УНР украинских и российских сторонников советской власти, который, по признанию Винниченко, превратился в «войну влияний» — чье влияние окажется сильнее.

Популярность УЦР в свое время росла при неможном Временном правительстве, пока украинские деятели критиковали его, практически не отвечая за государственные дела. Придя к власти в Киеве одновременно с большевиками в Петрограде, они предстали перед массами не поспевающими за событиями резонерами. Большевики поручили немедленное заключение перемирия полковым и дивизионным комитетам и этим сразу дали ощутить солдатским массам близость возвращения домой. Украинские же лидеры в III универсале все еще призывали «стоять твердо на своих позициях... на фронте», пока УЦР не добьется образования «однородно социалистического» центрального правительства и последнее не «заставит союзников и врагов» по всем правилам заключить мир.

Та же медлительность и половинчатость в аграрном вопросе. Земли сельскохозяйственного назначения крупных («нетрудовых») владельцев провозглашались в универсале собственностью всего трудового народа с туманным обещанием передачи их крестьянам без выкупа. Когда на пленум УЦР в декабре 1917 г. поступил законопроект, предусматривавший «трудоу норму» в 40 десятин, возмущению депутатов-крестьян не было предела. «Если мы скажем... в одних руках 40 десятин, то народ не призна-

ет ни Рады, никого... Да когда с фронта вернутся наши вояки, то они штыками своими промеряют эти 40 десятин», — заявили они политикам.

Вот почему в начале военного конфликта украинские «низы» отдали свои симпатии большевикам с их понятными и заманчивыми лозунгами. «Их перевес был в том, — писал позже Винниченко, — что все наши широкие массы солдат не оказывали им никакого сопротивления или даже переходили на их сторону, что почти все рабочие каждого города выступили за них, что в селах сельская беднота явно была большевистской, что, словом, огромное большинство именно украинского населения было против нас».

Последним ресурсом правительства УНР оставалась его международная деятельность. Представители УНР с опозданием прибыли на мирные переговоры в Брест-Литовск как часть российской делегации и сразу попали в фокус внимания австро-германских дипломатов, рассчитывавших за счет плодородной Украины решить обострившуюся продовольственную проблему. Еще важнее им было расколоть делегацию своих военных противников, что оказалось делом выполнимым. Украинским представителям, первоначально имевшим задачей лишь отстаивание территориальных интересов — присоединение Холмщины и Подляшья, а также постановку вопроса об автономии восточнославянских земель Австро-Венгрии, было предложено официальное признание УНР, но лишь после подписания отдельного мирного договора и полного разрыва с Россией.

В ночь на 12 января 1918 г. Малая рада, вновь не дожидаясь очередного пленума УЦР, приняла IV универсал, провозгласивший УНР «самостоятельным, ни от кого не зависимым, свободным суверенным государством», а 27 января делегация УНР подписала с представителями государств Четверного союза мирный договор и соглашение об огромных поставках продовольствия с Украины, после чего немцы предъявили советской делегации ультиматум, отклоненный Троцким с хорошо известными последствиями.

В день подписания делегацией УНР мирного договора советские отряды от имени харьковского украинского центра окончательно овладели Киевом, накануне оставленным членами ГС и Малой рады, так как большинство украинизированных частей не выступило в их защиту. Руководство УНР обратилось за военной помощью к своим новоявленным иностран-

ным партнерам, рассчитывая на присылку созданных ими формирований из военнопленных украинцев, а также галицийских и буковинских частей австро-венгерской армии. Однако в Берлине и Вене мало заботились о «сохранении лица» лидеров УЦР. В феврале 1918 г. 450-тысячная австро-германская армия вступила в пределы Украины, обеспечив властям УНР возвращение в Киев.

Решающую роль в дальнейшем разворачивании событий сыграл земельный вопрос. Принятый в январе 1918 г. с учетом настроений крестьянских «низов» закон о социализации земли вызвал недовольство не только крупных и средних собственников, но и австро-германской оккупационной администрации: намеченные преобразования вместе с продолжавшимся стихийным разделом помещичьих владений угрожали выполнению продовольственных поставок. Для предупреждения такой опасности и «оптимизации» своего контроля над Украиной оккупационное командование поддержало государственный переворот, установивший в апреле 1918 г. гетманскую власть бывшего царского генерала П. П. Скоропадского.

Б. И. Греков

Разговор об украинском аспекте внешней политики Германии в годы Первой мировой войны начну с напоминания о том, что курс Берлина тогда в значительной мере основывался на концепции «Срединной Европы», сформулированной канцлером Бетманом-Гольвегом в его «Сентябрьской программе» 1914 г., определявшей военные цели страны. Названная программа предполагала политическое, экономическое и военное объединение ряда европейских государств под эгидой Германии. В начале войны были сформулированы лишь общие принципы политики по отношению к России: «Россия должна быть, по возможности, максимально далеко отодвинута от германской границы. Ее господство над нерусскими народами должно быть сломлено».

Определенную роль в формировании внешней политики Германии по отношению к России сыграл меморандум российского социал-демократа А. Л. Парвуса-Гельфанда (март 1915 г.), предназначенный для германского правительства. Документ, в котором подчеркивалась идентичность задач российских революционеров и германских политиков, появился в удачный момент: русская армия тогда развивала успешное наступление

на позиции австрийцев в Галиции. Согласно меморандуму, привлечшему самое пристальное внимание германского МИД, политические радикалы, разжигая внутренние социальные и межнациональные противоречия Российской империи, могли бы ослабить ее активность на полях сражений.

Украинская политика Германии проводилась в рамках вышеназванных принципов. В марте 1916 г. в нейтральной Швейцарии была сконструирована и финансово поддержана «Лига нерусских народов России». Определяющую роль в украинском отделе Лиги играли уроженец Западной Украины Д. Донцов, организовавший в 1914 г. в Вене «Союз за освобождение Украины», а также В. Степанковский. Оба работали в постоянном контакте с германским послом в Швейцарии Ромбергом. Общась с многочисленными российскими эмигрантами в Швейцарии, а также журналистами Антанты, они передавали послу важную информацию, в том числе о деятельности Ленина и его окружения. Среди материалов Лиги сохранились многие документы о деятельности ленинцев в Швейцарии, имеется прошедшее через руки многих читателей ленинское сочинение «Империализм как высшая стадия капитализма», в котором автор назвал Украину колонией России, находятся материалы по проблеме самоопределения наций в России — этот большевистский лозунг был взят Лигой на вооружение.

Донцов и Степанковский были в числе тех, кто внушал Ромбергу идею об отправке ленинцев из Швейцарии через Германию в Россию. Сам государственный секретарь Ягов и его заместитель Циммерман, а также начальник политического отдела генерального штаба Надольный активно участвовали в разработке проекта революционизирования России, который пользовался поддержкой кайзера.

Тесную связь германской политики революционизирования по отношению к Российской империи в целом с видами на Украину иллюстрирует телеграмма Ягова германскому послу в Вене от 11 августа 1914 г.: «Революционирование не только Польши, но и Украины, — гласила она, — представляется нам весьма важным, поскольку: во-первых, это средство борьбы против России; во-вторых, это способ ослабить давление русского колосса на Европу и удалить Россию как можно далее на Восток; в-третьих, это возможность для Румынии получить впоследствии Бессарабию, что

осуществимо лишь при условии возникновения промежуточного государства между Румынией и Россией».

Идеей революционирования России интересовался и Лондон.

На запросы немцев о желательности контактов Лиги с англичанами Степанковский отвечал, что Англия будет обязательно поддерживать борьбу нерусских национальностей России, поскольку эта борьба ослабляет последнюю. В 1917 г. он работал уже не только на немцев, но и на англичан. В том же году по возвращении в Петроград он попал в тюрьму «Кресты», где познакомился с Троцким, который впоследствии принимал участие в его судьбе. После посещения Англии и Швейцарии в конце 1917 — начале 1918 г. Степанковский вернулся на Украину. Там интересы Донцова и Степанковского вошли в противоречие. Будучи сторонником Директории, Донцов собирал компромат на Степанковского, который симпатизировал Скоропадскому.

Впрочем, с весны 1918 г. Донцов играл на Украине значительно более видную роль, чем его бывший коллега. Выступая в качестве официального эксперта, в марте 1918 г. он подготовил для украинской делегации на мирных переговорах с Советской Россией важный документ «О границах Украинской Державы с политической точки зрения».

Согласно Донцову, III Универсал Центральной Рады предопределил сложности в отношениях с Россией, не включив Крым в число территорий, на которые претендовала Украина. Донцов полагал, что Россия не могла представлять на переговорах Крым, Белоруссию, Дон и Кубань, так как фактически весной 1918 г. эти регионы не входили в состав Советской России. По мысли Донцова, Украина должна была вести мирные переговоры с РСФСР, исходя из факта распада Российской империи на ряд самостоятельных государств. Он подчеркивал, что Украине следует видеть союзника не только в Германии, но также в Войске Донском и Кубани. В особенности союз с консервативным Доном являлся важнейшей задачей внешней политики Украины. «За этот союз, — писал Донцов, — Украина могла бы заплатить отказом от претензий на национальные окраины Войска Донского. Аннексия Украиной “Донщины” и Кубани была бы вредна и практически неосуществима».

В отношении Крыма украинская делегация, следуя рекомендациям Донцова, придерживалась другой точки зрения. Право Крыма на самооп-

ределение могло носить только культурно-национальный, но не политический характер. Культурно-национальная автономия предполагала, согласно Донцову, признание прав татарского населения Крыма. Вопрос о правах русского населения при этом не поднимался. Донцов считал обладание Крымом необходимым условием украинской независимости.

Советская делегация не признавала требований Украины, указывая на два обстоятельства: во-первых, РСФСР являлась правопреемницей Российской империи и, следовательно, могла вести переговоры от лица входивших ранее в Россию регионов, во-вторых, мирные переговоры в Бресте между Советской Россией и Германией интересующие украинскую сторону вопросы не затрагивали, а значит, они не должны обсуждаться и на переговорах РСФСР с оккупированной немцами Украиной.

На протяжении всей Первой мировой войны Германия использовала украинскую карту для давления на своего восточного противника. За широкой спиной германского союзника режим Скоропадского получил возможность предъявить Советской России ряд территориальных требований. Позиции Украины на переговорах с РСФСР усиливались необычайной заинтересованностью Берлина в поставках украинского продовольствия в Германию. Эти надежды немцев на Украину не сбылись: поставки продовольствия оттуда были весьма скромными. Окончательно планы Берлина в отношении Украины рухнули после военного поражения Германии.

Л. Б. Милякова

Рассмотрим решение проблем национальных меньшинств в процессе украинского государственного строительства. Провозгласив в Универсале от 10 июня 1917 г. автономию и одновременно прописав в нем положение о «державной нации на Украине», украинские лидеры оказались перед опасностью оттолкнуть от себя национальные меньшинства. Дело в том, что наиболее активное в общественно-политическом плане население Украины проживало в городах, где в 1917 г. неукраинцы составляли преобладающую долю населения: русские — 33,6% (в Киеве — 54,5%, а в Харькове — 62,8%), евреи — 25,2%, поляки — 2,9%, немцы — 2,2%.

В первые месяцы существования Центральной Рады вопрос о гарантиях прав национальных меньшинств ею не ставился. Их участие в органах управления Украины было закреплено на переговорах по настоянию деле-

гации Временного правительства. В подписанном 3 июля 1917 г. соглашении, в отличие от Универсала, говорилось о представительстве в высших органах власти автономии других национальностей для обеспечения «интересов всего населения». 30% мест в Центральной раде закреплялось за национальными меньшинствами — русскими, евреями, поляками.

Из российских партий наиболее сильным влиянием в Раде пользовались кадеты и эсеры. Из еврейских в ней были широко представлены социал-демократический Бунд, Объединенная партия еврейских социалистов (известна как Фарейнигте), а также Поалей-Цион, Сионистская партия и Народная партия, которая, наряду с Фарейнигте, являлась активным сторонником сотрудничества с украинцами. Польское меньшинство в Раде представляли ППС, ППС-левица, Польская демократическая Централья и эндецкий Польский исполнительный комитет на Руси.

В своем окончательном виде, с включением положения об образовании республики, III Универсал был предложен Раде украинскими лидерами совершенно неожиданно для партий наименьшинств, которые оказались перед необходимостью сдавать нечто вроде экзамена на верность «украинскому делу». Под давлением этих партий в новом Универсале было подчеркнуто, что украинское государство создается, «не отделяясь от российской республики и сохраняя ее единство», с тем чтобы она стала «федерацией равных и свободных народов».

Универсал налагал на украинский народ обязательство обеспечить свободу национального развития всех других проживающих на Украине народов и провозглашал их право на национально-персональную автономию, что означало возможность «самостоятельно обустроить свою национальную жизнь». Для проведения этого закона в жизнь в ГС был создан Секретариат межнациональных дел с тремя подразделениями — русским, еврейским и польским.

Следует отметить, что поддержка III Универсала той или иной национальной партией Рады не всегда была равносильна симпатии к украинскому государственному строительству соответствующей группы населения. Например, все еврейские партии голосовали за III Универсал, тогда как отношение еврейского населения в целом к самостоятельному курсу носило преимущественно негативный характер. «Необходимо признать, — писал в 1921 г. известный еврейский исследователь И. Чериковер, — что

украинская идея, несмотря на поддержку еврейских партий, не проникла в гущу еврейского населения. Помимо партий еще существовал простой обыватель, который чувствовал к украинскому освободительному движению вполне определенное недоверие, а в лучшем случае — равнодушие. Такое отношение проявлялось не только подсмеиванием над украинским языком и вывесками. На украинизацию он отвечал пассивным сопротивлением».

Провозглашенное III Универсалом равноправие национальностей на деле выливалось в украинизацию, затронувшую, в первую очередь, общественную жизнь, армию, местные органы управления. Уже в январе 1918 г. власти Киева издали распоряжение, согласно которому все поселившиеся в городе после 1 января 1915 г. подлежали выселению. Под действие этого распоряжения попало 3/4 еврейского населения, а также большая часть оказавшегося на Украине русского офицерства. Документы 1918—1919 гг. свидетельствуют, что в органах местного управления практиковалась замена украинцами представителей других национальностей. Однако самым важным являлось то, что молодое украинское государство не могло обеспечить национальным меньшинствам важнейшего права — права на жизнь. В погромах на Украине, в которых активное участие принимала армия УНР, погибли десятки тысяч евреев.

Доминирующие антиукраинские настроения еврейского и русского населения Украины не могли не влиять на политическую линию представлявших их партий. Когда развитие событий подвело лидеров Центральной рады к провозглашению 9 января 1918 г. в IV Универсале независимости Украины, между украинскими партиями и партиями национальных меньшинств в Раде произошел раскол. IV Универсал был принят исключительно украинскими голосами. Против голосовали российские меньшевики и бундовцы, а российские эсеры, поалей-ционисты, объединенные еврейские социалисты — воздержались. Надо заметить, что еврейские партии принимали активное участие в шедшей тогда разработке закона о национально-персональной автономии. Из представителей национальных меньшинств только один польский социалист (ППС) заявил о поддержке независимости Украины.

Отрицательное восприятие представителями национальных меньшинств IV Универсала негативно повлияло на межнациональные отноше-

ния. После прихода к власти на Украине в апреле 1918 г. гетмана Скоропадского закон о национально-персональной автономии был отменен как несовместимый со сложившейся в стране политической ситуацией. Было объявлено, что все граждане Украины равноправны независимо от своей национальности, а национальные привилегии могут только содействовать эскалации национальной борьбы, чего новый режим допустить не может. Таким образом, при гетмане законодательно утверждался примат общегражданских прав. В качестве положительной программы в решении проблемы меньшинств была обещана весьма неопределенная «помощь в соревновании национальностей».

Директория УНР, оказавшаяся у власти после антигетманского восстания в декабре 1918 г., восстановила закон о национально-персональной автономии и возобновила деятельность национальных министерств. Однако фактически была развернута деятельность только еврейского министерства, которое видело в данном законе возможность реализовать право своего народа на собственную культуру и язык. Речь шла о создании широкой сети начальных и средних школ, разных типов курсов и даже национального университета. Хотя формально министерство еврейских дел продолжало существовать, вскоре начатую работу пришлось свернуть — правительство Петлюры оставило Киев, начался период его скитаний по стране.

В целом в рассматриваемый период украинскому государству мало удалось сделать для обеспечения прав национальных меньшинств. Хотя сам факт принятия закона о национально-персональной автономии можно оценивать весьма высоко, реальная политика не соответствовала букве этого закона. УНР выступила продолжательницей имперских традиций, ставящих в привилегированное положение одни народы, в данном случае украинцев, и тем самым противопоставляющих их другим. Военно-политическая и социально-экономическая слабость УНР не оставляла шансов на длительное существование этого государства и корректировку ее национальной политики. Из национальных меньшинств только евреи стремились воспользоваться возможностями, которые предоставляло законодательство УНР. Но даже они, как русские и поляки, не желали радикального дистанцирования от России, опасаясь украинского национализма, с которым в полной мере столкнулись в процессе украинского государственного строительства.

А. В. Шубин

Многие обстоятельства истории Украины XX в. останутся непонятными без обращения к опыту Гражданской войны. То пространство, которое мы теперь называем Украиной, на грани веков имело неопределенные очертания. Этноты были перемешаны, этническое самосознание соперничало с социальным, и границы устанавливала сила оружия. Классическим примером этой неопределенности украинского пространства является южная часть левобережья Днепра (Приазовье), которая в 1917—1922 гг. была охвачена махновским движением. Это движение очевидно не являлось националистическим, но в какой степени оно являлось украинским национальным, в какой степени этот регион был частью Украины или России? Или он представлял собой своеобразную этно-территориальную общность, подобно Каталонии, где в 1936—1939 гг. в аналогичных социальных условиях также возникло массовое движение под анархистскими знаменами?

История этих мест связана с казачьей вольницей, с борьбой земледельческой и кочевой культур. Из этого обстоятельства иногда выводят и махновскую вольницу. Однако к началу XX в. от запорожского казачества остались одни воспоминания.

Полиэтничность — важная особенность региона, где попеременно существовали малороссийские, русские, немецкие, еврейские, греческие села и хутора. Языком межнационального общения был русский. Весьма показателен в этом отношении сам региональный лидер периода гражданской войны — Н. И. Махно (Михненко). Этнический украинец, он не говорил по-украински, но это не мешало ему заручиться поддержкой крестьян.

В Приазовье, в том числе и в Гуляй-поле, существовали организации украинских националистов, но с ними анархисты вели решительную политическую борьбу. Считая, что украинская государственность ничуть не лучше русской, II съезд Советов Гуляй-польского района в 1917 г. принял резолюцию «Смерть Центральной Раде». В начале 1918 г. победила сила — район остался за анархистами. Националисты сохраняли влияние севернее, но там они были разгромлены большевиками. Еще в меньшей степени можно говорить о принадлежности Украине Донбасса, где влияния Центральной Рады и Директории не прослеживается вовсе.

Махно был безусловным интернационалистом. Его концепция будущего общественного устройства основывалась на стирании границ, объедине-

нии ресурсов и трудовых усилий всех народов. Для понимания степени его национальной терпимости и особенностей национально-политической ситуации в регионе характерен такой эпизод. Готовя в условиях немецкого наступления 1918 г. переворот в Гуляй-поле, украинские националисты предприняли своеобразный маневр, начав шантажировать еврейскую общину угрозой погрома после прихода немцев. Чтобы предотвратить расправу, еврейская верхушка решила оказать содействие заклятым врагам, разоружив своих соплеменников, рота которых была сформирована при поддержке анархистов. В результате, когда немцы, тесня отряды левых эсеров, большевиков и анархистов, подходили к Днепру, несшая охрану Гуляй-поля еврейская рота в середине апреля совершила переворот в пользу украинских националистов и арестовала часть анархо-коммунистов. Одновременно отряд националистов внезапно напал на «вольный батальон» махновцев и разоружил его.

Хотя Махно лишился вооруженной силы и своей опорной базы, он менее всего был склонен винить в случившемся евреев. По его мнению, слух о «заговоре евреев» «в других местностях Украины безусловно вызвал бы погром и избиение невинных, всеми и вся гонимых в российской и украинской истории, не знавших до сих пор покоя бедных евреев». Понимая мотивы действий еврейской общины, восстановивший к осени 1918 г. свои силы Махно «убеждал крестьян и рабочих, что еврейские труженики, даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в ее контрреволюционном деле — сами осудят свой позорный акт». И действительно, бывший командир роты станет впоследствии одним из командиров махновской армии, а в ее составе в 1919 г. будет сформирована еврейская батарея.

Успех украинских националистов на левобережье в апреле 1918 г., когда они совместно с немцами развернули репрессии против тех анархистов, которые не успели уйти, оказался последним. Союз с немцами скомпрометировал националистов, и, проведя несколько удачных операций против германских подразделений и отрядов Скоропадского, Махно стал кумиром местных крестьян. После эвакуации оккупантов партизанская армия Махно без труда овладела регионом. Столкновения с петлюровцами в декабре 1918 г. и позднее происходили уже за Днепром.

Самостоятельная роль южного левобережья в Гражданской войне на Украине определялась, конечно, не одними объективными факторами, но

и ролью личности Махно. Будь Махно сторонником большевиков либо «белого дела», регион стал бы, соответственно, оплотом красных или белых — до тех пор, пока крестьянство не разочаруется в их политике и не выдвинет новых вожаков. Объективные факторы исключали включение Приазовья в орбиту украинской государственности — слишком велика была здесь роль русской культуры и слишком многоэтнично население. Народом-изгоем в рассматриваемом регионе являлись только немцы, создавшие зажиточные хуторские хозяйства, а не евреи, как на Правобережье.

Межэтнические отношения в регионе были совершенно несовместимы с поддержкой украинских режимов и «гайдамаков», имевших репутацию антисемитов, русофобов и германофилов. Если в отношении лидеров рождающейся украинской государственности подобные характеристики требуют корректировки, то в массе украинских националистов ксенофобия была распространена очень широко. Таким образом, Приазовье могло или находиться под контролем одного из русских правительств, или играть самостоятельную роль. Личный авторитет Махно и его приверженность анархическому учению привели к реализации второго варианта.

Очертания махновского района были следующими. Столицей и ядром движения являлось Гуляй-поле. На севере влияние движения таяло за пределами Екатеринославской губернии. На северо-западе борьба с петлюровцами в декабре 1918 г. шла за Екатеринослав. Перипетии войны привели к уходу петлюровцев далеко на запад, и в 1919 г. Махно борется за этот крупный город уже с белыми — иногда успешно. С запада границей влияния махновцев был Днепр. На юге махновцы в феврале 1919 г. доходят до Азовского моря и только в ходе наступления Деникина в середине 1919 г. теряют его побережье. В восточном направлении они достигли границ Донбасса, вели бои у Волновахи. В дальнейшем ареал действий махновцев расширился еще больше, но речь может идти лишь о рейдах, а не постоянном присутствии.

В российском контексте значение махновского движения очень велико, так как именно им был реализован (насколько это вообще возможно в условиях широкомасштабной Гражданской войны) демократический советский проект, стихийно выдвинутый массами в 1917 г. и сформулированный в лозунгах «Земля — крестьянам!», «Фабрики — рабочим!», «Власть — советам!». Большевики уже в 1918 г. заменили этот проект тоталитарной

системой «военного коммунизма». В той степени, в какой махновский эксперимент был важен для России, важен он и для Украины. Ведь украинская государственность еще только формировалась, и для части населения Украины последняя оставалась частью России. В украинских условиях решался вопрос не только об утверждении той или иной социально-политической модели, но и о том, быть ли Украине независимой. Поскольку альтернатива «независимость — советская власть» расколола самих украинцев, правильнее, на наш взгляд, говорить о гражданской, а не о национально-освободительной войне. Путь Украины лежал между украинским национальным вектором, который, в конечном счете, сыграл роль проводника польской экспансии на восток, и общероссийским влиянием, проводником которого выступило левобережье — регион, являвшийся тогда по существу частью России, хотя и своеобразной.

Махновцы не обладали ориентированным на независимость государственным сознанием. Резолюции их съездов обращены к общероссийскому (с включением Украины) и даже мировому контексту: «В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд... настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей и без бедняков». Как и рабочие Петрограда, крестьяне левобережья Днепра ощущали себя в эпицентре мировой революции.

В то же время махновцы были привязаны к своему району, поскольку именно здесь их военно-политическая структура укоренена в крестьянском и рабочем самоуправлении. За его пределами махновцы — всего лишь военная (армия или банда), а не социально-политическая сила. Когда в августе 1919 г. теснимые Деникиным большевики вынуждены были отступить с Украины, сражавшиеся под их командованием махновцы свергли большевистское руководство и вернулись к своему «батьке», незадолго до этого под давлением коммунистов подавшему в отставку. Бойцы не хотели уходить в Россию. И в 1919, и в 1921 г. переход на правобережье серьезно ослаблял махновцев. То была иная этно-социальная среда со своими ей настроениями.

Прекращение махновского движения не случайно совпало с подавлением других очагов сопротивления большевикам в 1921—1922 гг. Если Западная Украина оказалась под властью союзника Петлюры Пилсудского, днепровское левобережье развивалось в контексте российской революции, и исход этой революции predetermined судьбу региона, который при всем его этно-социальном своеобразии волею административных реорганизаций советских времен был отнесен к украинскому государству.

И. В. Мухутина

В сентябре 1918 г. правительство в Вене приняло за основу своей национальной политики декларированный главным образом применительно к Австро-Венгрии В. Вильсоном принцип самоопределения народов. В этой связи украинские галицийские деятели возобновили требование раздела Галиции по национальному признаку, к чему дополнительно подталкивала нежелательная для них перспектива присоединения провинции в целом к Королевству Польскому, образованному ранее по инициативе австро-германских оккупантов в польских губерниях Российской империи. 9 октября 1918 г. польская фракция венского парламента объявила о признании варшавского Регентского совета. «Наша дорога ведет не в Варшаву, а в Киев, а если кто захочет нас соединить с поляками, то разве что по нашим трупам», — заявили на это депутаты украинской фракции парламента.

18 октября была сформирована Украинская национальная рада во главе с лидером украинского парламентского представительства Е. Петрушевичем, в ее состав входили украинские депутаты Рейхсрата, галицийского и буковинского сеймов, а также представители политических партий. На следующий день Рада объявила об образовании на восточнославянских землях Галиции и Буковины Западноукраинской народной республики (ЗУНР). При этом предусматривалось включение во властные структуры представителей национальных меньшинств, а также направление самостоятельной делегации на предстоящую мирную конференцию. Провозглашение ЗУНР соответствовало сделанному тремя днями ранее заявлению имперского правительства о преобразовании монархии в «федеративное государство, в котором каждая нация образует свое собственное краевое государство», однако при обсуждении 31 октября на Совете министров

порядка передачи власти Украинской национальной раде такой принципиальный вопрос, как государственные границы, остался открытым.

Между тем в Кракове уже действовала Польская ликвидационная комиссия, призванная осуществить переход власти в Западной Галиции в польские руки, но при этом претендовавшая и на восточную ее часть. Польские органы власти должны были, по украинским данным, водвориться во Львове 1 ноября, в связи с чем Украинская национальная рада и Генеральный украинский войсковой комитет приказали выступить своим военизированным формированиям, а местным структурам — взять власть в поветах. К утру 1 ноября важнейшие объекты во Львове оказались заняты украинцами, после чего представители австрийского правительства официально передали власть Раде. 9 ноября образовалось первое правительство ЗУНР — Государственный секретариат. Пополнившись делегатами от поватов и городов Восточной Галиции, Рада приняла регламент временной администрации и судопроизводства.

Однако находившиеся во Львове польские вооруженные формирования уже 1 ноября оказали сопротивление украинской власти. В городе завязались бои. С утверждением польской государственности Варшава объявила мобилизацию. Польские части заняли населенную преимущественно украинцами Холмщину, начали наступление на Волынь, прибыли подкрепления и в Галицию. 11 ноября поляки овладели Перемышлем, 21 ноября — Львовом, учинив там жестокий еврейский погром.

Вопрос об объединении с гетманской Украиной возник еще в канун провозглашения ЗУНР, но остался тогда открытым. Западноукраинские политики, полагая, что послевоенный мир будет строиться по схеме Вильсона, ожидали безусловного международного признания выбора западных украинцев в пользу государственной самостоятельности, в то время как перспективы Большой Украины с гетманом во главе после краха австро-германского блока выглядели очень неопределенно.

Однако начало польско-украинской войны заставило лидеров ЗУНР все-таки искать поддержки Киева. Скоропадский обещал их посланцам вооружение, боеприпасы, обмундирование, денежные средства и продовольствие, а также полк настроенных против гетмана сечевых стрельцов, сформированный из бывших пленных галицийцев. Но обещанная помощь надолго задержалась, так как против самого Скоропадского назрело восста-

ние, подготовленное Украинским национальным союзом (С. В. Петлюра, В. К. Винниченко и др.). Сечевые стрельцы отказались оставить Поднепровье, решив, что борьба против гетмана за Киев важнее защиты Львова.

Новая делегация ЗУНР прибыла в Киев в момент отречения Скоропадского от власти и 14 декабря подписала предварительное соглашение уже с представителями повстанцев. Сменившая гетмана Директория направила ЗУНР почти все обещанное ранее. Бывшие царские офицеры и генералы выехали в Восточную Галицию на высшие командные должности в Украинской галицийской армии (УГА), превратившейся в войне с поляками в серьезную боеспособную силу. После сдачи Львова органы власти ЗУНР переместились в Тернополь, а затем — в Станислав (ныне Ивано-Франковск), где 3 января 1919 г. сессия Украинской национальной рады одобрила предварительный договор об объединении украинских государств.

22 января 1919 г. в Киеве состоялось провозглашение соборного государства, сохранившего название Украинская народная республика. ЗУНР, став официально Западной областью УНР, до предполагаемого созыва Учредительного собрания сохраняла самостоятельность действий и свою уже сформировавшуюся систему власти, оберегаемую от характерной для того времени социальной радикализации. Когда образованный на классовой основе Рабоче-крестьянский союз в конце марта потребовал пополнить Украинскую национальную раду 61 своим представителем, лидерам украинской галицийской социал-демократии удалось предотвратить этот, по их мнению, революционный шаг. Дело ограничилось принятием в апреле 1919 г. закона о земле, предусматривавшего после окончания войны национализацию помещичьих и церковных владений и распределение наделов через государственный земельный фонд по установленным властями ценам. Этому, как и назначенным на июнь 1919 г. выборам в сейм, не суждено было состояться.

УГА не удалось отвоевать Львов, но, опираясь на горячую поддержку населения, она контролировала всю остальную территорию Восточной Галиции. Миссии западных держав предлагали украинцам уступить часть этой территории Польше, в том числе главный экономический ресурс региона Бориславско-Дрогобычский нефтяной район, интересовавший не только поляков, но и Запад.

Международные посредники чаще всего действовали в пользу Польши — французские политики были заинтересованы в ее укреплении в качестве противовеса Германии на востоке. Неоднократное прекращение огня во время переговоров позволяло полякам подтянуть свежие силы. В марте военное счастье стало склоняться на их сторону, и, чтобы поставить Мирную конференцию в Париже перед свершившимся фактом, Варшава взяла курс на захват всей Восточной Галиции. Вслед за предпринятым в апреле крупномасштабным наступлением польские представители отклонили очередной вариант раздела Восточной Галиции, предложенный специальной комиссией Мирной конференции и принятый западноукраинской делегацией.

14 мая, после того как командующий УГА бывший полковник российской армии М. В. Омелянович-Павленко сообщил в Варшаву о прекращении военных действий для заключения перемирия, польские войска, основательно усиленные армией генерала Ю. Галлера (переправлена в Польшу из Франции с обязательством не участвовать в войне за Восточную Галицию), начали наступление по всему фронту, значительно потеснив УГА в Галиции и армию УНР на Волыни и в Подолии. С юга для установления польско-румынской границы вторглась румынская армия.

При этом лидеры мирной конференции в Париже слабо реагировали на действия поляков. Британский премьер еще упоминал о необходимости перемирия, французский же и итальянский представители под предлогом недопущения Красной Армии в Восточную Галицию фактически поощряли поляков к окончательной ее оккупации. В конце концов идеологические мотивы и соображения политической стратегии, а также определенные материальные интересы побудили лидеров западной демократии фактически отказать украинцам бывшей Австро-Венгрии в праве на самоопределение, хотя руководство ЗУНР в начале мая получило из вновь занятого большевиками Киева официальное заверение, что «рабоче-крестьянское правительство Украины отказывается от всяких военных операций на территории Восточно-Галицийской республики» при соблюдении взаимности.

25 июня высший орган конференции Совет четырех «уполномочил вооруженные силы Польской республики продолжать свои операции вплоть до реки Збруч», что окончательно развязало руки польскому командова-

нию. 15 июля УГА, лишённая пополнения боеприпасов, вынуждена была оставить Восточную Галицию и до осени 1919 г. совместно с войсками Директории действовала против Красной Армии на Украине.

В ноябре 1919 г. западные лидеры предложили Варшаве мандат на управление Восточной Галицией в течение 25 лет, отклоненный польским правительством, желавшим окончательного ее присоединения, что и было санкционировано Конференцией послов великих держав в марте 1923 г.

Ю. А. Лыбынцев

Особая судьба у западных белорусов, лишённых в составе Второй Речи Посполитой какого бы то ни было административно-территориального образования и в то же время испытывавших в становлении своего национального самосознания огромное влияние фактора существования БССР.

Границы проживания белорусского этноса, которые, собственно, и клялись в основу границ будущего белорусского государства, были достаточно точно определены Е. Ф. Карским. В отношении западной границы, в какой-то степени, учитывались прежняя пограничная черта между Великим княжеством Литовским и Польским королевством, а также недавнее административное деление Российской империи.

Деятели БНР в созданных ею комиссиях международных дел и стратегической достаточно детально разрабатывали вопрос о государственной границе, что нашло отражение в текстовых ее описаниях и на специальных картах. Западная граница БНР почти совпадала с границей, определенной в декабре 1918 г., накануне первого съезда большевиков Белоруссии, который вынес решение о провозглашении Западной коммуны «самостоятельной Советской Республикой Белоруссии».

Впрочем, существовал и ряд различий в подходах к западной границе. Едва ли не самое значительное из них — невключение в последнем случае в белорусскую территорию Вильны и ее окрестностей. Виленская проблема в дальнейшем приобретает все большую международную остроту, становясь предметом нескончаемых споров и конфликтов. В конце 1918 г. делегация БНР во главе с А. Цвикевичем, обращаясь к правительству «Австрии как... Великой славянской монархии» с просьбой о признании «самостоятельности Белорусской республики», отмечала: «На западе мы стоим за охрану всей территории Белоруссии там, где раздается белорусский

язык, с городом Вильной — нашей древней столицей... Вильно было не только нашей столицей, но воинственным центром и центром белорусского движения».

Подписанный при посредничестве представителей Лиги Наций Сувалкский договор 1920 г. между Польшей и Литвой оставлял Виленщину за последней, однако уже через день польской стороной был предпринят военный шаг к срыву подобной демаркации, подготовка к которому, по свидетельству начавшего тогда активно сотрудничать с польскими властями Б. Тарашкевича, велась и определенной частью белорусской национальной элиты. В результате Виленщина и значительная часть северо-западной Гродненщины составили территорию нового государственного образования Центральная Литва (*Litwa Środkowa*), официально закрепленного в начале 1922 г. после всевозможных дипломатических и политических манипуляций за Польшей. Среди руководства Центральной Литвы оказалось и несколько видных белорусских политиков. В условиях острейшей внутривосточной борьбы силами белорусских активистов были предприняты попытки создания собственной школьной сети, развернута работа по упрочению белорусских национально-культурных ориентиров как среди виленской интеллигенции, так и некоторой части сельских жителей.

Рижский мирный договор 1921 г., после заключения которого, собственно, и можно говорить о Западной Белоруссии как таковой, установил границу, существенно отличавшуюся от «линии Керзона». Деятели БНР и УНР восприняли данный акт как политический приговор своим республикам. Солидаризируясь с литовским правительством «в борьбе против польского империализма», руководство БНР объявило Рижский мир «империалистическим миром, прочность которого обратно пропорциональна национальному самосознанию народных масс Белоруссии и всех угнетенных народностей». Непризнанная делегация БНР в Риге делала попытки противодействовать разделу Белоруссии, подчеркивая, «что отдача Западной части Белоруссии произошла в результате войны, навязанной Польшею, и что границу между Белоруссией и Польшею должны установить обе эти стороны мирным путем».

Согласно Рижскому договору, «лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше» должны были иметь широкие права, обеспечивающие им свободное развитие культуры, языка и религиозных

убеждений. Однако уже опыт Центральной Литвы предвещал, что в действительности будет настойчиво осуществляться политика национального угнетения. Весьма показательна в этой связи динамика ликвидации белорусских школ, число которых через несколько лет уменьшилось на порядок, а к 1939 г. их практически не осталось вовсе. На «kresach wschodnich» — именно так в межвоенной Польше официально именовалась Западная Белоруссия и часть Западной Украины — с каждым годом все активнее подавлялись любые проявления белорусской национальной жизни. В итоге польские власти инспирировали массовое недовольство местного западнобелорусского населения, все чаще с нескрываемой надеждой смотревшего на восток. Тематика эта в СССР освещалась в прокоммунистическо-апологетическом ключе, а в Польше ее исследованию стали уделять внимание лишь в самые последние годы.

Согласно различным переписям, в межвоенной Польше насчитывалось около 2 млн белорусов, но это лишь очень приблизительные цифры. Многие сотни тысяч людей в Западной Белоруссии обладали в ту пору своеобразным локальным самосознанием, самую значительную группу среди них составляли так называемые «тутейшие» («местные»). Наряду с этническими группами полесского региона, белорусско-украинского, белорусско-польского, белорусско-литовского пограничья, их присутствие необычайно усложняло этнический ландшафт восточной части Второй Речи Посполитой. Свыше 90% белорусов занимались крестьянским трудом, причем практически все они были мелкими собственниками. Белорусов-рабочих в городах (наибольшая их концентрация отмечалась в Белостоке) было всего лишь несколько процентов. Согласно переписи 1931 г., в Вильно, фактической столице тогдашней Западной Белоруссии, проживало всего около 2 тыс. белорусов.

Усиливавшаяся колонизация, экономические проблемы, временами приводившие к массовому голоду и вооруженным выступлениям в Западной Белоруссии, постоянно ставили белорусов перед необходимостью самоорганизации. Западнобелорусская политическая жизнь была достаточно многообразной и изменчивой, однако главнейший ее постулат сводился к единению народа. Существование БССР, активно проводимая там белорусизация, экономические успехи СССР, не прекращавшаяся коммунистическая агитация извне в значительной мере определяли характер

западнобелорусского национального движения. Огромная часть западных белорусов в течение ряда лет находилась в глубине России в качестве беженцев и вернулась на родину только к началу 1920-х годов. В условиях нового государственного режима, делавшего их людьми второго сорта, они чувствовали себя чужими. Польская государственная пропаганда в отношении восточного соседа, антироссийская и антисоветская, воспринималась западными белорусами в основном весьма негативно и способствовала усилению их прокоммунистической ориентации.

Как пишет современный польский историк белорусского происхождения Е. Миронович, «каждый деятель, который оспаривал тогдашнюю польскую действительность, мог рассчитывать на поддержку белорусов. В двадцатые годы белорусскому эмигрантскому правительству в Ковно очень легко удалось организовать антипольское подполье на территории Белостокщины и Гродненщины. Многочисленные документы свидетельствуют, что люди тогда даже не очень интересовались тем, под какими лозунгами им предлагают бороться с польским государством, важнейшей для них была сама борьба. В середине двадцатых годов почти все оппозиционное движение перешло под контроль коммунистов, деятельность которых принимала временами характер активности религиозной секты. Пророссийскость бывших беженцев стала постоянными элементом их политического мышления. Хотя они понимали разницу между царской Россией и Советским Союзом, однако одну и вторую форму государственности воспринимали как альтернативу неприемлемой Польше. Идея независимой Белоруссии жила только в сознании деятелей некоммунистических организаций, но они не имели большого влияния на белорусское население».

Успех строительства БССР, куда бежали тысячи западных белорусов, преимущественно молодежь, повлиял и на эмигрантское правительство БНР во главе с А. Цвикевичем, которое в октябре 1925 г. в Берлине объявляет о прекращении своей деятельности «в осознании того, что власть крестьян и рабочих, упроченная в Минске — столице Советской Белоруссии, стремится возродить белорусский народ культурно, экономически и государственно, что Советская Беларусь является единственной реальной силой, которая может освободить Западную Беларусь от польского ига». Минск признается лидерами БНР «единственным центром национально-государственного возрождения Беларуси».

Чувство национально-культурного единства западных и восточных белорусов явилось одной из фундаментальных нациообразующих основ, и его укреплению в значительной степени способствовало именно их разделение. Почти все белорусские партии и общественные организации во Второй Речи Посполитой в качестве своей главной цели провозглашали объединение белорусских территорий, что совпадало с народными чаяниями по обе стороны границы. Однако реальный путь объединения смогла предложить только Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ) и контролируемые ей организации, в том числе массовая Громада.

Сейчас становится все более очевидным, что процессы в Западной Белоруссии в огромной степени управлялись с Востока. В БССР возникает целая сеть различных государственных организаций, связанных с работой в направлении Западной Белоруссии, в том числе сугубо научные подразделения типа Комиссии по изучению Западной Белоруссии при Президиуме АН БССР. В 1930-е годы, несмотря на изменение политической ситуации в БССР, в Западной Белоруссии во многом сохраняются прежние надежды. Этому способствуют и польские государственные власти, начавшие новый виток всевозможных репрессий против национальных меньшинств, представителей элит которых даже отправляют в специально для этого созданный концлагерь в Полесье Береза Картузская. Как пишет польский исследователь Е. Томашевский, «польские власти пытались приостановить развитие белорусского национального самосознания и принуждали белорусов к полонизации».

М. Ю. Досталь: Мне довелось изучать отчет Е. Ф. Карского о поездке в Западную Белоруссию и на Западную Украину. Он отмечал, что, по сравнению с восточными, западные белорусы живут очень зажиточно, причем за это свое наблюдение ученый поплатился: его обвинили в непатриотичности. Думается, что экономический фактор должен также приниматься во внимание при сопоставлениях. Можно ли говорить о том, что западные белорусы были более расположены к вхождению в Советскую Белоруссию, чем жители Галичины и Закарпатья в УССР?

Ю. А. Лабинцев: Не следует думать, что крестьянство было однородным. Как в Западной, так и в Восточной Белоруссии имелись крестьяне, обладавшие достаточным капиталом. Я говорил о крестьянской массе, девяноста процентах. Если при изучении движения не учитывать динамику

его социальной базы, придется ограничиваться немногочисленными элитами. Без обращения к крестьянскому материку мы в изучении процессов нациотворения далеко не продвинемся.

А. К. Кавко: Раздел этот на западных и восточных белорусов и поныне сохранился, хотя он не столь рельефен, как до 1939 г. Ностальгия по польским временам переходит из поколения в поколение. Надо различать начало 1920-х годов с разрухой и нищетой и последующий период — в общем-то политика Польского государства в этом регионе не вела к обнищанию. Отсюда массовое выселение в 1939—1940-х годах зажиточного середняцкого крестьянства.

Ю. А. Лабынцев: Если говорить о Западной Белоруссии, не учитывая беженского опыта в России и опыта возвращения в новые условия на родину, непонятно, почему без особой коммунистической агитации вдруг за коммунистами пошли в массовом порядке крестьяне. Из среды бывших беженцев вышли многие деятели белорусского движения.

Л. Е. Горизонтов: Влияла ли традиция ЗУНР на межвоенную ситуацию в Галичине?

И. В. Мухутина: Отчаяние западных украинцев в связи с гибелью ЗУНР, присоединением ее территории к Польше и невыполнением той обязательств в отношении автономного статуса края имело тяжкие последствия: радикализацию украинского национального движения, сильное развитие экстремистского крыла, практиковавшего террор, идейно и политически ориентированного на государства, в которых утвердился фашизм.

Л. Е. Горизонтов: Мы подошли к обсуждению национальной политики на украинских и белорусских землях, судьбе государственной идеи в 1920-е — начале 1930-х годов. Сегодня будет возможность специально рассмотреть ситуацию на Советской Украине и в Советской Белоруссии, в вошедших в состав Польского государства Волыни, Галичине и Западной Белоруссии, а также в чехословацком в то время Закарпатье.

Е. Ю. Борисенко

Предпринятое большевиками после их прихода к власти, социалистическое национальное строительство имело определяющее значение для

последующего этнополитического развития. Именно в это время были заложены многие элементы тех конфликтов, которые привели к распаду Советского Союза, да и сам распад произошел по тем границам, которые прочертили большевики в 1920-е годы.

Как известно, главным лозунгом большевистской партии в области национального вопроса было требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Это общедемократическое требование, сформулированное еще на II съезде РСДРП в 1903 г., являлось важным тактическим шагом большевиков, в немалой степени определившим их успехи во внутриполитической борьбе. При этом самоопределение рассматривалось Лениным как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному унитарному государству: «Мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожителства, что иногда больше связи получается после отделения! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма...» Право на самоопределение служило преодолению угнетения меньшинств и соединению классовых целей большевиков с национальными движениями. Так, еще в резолюции Апрельской конференции 1917 г. указывалось на необходимость рассматривать право наций на отделение с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата, а в январе 1918 г. на III съезде Советов И. В. Сталин уже говорил не о самоопределении наций вообще, а о самоопределении трудовых масс данной нации: «Принцип самоопределения должен быть средством борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма». Это положение было в дальнейшем дополнено тезисом о невозможности изолированного существования отдельных советских республик.

Эволюция важнейшего лозунга большевиков свидетельствует, с одной стороны, о большом потенциале национализма после падения самодержавного режима, а с другой — о желании большевиков сохранить геополитическое единство бывшей империи в новых условиях. Практическое решение вопроса об отделении тех или иных наций ориентировалось на удержание народов в общем государстве, а возникшие советские республики рассматривались лишь как переходный этап на пути к образованию такого государства.

Первые шаги в этом направлении делались уже осенью 1919 г., о чем свидетельствуют материалы заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 21 ноября. Касааясь государственного статуса УССР, Ленин настаивал не только на тесной федерации ее с РСФСР, но и на полном слиянии республик в недалеком будущем. Об этом свидетельствует предлагавшийся им проект резолюции: «До созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI.19 г. и ... в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России».

Однако сложившаяся на Украине политическая ситуация не позволила привести ленинский план в исполнение. Создание независимых на словах и полунезависимых на деле правительств в различных регионах страны обнаружило невозможность сохранения единого государственного пространства. Национал-сепаратистское движение на Украине, особенно в западной ее части, в годы революции было настолько велико, что не позволяло большевикам его игнорировать. Положение осложнялось тем, что Украина никогда до 1917 г. не составляла единого и обособленного политического организма, а попеременно и разными своими частями входила в состав соседних государств, что увеличивало роль внешнеполитического фактора в решении украинского вопроса. Кроме того, напряженная социальная ситуация в этом регионе требовала от большевиков принятия осторожных и взвешенных решений.

Между тем, единства среди большевиков на Украине не было. В 1917—1920 гг. Г. Л. Пятаков, А. С. Бубнов, К. Радек, придерживавшиеся «левых» убеждений, считали необходимым бороться против немцев за мировую революцию. «Большевики-украинцы» Н. А. Скрыпник и В. П. Затонский стремились к революции на Украине. Наконец, контролировавшим Донбасс «правым» во главе с И. А. Яковлевым был, по оценкам того времени, присущ «великорусский национализм». Если первые две группировки добивались относительной независимости Украины, то последняя выступала против нее и даже создала в начале 1918 г. на Донбассе собственную республику, состоявшую в тесном контакте с Москвой.

В этих условиях «украинский вопрос» требовал от сторонников Ленина постоянного и неусыпного контроля. Ленинская позиция основывалась на необходимости сохранения Украины как «плацдарма социализма», нейт-

рализации буржуазного влияния на крестьянство и придания советской власти на Украине национальной окраски.

Признавая неизбежность самостоятельного существования Украины, 6 января 1919 г. большевики провозгласили ее социалистической советской республикой. Требовалось очертить государство в пространственном отношении. Как известно, западная граница УССР была определена в ходе российско-польской войны 1920 г., вопрос же о границах Украины с другими советскими республиками стал предметом рассмотрения в 1919 г. 10 марта украинский Совнарком утвердил «Договор о границах с Российской Социалистической Советской Республикой», по которому фактически государственными признавались административные границы 9 бывших губерний (Киевская, Херсонская, Подольская, Волынская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Таврическая). В следующем году в состав Украины вошел также так называемый Донецкий округ.

Провозгласив при создании СССР принцип национально-территориального устройства государства, центральная власть должна была создать и соответствующую систему управления в республиках, реализовать которую на практике была призвана провозглашенная в 1923 г. политика коренизации.

Украинизация — одна из региональных версий коренизации — явилась ярким воплощением советской политики национального строительства. Направления украинизации соответствовали четырем основным признакам в сталинском определении нации: общность территории, языка, экономической жизни и психического склада, находившая отражение в особенностях национальной культуры.

Максимально подогнать границы УССР, очерченные в 1919—1921 гг., к этническим границам (по заключению российского этнолога С. В. Чешко, Сталин этнизировал нацию) должно было особое территориальное урегулирование 1924—1926 гг. Передача части российской территории (южных частей Курской, Брянской и Воронежской губерний) Украине стала возможной благодаря торжеству национального принципа в территориальном устройстве государства.

Изменив статус украинского языка, украинизация создала условия как для образования единого литературного языка, так и для овладения подавляющим большинством населения УССР письменным украинским. На ук-

раинском проводилась ликвидация неграмотности, на нем же основывалась снизу доверху система обучения — от начальной школы до высшей. На украинский язык переводились произведения русской и зарубежной классики, выросли количество и тираж украиноязычных периодических изданий. Интенсивно шел процесс становления украинской литературы и искусства.

Коренизация должна была выравнить экономический и социальный уровень наций. Решалась эта задача путем индустриализации и формирования «национальных отрядов рабочего класса». Раскрывая принципы советской коренизации, Сталин в 1923 г. обращал внимание на фактическое экономическое неравенство союзных республик и настаивал на том, чтобы в них «были устроены очаги промышленности». На Украине основное внимание уделялось Донецко-Днепровскому угольно-металлургическому комплексу, имевшему первостепенное значение для промышленности всего Союза: в начале 1930-х годов там производилось 70% общесоюзной добычи угля, железной руды и выработки чугуна и 63% производства стали. Темпы экономического роста на Украине весьма высоки, к 1940 г. промышленное производство там выросло в 7,3 раза по сравнению с показателями 1913 г. На фоне индустриального скачка украинизация привела к изменению этносоциального облика населения Украины. Если перепись 1926 г. в УССР показала низкий процент украинцев среди рабочего класса и служащих (урбанизация украинского населения достигала всего 11%), то к концу 1930-х годов положение в корне изменилось: численность украинцев среди рабочих достигла 66,1%, служащих — 56%.

Культурная революция растила национальную советскую интеллигенцию. Предполагалось использовать старые кадры, доказавшие свое лояльное отношение к власти, и воспитывать новое поколение украинских ученых, писателей, художников. Ярким представителем первой группы был М. С. Грушевский, вернувшийся из эмиграции в 1924 г. и активно работавший в Украинской Академии Наук. Молодое же поколение украинской интеллигенции (Н. Хвильевой, А. С. Курбас, М. Л. Бойчук, Г. И. Нарбут) пользовалось патронатом наиболее активной в плане проведения украинизации национально ориентированной части коммунистов. Большинство из этих коммунистов являлись выходцами из небольшевистских

партий (А. Я. Шумский, Г. Ф. Гринько, В. Блакитный и др.), причем до поры до времени на их неблагонадежное политическое прошлое в Москве смотрели сквозь пальцы.

Имея в виду усиление национальных моментов в партийном и государственном строительстве, украинизация способствовала выдвижению местных национальных кадров на руководящую работу, перевод деятельности аппарата на использование украинского языка. Если в 1920 г. численность украинцев среди коммунистов достигала всего 20,1%, то к 1940 г. украинцы составляли уже 63% членов КП(б)У. В ходе украинизации была заложена основа для формирования этнической, прежде всего партийно-политической, республиканской элиты. Национальная принадлежность стала одним из условий успешной карьеры. Складывалась национал-бюрократия, фактически монополизировавшая право на формирование низшего и среднего звена республиканского аппарата управления.

Однако украинизацию нельзя воспринимать упрощенно, как некое поступательное движение. Проводившаяся административными методами, она зависела от расстановки сил как в ЦК КП(б)У, так и ЦК РКП(б). Кроме того, она периодически подвергалась «корректировке» в зависимости от того, с каким уклоном боролись в тот или иной момент — с «украинским национализмом» или «великодержавным шовинизмом». На течение украинизации оказывала серьезное воздействие и все усиливавшаяся в стране централизация. Учитывая эти моменты, следует согласиться, что слова Скрыпника о «двойной бухгалтерии» Москвы в национальном вопросе были вполне обоснованы.

Итак, политика большевиков существенно изменила облик Украины и в социальном, и в культурном, и в экономическом планах. Сознательно противопоставляя политику украинизации национальной политике царского правительства на Украине, большевики способствовали созданию прочной базы для развития украинской культуры, что объективно приводило к вытеснению культуры русской. Успехи украинизации были налицо, она самым существенным образом повлияла на ход становления украинской нации. Однако уже в начале 1930-х годов изменения в курсе правящей партии, связанные с усилением централизаторских тенденций, привели сначала к формализации, а затем и к сворачиванию украинизации.

О. А. Остапчук

Социолингвистический термин «языковая ситуация» определяет, какие языки или формы одного языка функционируют в конкретный период времени в определенном обществе, каков характер их распределения по сферам употребления и формам коммуникации (общение устное и письменное, официальное и неформальное). При описании языковой ситуации учитывается также отношение к ней тех, кто участвует в ее формировании.

Для всех украинских земель, оказавшихся в составе СССР, Польши, Румынии, Чехословакии, языковая ситуация не была монолингвальной. Длительное существование украинских земель в рамках имперских образований с присущей им языковой политикой, закреплённый официально низкий лингвистический статус украинского языка привели к распространению в практике употребления и языковом сознании модели билингвального и трилингвального языкового поведения с тенденцией к строгому распределению языков по сферам.

Наиболее неблагоприятной в этом смысле была ситуация в Российской империи, где долгое время действовали формальные ограничения на употребление «малороссийского наречия», оставлявшие украинскому языку преимущественно сферу неофициального повседневного общения в низших социальных слоях при доминировании русского языка во всех прочих функциях и сферах общения. Даже формальное объявление «малороссийского наречия» самостоятельным языком на волне революции 1905—1907 гг. не означало значительного повышения его статуса ни в элитарных, ни в более широких кругах. В 1905 г. насчитывалось 7 периодических украинских изданий, в 1906 г. — 32, в 1907 г. — 11, в 1908 г. — 9, в 1911 — 14.

Несколько иной видится языковая ситуация в Австро-Венгрии, где украинский язык допускался в сферу публичной коммуникации, активно использовался в общественной полемике и прессе (хотя и здесь максимальное число периодических изданий (59 в 1911 г.) в 1914 г. сократилось до 16 наименований). Присутствовал он и в сфере образования, однако украинской была лишь начальная школа. Социальная база украинского языка оставалась довольно ограниченной ввиду распространения польско-украинского и украинско-венгерского билингвизма во всех высших коммуникативных функциях.

Описанная ситуация не могла не оказывать влияния на характер внутриязыкового развития. Украинский литературный стандарт на базе живого разговорного языка, создаваемый с начала XIX в. в литературных произведениях и закрепляемый в грамматиках и словарях, в силу тенденции к этнографизму существовал в нескольких довольно сильно отличавшихся вариантах, среди которых наиболее авторитетными были «киевский» и «галицкий», названные так довольно условно, поскольку из-за отсутствия общепринятых норм фиксация диалектных и узкорегиональных форм оставалась повсеместным явлением. Огромным успехом в деле кодификации новых литературных норм стало издание в 1907—1909 гг. под редакцией Б. Гринченко словаря, занявшего промежуточное место между переводным и толковым словарем. Однако в целом отсутствие единых норм языка, закрепленных в грамматиках и словарях, региональная вариативность украинского и затруднительность консенсуса в среде интеллигенции относительно допустимости в общелитературном языке локальных (в первую очередь галицких) черт, неразработанность целого ряда пластов языка (научной терминологии, а в ряде регионов — разговорного стандарта) исключали возможность его реальной конкуренции с русским, польским и венгерским языками.

Помимо кодификации народно-разговорного языка Среднего Поднепровья продолжалась реализация других проектов литературного языка для украинцев. В рассматриваемый период из сферы культурной коммуникации не исключены ни «язычие», представлявшее собой попытку совмещения принципов формирования литературного языка на книжной и разговорной основах, ни другие языки (русский, польский, венгерский, немецкий), ни языки на более узкой диалектной основе (например язык части украинцев Подкарпатской Руси).

Толчком к качественному изменению языковой ситуации послужили политические события и усиление роли национального фактора. Сдвиги фиксируются почти сразу после Февральской революции. В 1917 г. количество периодических изданий на украинском языке вырастает до 106, а через год их уже 218, правда, это число к 1922 г. уменьшается до 43 (динамика в бывших австрийских владениях иная — рост с 21 в 1917 до 68 в 1922 г.). Однако сравнение этих показателей со статистикой русскоязычных изданий, дающее преобладание русскоязычной периодики в 1917 г.

почти в 7 раз, в 1919 всего в 1,5 и в 1922 г. вновь более чем в 5 раз, показывает, что общая динамика и модель функционирования языков меняются мало. Такое положение дел наблюдалось и в системе образования: в 1921 г. 63% начальных, в основном сельских, школ были украинскими, высшая же школа оставалась почти полностью русскоязычной.

Принципиально важно то, что окончательно оформляются языковые предпочтения: главным становится создание единого стандарта литературного языка на базе центральноукраинских говоров с учетом галицкой культурно-литературной практики. Впрочем, уровень кодификации литературных норм в первые послереволюционные годы продолжал быть довольно невысоким. За 1920—1924 гг. издается всего 13 грамматик и 15 словарей, что следует признать в сложившейся ситуации явно недостаточным. Таким образом, к началу украинизации сохранялась модель русско-украинского билингвизма с тенденцией к диглоссии при довольно низкой престижности и ограниченной социальной базе украинского языка.

Политика украинизации стала самым масштабным языковым экспериментом, продемонстрировав возможности активного воздействия на языковые процессы, причем как внешние, связанные с функционированием языков, так и внутренние, затрагивающие глубинные основы языка. Принято выделять три этапа языковой политики. На первом происходит определение целей и задач, что находит выражение в выработке государственной концепции этнополитики и языковой политики, призванной изменить языковую ситуацию как ее составляющую. Вторым этапом выступает подготовка к осуществлению поставленных целей, принятие регламентирующих правовых документов. Именно тогда властями принимаются решения по поводу сохранения, расширения или ограничения сфер использования того или иного языка. На заключительном этапе языковая политика воплощается в конкретных мерах, направленных на то, чтобы заставить или убедить население руководствоваться нововведениями. Говорящие могут принять последние полностью, частично или совсем их не принимать. Степень принятия государственных канонов позволяет оценивать эффективность и перспективность данной языковой политики.

Особенность советской политики украинизации состояла в предельном сокращении времени реализации первых двух этапов языковой политики, а также в ее масштабности и радикальности. Тесная привязка к идеологи-

ческой составляющей (внедрение социалистической идеи в национальных формах) предопределила судьбу украинизации: смена политического курса привела к свертыванию мер по изменению принципов функционирования языков.

К 1924 г. политически декларированное равенство языков приобретает форму государственной поддержки «национальных» языков в сфере публичной коммуникации, вылившейся в комплекс мер, главным образом административного характера, по насаждению украинского языка в государственном аппарате и использованию его в культурной жизни в широком смысле. Практические меры украинизации сводились к переводу на украинский язык делопроизводства, начальной школы, прессы, книгоиздания, а также к дерусификации крупных городов. Все это непосредственным образом повлияло на соотношение языков в коммуникативной сфере, что демонстрирует приводимая таблица (скобки в ней обозначают ограниченное функционирование языка):

	Украинский язык	Русский язык
Официально-деловая сфера	+	(+)
Политический дискурс	+	+
Армия	-	+
Народное хозяйство	(+)	+
Образование, наука	+	(+)
Культура	+	(+)
Церковь	+	(+)
Периодическая печать	+	+
Неофициальное общение	+	+

Расширилось число пассивных и активных носителей украинского языка среди русскоязычного населения, изменилось и ролевое соотношение

языков. По крайней мере в официальной сфере и публичном общении происходило выравнивание статусов языков, хотя социальная и территориальная неоднородность языкового континуума не позволила реализовать эту тенденцию до конца: украинский язык остался по преимуществу языком села и интеллигенции центральных регионов. Сыграл свою роль и психологический фактор отторжения, поскольку присущий украинизации элемент искусственности и насильственности (чиновники госаппарата обязаны были сдать экзамен на знание языка, в вузы принимали только тех, кто владел украинским) не мог не вызвать враждебного к ней отношения и не способствовал появлению внутренней мотивации к овладению украинским языком. Ситуация в повседневном неформальном общении, которая является наиболее объективным показателем динамики языковых процессов, изменилась незначительно. Украинский язык функционировал преимущественно в письменной форме коммуникации, в то время как в устном общении он не всегда мог составить реальную конкуренцию русскому языку.

В языковом сознании не удалось преодолеть стереотипов, связанных с традиционной низкой престижностью украинского языка. Показательна в этом отношении крайне отрицательная реакция М. Горького на предложение перевести его роман «Мать» на украинский язык: «Мне кажется, что перевод этой повести на украинское наречие... не нужен. Меня удивляет тот факт, что... не только утверждают различие наречий — стремятся сделать наречие языком — но еще и угнетают тех великороссов, которые оказались в меньшинстве на территории данного наречия».

Противоречивые результаты «внешнего» аспекта украинизаторской языковой политики предопределили быстроту ее свертывания в 1930-е годы. Отказ от украинизации означал постепенный возврат к модели диглоссии: русский получал престиж во всех сферах коммуникации, являясь языком высокой культуры, науки, образования, пропаганды, а также языком повседневного общения в городах. Украинский язык, не утрачивая своих репрезентативных функций (на украинском оформлялись вывески в учреждениях, в стенах которых говорили преимущественно по-русски, или печати, которые ставились под написанными на русском документах), сохранялся преимущественно в сфере художественной литературы и гу-

манитарных наук, прежде всего филологической и исторической, а также бытового языка повседневного общения в сельской местности.

Весьма внушительными оказались результаты целенаправленного воздействия на внутриязыковые процессы, вылившиеся в усилия по кодификации литературных норм. К крупнейшим новациям в этой сфере следует отнести разработку единой системы орфографии, принятой после бурного обсуждения на Правописной конференции в 1927 г. То, что предпочтение отдавалось компромиссному варианту орфографии, сочетавшему киевскую и галицкую литературные традиции (главным образом это касалось передачи *л* и *ль*, *г* и *г* в заимствованных словах), означало признание западной диалектной базы в качестве равноправной составляющей при создании языкового стандарта (хотя, как верно замечает Ю. Шевелев, провозглашенные орфографические правила были нереализуемыми на практике).

Характерной чертой внутрисистемного развития украинского языка являлась открытая пуристская тенденция, которая выражалась в активном словотворчестве на базе исконных элементов, освоенных заимствований и актуализации архаизмов. Особенно ярко этот аспект языковой политики проявился в деятельности республиканской Академии наук (в первую очередь, открытого в 1921 г. Института украинского научного языка), направленной на разработку научной терминологии и создание специальных словарей. В ходе этой работы особо обсуждалась возможность и целесообразность заимствования терминологии, необходимость максимального использования собственных ресурсов языка. В рассматриваемый период были заложены научные основы современной украинской лексикографии, а число изданных тогда терминологических словарей достигло полусотни.

Свертывание политики украинизации означало не только репрессии против конкретных участников языкотворческого процесса, но и прекращение словарной работы, изменение источника заимствований, сокращение диалектной базы и числа галицизмов, отказ от пуризма, неологизмов и архаизмов, запрет ряда орфографических норм. Однако достигнутый в годы украинизации уровень кодификации украинского языка позволил и дальше развивать его литературный стандарт, пусть в существенно сокращенной коммуникативной среде и не на всей языковой территории.

М. А. Робинсон

Обретение украинцами и белорусами различных форм национальной государственности после 1917 г., окончательно утвердившейся в виде советских республик, появление национальной украинской и белорусской политики в области культуры и науки не могли оставить равнодушными представителей русской науки, и, прежде всего, славистов.

Представление о единстве всех ветвей русского народа было общим научным и политическим убеждением, разделявшимся в русской научной среде как консервативными, так и либеральными ее представители. А. А. Шахматов воспринял события новой «Смуты» как осуществление худших своих предчувствий и даже крушение либеральных убеждений. Летом 1917 г. он писал А. Ф. Кони: «Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России... Наши социалисты, а в числе них даже Керенский, попали на удочку Грушевского и одобрили то, что им, как государственнымникам, должно было претить». «Пропала Россия! — вот мой малодушный вывод, — писал он, упоминая об украинском вопросе, другому корреспонденту. — И как ужасен вывод этот для нас, которые в перемене правительственной системы видели и искали спасения России».

С полным пониманием и сочувствием относился Шахматов к деятельности В. И. Вернадского — первого президента созданной на Украине Академии наук, который выступал против разрыва с русской академической наукой и представлял Академию как «объединение украинцев, работающих в украинском возрождении, но любящих русскую культуру, для них тоже родную». «Мне это единство (восточных славян. — М. Р.), — откликнулся Шахматов, — было всегда дороже всего, так как за его разрушением я вижу гибель для великороссов и рабское состояние для малороссов». Очень живо Шахматов реагировал на информацию об антирусских настроениях, проявлявшихся в разных областях общественной жизни Украины, находя им объяснение в отношении к большевизму. В 1919 г. Шахматов предполагал расширить Отделение русского языка и словесности, в частности, за счет украинско-белорусской этнографии, малороссийского языка и литературы.

Свой отказ в 1928 г. быть избранным в действительные члены Украинской АН Г. А. Ильинский, чья позиция в украинском вопросе была «ни в

коем случае не левее взглядов на этот счет А. А. Шахматова», объяснял, не оставляя сомнений в своем отношении к направлению научной жизни на Украине: «Мое положение там было бы крайне фальшивое. Я — чистейший великорус, практически украинским языком не владею и — главное, — несмотря на тяжкие испытания последних лет, свято продолжаю верить в великое будущее общерусс[кого] литер[атурного] языка не только в вост[очно]-слав[янском] мире, но и во всем прочем. Мое пребывание в Киеве было бы поистине похмельем в чужом пиру!»

В то же время наличие специалистов по украинскому языку и словесности объяснялось многолетней деятельностью киевского Семинария академика В. Н. Перетца, ученики которого (в их числе И. И. Огиенко) были вхожи в украинские круги. После некоторых колебаний Перетц принял избрание в ВУАН и стал ревностным сторонником взаимодействия и сотрудничества российской Академии с украинской. Иная кадровая ситуация сложилась в области преподавания истории, а также в других городах, например в университетском Харькове.

В русле украинизации и вытеснения русского образования еще до окончательного утверждения советской власти возникали радикальные проекты, грозившие подорвать традиции университетского образования. Важнейшим политическим мероприятием государственных образований явилось введение национальных языков в сферу культуры и науки. Правила Украинской академии наук требовали публикации ее материалов только на украинском языке, что усложняло работу многих исследователей, искавших возможность опубликовать свои работы на Украине. Некоторые из них, в силу языкового и психологического барьера, отказывались от работы на Украине, как это было с преподававшим в Харькове Д. К. Елениным, который в середине 1920-х годов перебрался в Россию. В письме Соболевскому он сообщал, что «в Харькове украинцы, чтобы убрать меня с крупных должностей, обвиняли меня в газетах в антимарксизме».

Также живший в Харькове академик В. П. Бузескул жаловался Б. М. Ляпунову летом 1925 г.: «Опять, говорят, происходит ломка программ в ИНО (Институт народного образования. — *М. Р.*); историю еще больше калечат, сокращают, русскую соединяют с всеобщей (XIX и нач. XX в.) и т[ому] под[обное], украинизация за последние 2 месяца заметно усилилась в ведомстве «просвіты». Поговаривают уже о том, что вскоре и лекции должны

будто бы читаться на украинском языке ...Когда приходишь в «Наркоматъ», слышишь усиленное употребление украинского, вернее — галицкого наречия». «В Академии царит украинство, — сообщал Бузескул позднее, — но я читал свои доклады, конечно, на русском яз[ыке]. Работа в Академии — по изучению Украины с разных сторон — ведется энергично, живо, с любовью к делу. Самый же город Киев производит теперь впечатление города русского, — более русского, чем Москва или Харьков».

Заметим, что особое внимание к украинскому языку, его преподаванию и изучению, имело неожиданно положительные последствия в преподавании других славянских языков. Кстати, А. И. Томсон, отличавшийся до 1917 г. весьма консервативными политическими взглядами, но все более профессионально занимавшийся украинистикой, со временем вполне прижился на новой Украине (в Одессе). «Думаю, — писал он своим русским коллегам, — что окончу здесь свои дни в качестве украинского батька». К началу 1930-х годов, когда «новое учение о языке» Марра было объявлено марксистским языкознанием, только возможность преподавания украинского языка некоторое время удерживала Томсона от выхода в отставку.

Ученые, активно работавшие в обеих академиях, имели возможность сравнивать положение своей науки в их стенах; в этой связи отмечалось особое внимание УАН к гуманитарным наукам, без сомнения, вызванное интересом к истории и культуре Украины. Не сумев опубликовать свой труд в России, Перетц согласился на его украинское издание («“Слово о полку Игоревім”. Пам'ятка феодальної України — Руси XII віку» (1926)). При этом он сетовал на сужение круга читателей и несовершенный украинский перевод с чрезмерными, по его словам, «сентиментальностям» («певнісінський, недавнечко»). «Я бы предпочел “галицкий”», — писал Перетц Сперанскому.

Также обращая в отзыве внимание на излишества уменьшительных форм, П. А. Лавров считал иначе: «Лучше бы им держаться большей к нашему близости». Прошло менее двух лет, и обстоятельства заставили самого Лаврова опубликовать в украинском переводе свой труд «Кирило та Методій в давньослов'янської письменстві». Характерно, что и Перетц, и Лавров мечтали о русскоязычном переиздании своих трудов, но этого не произошло.

Несмотря на весьма настороженное отношение русских ученых-славистов к процессам украинизации, они шли на сотрудничество с УАН и, признавая за некоторыми ее членами серьезные научные заслуги, выдвигали их на академических выборах в АН СССР. Так, деятельность М. С. Грушевского после его возвращения из эмиграции была встречена вполне доброжелательно. Со своей стороны, Грушевский приглашал к сотрудничеству многих ученых Ленинграда и Москвы. В русской академической элите почти сразу же возникла идея включить ученого в состав АН СССР в качестве члена-корреспондента, а в 1929 г. он был избран ее действительным членом. За кандидатуру Грушевского хлопотали, в частности, С. Ф. Платонов и Е. Ф. Карский.

В дальнейшей весьма активной деятельности Грушевского стали все больше заметны нетерпимость, склонность к конфликтам и проявления национализма. Тем не менее, когда в конце 1920 — начале 1930-х годов на Украине развернулось искоренение национально ориентированной интеллигенции, русские ученые с искренним сочувствием отнеслись к гонимым украинским коллегам. Среди последних оказался и Грушевский, «который переселился на время в Москву, спасаясь от начавшейся в Киеве травли», как писал об этом Г. А. Ильинский. Он был принят в общество московских славистов, стал постоянным посетителем открытых понедельников у Сперанского. Время усиливавшегося идеологического и административного преследования академической науки сближало всех так или иначе пострадавших от властей членов научного сообщества, независимо от их научных и идейных разногласий, в том числе также национальных предпочтений.

С. В. Ольховский

В контексте нашего обсуждения заслуживает внимания национальная политика межвоенной Польши на Воляни. К моменту обретения независимости в Польше имелись две основные концепции решения национального вопроса. Социалисты и Ю. Пилсудский выступали за восстановление в этнографических границах польского государства, связанного федеративными узами с Литвой и Белоруссией, а в перспективе также с Украиной. Судьбу федерации, в соответствии с принципом права наций

на самоопределение, должно было решить свободное волеизъявление народов. Эндения во главе с Р. Дмовским выступала за безусловный приоритет польской нации как единственного хозяина государства, ускорение процесса ассимиляции, борьбу не только с сепаратистами, но и с меньшинствами как таковыми. Эндеки исходили из того, что в Польше нет единой проблемы национальных меньшинств, но имеется несколько национальных вопросов, каждый из которых должен решаться отдельно и специфическими методами.

В период до 1926 г. политический курс, направленный на ослабление роли меньшинств и усиление польского характера государства, проводило лишь сформированное в мае 1923 г. правоцентристское правительство В. Витоса. Стремление к компромиссу обнаруживал внепарламентский кабинет В. Грабского, допускавший уступки лояльным Польше национальным меньшинствам, но при этом считавший своей главной целью национальную ассимиляцию восточных воеводств.

Майский переворот 1926 г. открыл новый этап в политической истории страны. Не выработав единой модели национальной политики, пилсудчики выступали за государственную ассимиляцию: гарантировали меньшинствам национальное развитие, но при обязательном условии их лояльности и ответственности за судьбу государства. Реализация варшавских концепций неизбежно сталкивалась с реалиями восточных воеводств, сильно различавшихся по уровню национального самосознания населения. Местная администрация нередко была вынуждена корректировать указания правительства с учетом своих реальных возможностей воздействия на население.

Создание польской администрации на Воляни, в основном завершившееся к концу 1922 г., столкнулось с серьезными трудностями. Прекращение военных действий осенью 1920 г. не привело к общественно-политической стабилизации, так как местные украинцы недружелюбно отнеслись к новой власти и зачастую брались за оружие. Угроза польским учреждениям, переселенцам и имениям была вполне реальна даже в 1925 г. Ситуация изменилась лишь после создания сети застав Корпуса охраны пограничья. Принимая во внимание, что с 1921 по 1926 г. на Воляни сменились 7 воевод, проводивших различную политику, говорить о какой-то преемственности власти не приходится.

Местные польские помещики, которые на заре независимости приложили максимум усилий для присоединения Волыни к Польше, быстро разочаровались в проводимой Варшавой политике и отказались от участия в администрации. Ведущие посты заняли люди, прибывшие извне, а сама администрация не пользовалась поддержкой ни одной из влиятельных местных общественных групп. Ситуация усугубилась тем, что большинство чиновников, прибывших на Волынь, не понимали специфики региона и не знали украинского языка.

Хотя более 80% жителей воеводства составляли неполяки, административный аппарат практически полностью был польским. Для представителей иных национальностей оставались недоступными управленческие должности на железнодорожном транспорте и в связи, в школах преподавали около 1300 поляков и лишь 800 православных. Местная интеллигенция была представлена служащими дореволюционной администрации, в основном русскими и поляками, оставшимися на Волыни после распада Российской империи. Подавляющая часть населения жила в традиционных сельских обществах и имела весьма ограниченные контакты с внешним миром.

Используя права, предоставленные национальным меньшинствам Конституцией 1921 г., на выборах 1922 г. в Сейм и Сенат волынские украинцы в составе Блока национальных меньшинств завоевали 12 депутатских и 5 сенаторских мандатов и развернули деятельность по созданию сети украинских культурных, общественных и политических организаций.

Необходимым условием для возможно более полной интеграции Волыни в состав Польши считалось повышение уровня просвещения, так как школа была единственным институтом, способным познакомить местное население с государственным языком и убедить в выгодах польского гражданства. Созданное в 1922 г. Управление учебного округа приняло под свою опеку 658 школ, из них 395 польских и 233 украинские. В 1923/1924 уч. г. действовало уже 1086 государственных начальных школ (672 польских и 289 украинских).

Принятие в 1924 г. закона о языке, согласно которому язык обучения в школе определялся опросом родителей, стало предлогом для ликвидации украинских школ. В июне 1925 г. воевода А. Дембский, один из лиде-

ров эндеции, высказался за замену украинских школ двуязычными, что и было реализовано — вскоре количество чисто украинских школ сократилось до 7, да и двуязычность нередко находилась под вопросом.

После майского переворота 1926 г. кадровая стабилизация привела к значительному улучшению работы управленческого аппарата. Дембского на воеводском посту заменил В. Мех, выступавший за изоляцию украинцев от политиков, не способных помочь решению проблем Волыни, слияние последней с Польшей путем реализации экономических и культурных требований украинцев. Одним из ярких жестов воеводы явилось введение 28 июля 1927 г. в государственных гимназиях Волыни украинского языка как обязательного предмета обучения, что вызвало значительные волнения среди части польского населения и армии. Достижением Меха было установление контактов с умеренными украинскими силами, готовыми сотрудничать с государственной администрацией, — Украинской народной партией и Партией украинского народного единства. Впрочем, к 1927 г. названные организации сходят с политической сцены.

Одновременно проводилось пресечение любых форм сепаратизма, в связи с чем главными противниками администрация считала нелегальные Коммунистическую партию Западной Украины и Организацию украинских националистов (ОУН). Первый крупный политический процесс закончился в феврале 1927 г.: 124 человека, обвиненные в подготовке восстания, были осуждены на длительные сроки заключения.

Больше всего критики в адрес Меха вызвали проведенные в 1927 г. первые выборы в органы самоуправления всех уровней, победу на которых одержали украинские группировки, в том числе прокоммунистический Сель-Роб. Военные, чей авторитет на Волыни после 1926 г. был особенно высок, обвиняли администрацию в пассивности во время избирательной кампании и безразличии к нуждам местной польской общественности.

На парламентских выборах 1928 г. политически лояльные украинцы избирались по спискам Беспартийного блока сотрудничества с правительством. Мех выступил за ограничение их доступа в парламент, но Варшава высказалась за соблюдение равных возможностей. Присутствие умеренных украинских политиков в Сейме произвело большое впечатление на население Волыни. Украинские делегаты применяли тактику «да, но», поддер-

живая все инициативы польского правительства с непременным напоминанием о проблемах украинцев.

Вероятной причиной отставки Меха принято считать негативное отношение к его деятельности значительной части поляков Волыни, в среде которых было сильно влияние национальных демократов. Хотя более вероятно, что Мех, по замыслу Варшавы, уже выполнил свою задачу, установив контакты с умеренными украинскими кругами и, тем самым, создав фундамент для дальнейшей реализации правительственной концепции.

9 июля 1928 г. на Волынь прибыл новый воевода Х. Юзевский — давний сотрудник и доверенное лицо Пилсудского. Стратегической целью Юзевский считал образование самостоятельного украинского государства со столицей в Киеве, политика которого строилась бы на основе соглашения Пилсудского с С. Петлюрой. Польско-украинский союз 1920 г. закреплял за Польшей Галицию и Волынь в обмен на польскую помощь в создании украинского государства на восточных землях (сам Юзевский при Петлюре занимал пост заместителя министра внутренних дел). Волыни в планах Юзевского предстояло стать центром подготовки украинцев, которые при удачной международной конъюнктуре смогли бы сыграть решающую роль в строительстве независимого государства на территории Советской Украины. Соответственно, Волынь рассматривалась как регион, в котором польско-украинские отношения должны основываться на принципах широкого сотрудничества.

На конференции восточных воевод, которая состоялась в Луцке в декабре 1929 г., Юзевский заявил, что недопустимо рассматривать украинское население Волыни как национально неразвитую массу, его самоопределение неизбежно, и потому попытка ликвидации национального движения обречена на поражение. Необходимо привить украинскому движению дружественное отношение к полякам и к идее федерации. Для достижения этой цели воевода предложил целый комплекс мер, известный как «волынський експеримент»: усиление участия государства в жизни Волыни, улучшение работы администрации, формирование у чиновников доброжелательного отношения к украинцам, укрепление начал самоуправления, создание условий для лояльной Польше украинской интеллигенции, стоящей на позициях идеи 1920 г., при одновременной ликвидации политических структур, поддерживаемых Москвой и Берлином, пресечение деятель-

ности на Волыни всех галицийских украинских организаций («сокальский барьер»), убеждение волынских поляков в полезности идеи федерации и сотрудничества с украинцами, создание сети национально смешанных общественных, культурных, хозяйственных и политических организаций, содействие расширению связей Волыни с остальной Польшей для ознакомления украинцев с ценностями польской культуры и западной цивилизации, привлечение в регион инвестиций. Основу для формирования местной украинской интеллигенции воевода видел в широком включении украинцев в работу административных структур, прежде всего органов самоуправления.

Важнейшим условием успеха «волынского эксперимента» считалось создание настроенной на сотрудничество с администрацией мощной украинской партии. В полном соответствии с данной концепцией, Волынское украинское объединение (ВУО) провозгласило себя единственным политическим представителем украинцев Волыни, пропагандировало польско-украинский союз и сотрудничество, создавало сеть украинских просветительных организаций, способствовало развитию украинской школы, а также добивалось ускоренного реформирования аграрного сектора. Крупнейшим успехом ВУО следует признать украинизацию православной церкви на Волыни, приведшую к отказу от использования русского языка в богослужении и смене части клира. Воспринимаемое как группа зависимых от воеводы политиков, ВУО столкнулось с враждебностью всех украинских партий и неприязнью со стороны поляков. ВУО не стало массовой организацией.

В определенной степени это объясняется тем, что значительная часть украинцев была недовольна политикой Юзевского, его нежеланием предоставить Волыни статус национально-культурной автономии, а также попытками продолжить инициированную еще в начале 1920-х годов военную колонизацию воеводства. Хотя вместо запланированных 40 000 польских семей на Волыни осели только порядка 8 000, их компактное расселение на наиболее плодородных землях вызвало сильное недовольство украинского населения.

Одновременно многие действия Юзевского с самого начала были негативно восприняты местными поляками, считавшими, что постоянные уступки украинцам лишь разжигают их аппетиты, способствуют ускорению

развития их национального самосознания и неизбежно приведут к борьбе за национальную независимость, как это произошло в Галиции. Военные круги и польская общественность Волыни не оставляли попыток добиться от Варшавы отставки экспериментатора, но вплоть до смерти Пилсудского позиция Юзевского оставалась незыблемой. Лишь после фактического перехода власти в стране к верхушке армии, «волынский эксперимент» завершился в марте 1938 г. переводом Юзевского в Лодзь.

Во второй половине 1930-х годов власти стали поддерживать изоляцию польского общества от национальных меньшинств, отошли от конституционных гарантий их политических прав, нарушили принцип религиозного нейтралитета. Лагерь национального единства отказался от концепции государственной консолидации в пользу идеи консолидации национальной, в правящих военных кругах взял верх курс на полную ассимиляцию меньшинств либо их изгнание из страны.

В русле победившей в Варшаве программы «усиления польского элемента на Востоке» проводилась насильственная «реполонизация» (перевод в католичество) части украинского населения, передача католической церкви православных храмов, жесткое подчинение польской администрации всех национальных украинских организаций. Из управленческих структур всех уровней были уволены или ушли в отставку многие сотрудники Юзевского. Проводившаяся при активном участии армии вплоть до начала Второй мировой войны полонизация способствовала резкому обострению польско-украинских отношений в регионе и, в конечном итоге, явилась одной из главных причин вооруженного польско-украинского конфликта на Волыни в 1941—1944 гг.

К. К. Федевич

Украинский вопрос в межвоенной Польше неоднократно выходил за региональные рамки, как это было в процессе инкорпорации Восточной Галиции в состав Польши в начале 1920-х годов, во время массовых поджогов украинцами польских имений, пацификаций и рассмотрения украинских жалоб на репрессии польских властей в Лиге наций в 1930—1932 гг., предвыборного компромисса правительственных сил с частью галицийских украинских политиков в 1935 г., чехословацкого кризиса 1938—1939 гг. и принятия мер по усилению обороноспособности пограничных территорий накануне Второй мировой войны.

Политическая элита межвоенной Польши не питала никаких иллюзий по поводу возможности отказа галицийских украинцев от принадлежности Восточной Галиции к будущему украинскому государству. Поэтому главными гарантами сохранения контроля над регионом служили постоянное присутствие крупных воинских соединений и разветвленный аппарат полицейского надзора.

Многослойность и неоднородность политики в отношении украинцев Галиции определялась позициями отдельных ведомств или политических группировок. Так, министерство по вопросам религии и общественного образования не видело ничего дурного в том, что греко-католическая церковь зачастую расходовала крупные государственные субсидии не на собственные церковные нужды, а на поддержание культурных, образовательных, хозяйственных и политических организаций украинцев. Однако подобной практикой было недовольно МВД, считавшее косвенное государственное субсидирование украинского движения неприемлемым. Военное министерство добилось подчинения государственному контролю украинской спортивной юношеской организации «Луг», активность которой вызывала серьезные опасения части военных и полицейского аппарата в Галиции, что не было лишено оснований: в ее ряды активно проникали члены ОУН, занятые подготовкой кадров будущей украинской армии.

Политику силовых ведомств в отношении украинского национально-го движения в Восточной Галиции, а именно они зачастую определяли как основную стратегическую линию, так и набор средств ее реализации, можно оценивать как сочетание жестких действий репрессивного характера в отношении любых радикальных проявлений украинской политической активности и достаточно либерального курса в отношении легальных и внешне лояльных польскому государству политических, культурных и экономических украинских начинаний. В подобной двойственности польской национальной политики в Галиции прослеживается явное влияние австрийских традиций государственного управления. Ограничения в равной мере коснулись деятельности как украинских, так и польских легальных оппозиционных партий.

Допуская более или менее свободное развитие украинских хозяйственных и культурных организаций, гражданские власти ограничивали их доступ к государственному субсидированию, крайне необходимому в услови-

ях всеобщей нехватки капиталов. Надо отметить, что межвоенная Польша, за исключением инвестиций в инфраструктуру общегосударственного значения и поддержания польского национального меньшинства, была мало заинтересована в привлечении дополнительных финансовых ресурсов в Восточную Галицию из-за ее пограничного и аграрного характера. Ситуацию на Виленщине, где преобладало польское сельское население, следует признать значительно хуже восточногалицийской.

Не допускались изменения в административном устройстве Восточной Галиции, которые могли бы стать шагами на пути к украинской государственной независимости или национальной автономии, как это было в случае создания препятствий для пропорционального представительства украинцев в органах местного самоуправления и недопущения украинского национального университета в Галиции.

Вместе с тем уже в начале 1920-х годов власти Польши отказались от полонизации галицийских русин с украинской идентичностью. Помимо интересов государственной безопасности, приоритетом стали меры по политической ассимиляции украинцев. Значительная роль в этом отводилась министерству религиозных дел и общественного образования. Можно провести аналогию между политикой Польши по переводу украиноязычных школ на смешанное преподавание на украинском и польском языках (утраквизм) и обязательным обучением русскому в Советском Союзе как языку межнационального общения. Министерство образования последовательно отказывало в поддержке украинским частным гимназиям и совместно с МВД периодически их закрывало под предлогом проникновения туда агитаторов ОУН.

Отдельным аспектом политики Польши в Галиции на протяжении всего межвоенного периода было стремление полонизировать такие конфессиональные и социально-этнические группы, как говорящие по-русински католики, польскоязычные греко-католики и шляхта загорода, дабы тем самым увеличить польское присутствие в регионе. В разных частях Восточной Галиции 20—40% сельского населения по-прежнему считало себя «тутейшими», католиками, греко-католиками и т. д., но не украинцами и не поляками.

Особую группу среди галичан составляли приверженцы московфильства, общерусского единства. Органы государственной власти на мес-

тах стремились использовать их для раскола украинского общества, но никогда не заходили так далеко, чтобы сделать из москвофильского движения серьезного игрока на политической арене. Дальше органов местного самоуправления москвофилы не допускались. Русский выбор галицийских русин был для польских стратегов гораздо менее приемлемым, чем украинский.

В литературе предмета распространено мнение, что москвофильского движения в 1920—1930-е годы практически не существовало, так как оно было подавлено в ходе австрийских репрессий во время Первой мировой войны и политически сошло на нет в пору польско-украинской войны 1918—1919 гг. Анализ источников межвоенного периода показывает, что москвофильские настроения продолжали сохраняться у значительной части галицийского крестьянства, особенно в местах, где действовали многочисленные греко-католические священники-москвофилы. Решающий удар по москвофилам нанесла большевистская политика украинизации, вследствие которой они теряли главную для них стратегическую цель присоединения галичан к большому русскому народу.

Во многих случаях полонизаторские усилия властей носили скорее пропагандистский характер, будучи призваны прежде всего воздействовать на польское общественное мнение, и лишь готовили почву для дальнейших более активных действий. Особенно это справедливо в отношении удаленных от крупных городов сельских областей с неграмотным в массе своей населением. Для успеха там полонизации необходимы были серьезные инвестиции в местную экономику, образование и коммуникации, способные разрушить традиционный уклад жизни. Чаще всего дело ограничивалось созданием препон для деятельности украинских агитаторов и поддержкой антиукраински настроенных греко-католических священников—москвофилов. Из-за автономных прав греко-католической церкви не могли осуществиться намерения властей поставить под государственный контроль образование греко-католических священников или готовить священников-поляков для работы в среде польскоязычных греко-католиков.

С гораздо большим ожесточением протекала борьба «за души» в местностях, где уже получили широкое распространение идеи украинского и польского национализма, действовали национально ориентированные культурные и хозяйственные организации.

Проводя смешанную репрессивно-либеральную политику, польские власти в конечном счете объективно способствовали дальнейшему развитию украинского национального движения и националистической идеологии современного типа, обеспечили рамочные условия для создания экономических, культурных, общественных и нелегальных военизированных украинских структур.

В 1939 г. советскими гражданами стали несколько миллионов галицийских украинцев, которые в течение всего межвоенного периода воспитывались в духе приверженности украинскому национальному движению и самостоятельно создали многие общественные структуры, характерные для национальной автономии, которой они так и не получили от Польши. С утверждением в регионе советской власти, стоявшей на позиции принадлежности местного восточнославянского населения к украинскому народу, сходит на нет москвофильство. Окончательное решение вопроса о «туземном» населении Галиции произошло только после окончания Второй мировой войны в результате массовых переселений поляков и украинцев.

Л. Л. Щавинская

Проблемы нациостроительства и создания белорусского национального государства в доктринах и практической работе белорусских партий межвоенной Польши принадлежат к числу малоизученных. Они тесно связаны с весьма сложным вопросом восприятия в Западной Белоруссии БССР и проводимой в последней белорусизации.

По размаху деятельности, практическим результатам решения поставленных задач в сфере формирования нации, значимости идеологического наследия главное место среди таких партий принадлежит Белорусской христианской демократии, просуществовавшей с 1917 по 1940 г. и ставшей фактически антиподом Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), на изучении которой фокусировались советские историки.

Изначально основой христианско-демократического движения (хадэццi) повсеместно явились католические общественно-политические доктрины, вырабатывавшиеся в конце XIX — начале XX в. и получившие свое отражение в ряде специальных папских энциклик, которые почти сразу же нашли отклик в разворачивавшемся белорусском национальном движении. Белорусская христианская демократия долгое время оставалась

организацией клерикальных элит, правда, с особенно сильным национальным акцентом. По характеру своей деятельности, целям, социально-политическим предпочтениям она значительно отличалась от польской хадеции, не приемля идей ассимиляции национальных меньшинств, анти-семитизма, консерватизма в земельном вопросе.

Капитализм как система подвергался весьма резкой критике, прежде всего в отношении его эволюции и частной собственности. Было и еще одно существенное обстоятельство, влиявшее на деятельность партии все последующие годы — существование БССР. Приходилось признавать, что «белорусский народ на Востоке, под руководством коммунистов — невзирая на зависимость от Москвы и давление на свободу совести — сделал немало», тогда как «белорусы в Польше ничего не получили от власти: ни школ, ни земли».

Был и еще один, едва ли не главный пункт противоречий: белорусская христианская демократия последовательно высказывалась за создание собственного национального государства, за объединение своего народа, его культурное, экономическое и политическое развитие. Уже после Февральской революции белорусские христианские демократы указывали на необходимость «добиваться автономии в Российской федеративной демократической республике». В принятой в 1920 г. первой программе говорилось уже об объединении белорусских земель в свете права народов на самоопределение. Тогда же один из главных деятелей белорусской христианской демократии ксендз В. Годлевский, входивший в Раду БНР, определил особую роль католицизма в деле национального возрождения белорусов, а другой ее лидер и основатель, ксендз А. Станкевич, ставший в 1922 г. польским парламентарием, провозглашал прямую связь социального учения католической церкви с необходимостью и возможностью становления белорусской национальной государственности.

В 1927 г. после значительного реформирования белорусской христианской демократии был зафиксирован постулат «независимости белорусского народа на пространстве всех его земель, соединенных в единой демократической республике». Исходя из интересов белорусского малоземельного крестьянства, предлагались конкретные пути решения болезненного аграрного вопроса, делался шаг в сторону формирования партии как общенациональной, куда могли входить и более многочисленные, нежели белорусы-

католики, православные. Белорусским христианским демократам удалось значительно расширить свое влияние, наладить издательскую деятельность, создать ряд новых общественных объединений, в их числе успешно работавший Белорусский институт хозяйства и культуры с отделениями практически во всех уголках Западной Белоруссии.

Не удивительно, что деятельность белорусской христианской демократии подверглась осуждению польского католического епископата, обвинившего партию в «религиозной индифферентности» и даже «большевизме». Это вызвало резкий протест белорусских католиков, поиск ими помощи в Ватикане, который не стал вмешиваться в конфликт.

К началу 1930-х годов к руководству белорусской христианской демократии приходят светские лица, в том числе и православные. В ее программные документы вносятся ряд серьезных поправок, в частности положение о недопустимости использования религии в политических целях, «использования одной религии против другой». Продолжилась и острейшая политическая борьба с местными западнобелорусскими коммунистами, обвинявшими белорусских христианских демократов в социал-фашизме и предательстве.

В начале 1930-х годов белорусским христианским демократам приходится остро реагировать на негативные процессы в БССР. «Стремясь к уничтожению в Восточной Беларуси белорусского народа как нации, — говорилось в одном из их обращений, — московская власть...выселила и далее выселяет целые массы белорусского крестьянства в Сибирь и в другие далекие части России, а на их место на белорусских землях расселяет прибывших из центральной России». Вместе с тем белорусская хадесия не могла не учитывать новых моментов в жизни самого западнобелорусского общества, прежде всего его радикализацию.

Все это приводит к реформированию партии в 1936 г., изменению ее названия на Белорусское народное объединение. В партии происходит серьезный идейный раскол. В. Годлевский образует новое движение — Белорусский народный фронт, ставший в жесткую оппозицию к Белорусскому народному объединению, которое теперь и со стороны вчерашних однопартийцев обвинялось в политической левизне и радикализме, подыгрывании советской пропаганде единого антифашистского блока.

Годлевский отходит от идеологии христианской демократии, отдавая дань сугубо национальной доктрине в духе наиболее последовательных вождей БНР, пытается образовать Белорусскую народно-радикальную партию, главной целью которой объявляется создание независимого белорусского государства. Впрочем, в этом пункте он вовсе не расходится с общей линией Белорусского народного объединения: А. Станкевич подчеркивал прямую связь политических идеалов белорусской хадеции с «актом 25 марта 1918 года, который объявил Беларусь независимой суверенной державой».

Особое внимание белорусская хадеция продолжала уделять народной школе, взаимодействию с соседними народами, среди которых в качестве союзников по общей борьбе видела «прежде всего литовцев и украинцев», часто называвшихся в партийных документах братьями. Она отстаивала необходимость теснейшей консолидации всех национальных сил в борьбе за «независимую Беларусь». Особо остро стоявший в те годы вопрос о диктатуре напрямую увязывался со сценарием формирования собственной государственности, на пути к которой необходимо было бороться с любыми авторитарными проявлениями «капитализма, фашизма и коммунизма».

Достаточно рано влившись в белорусское национальное движение, в условиях индифферентности белорусских крестьян-католиков, к которым, собственно, и были адресованы первые их политические обращения, христианские демократы прошли сложную эволюцию во взглядах на нациостроительство. Произошедший скачок в национальном развитии соседних народов, славянских и неславянских, вопреки ожиданиям, в белорусском случае оказался нереальным, стало ясно, что необходима еще достаточно долгая подготовительная работа. Огромное влияние на западных белорусов коммунистической идеологии вынуждало идти на некоторые компромиссы, но не меняло главного политического вектора. Эволюция, путь парламентской борьбы, а не революция — таков главный ответ белорусских христианских демократов на вызовы времени, в том числе и по отношению к белорусскому национальному вопросу, в решении которого они всегда претендовали на ведущую роль.

К важнейшим идейным заветам межвоенной Белорусской христианской демократии относится тезис о единении нации, разделенной в том числе и по конфессиональному признаку. Ни одна белорусская партия не сде-

лала в данном направлении так много, как это удалось белорусской хадееции, которая из конфессионально ориентированной национальной партии превратилась в общенародную. Этот пример уже на раннем этапе повлиял на представителей большинства белорусского этноса, основавших Православное белорусское демократическое объединение во главе с сенатором В. Богдановичем, находившееся, особенно в период выборов, в тесном взаимодействии с Белорусской христианской демократией.

Выступая в целом отрицательно в отношении распространявшихся протестантских течений, преимущественно сектантского толка, белорусские христианские демократы вынуждены были вырабатывать позицию по поводу греко-католицизма и неоунии, которые сводили на нет их экуменические устремления. В этой связи А. Станкевич писал: «Белорусский народ, будучи раздвоен религиозно, духовно, должен искать единства, должен искать свой религиозный и национальный синтез. Формальное объединение в религиозной унии, как показывает прошлое и настоящее, фактически не соединяло, а еще более вводило в народ раскол и разделение».

Испытывая постоянные преследования со стороны польского костела, белорусские христианские демократы вынашивали планы не только его белорусизации на территории Западной Белоруссии, но и формирования национальной высшей иерархии, на что позволял надеяться литовский пример. Польская сторона последовательно обвиняла белорусскую хадеецию в «крайнем национализме», порой «коммунизме» и «большевизме» и рассматривала как одну из враждебных польскому государству сил, руководители которой, в конце концов, оказались заключенными в концлагерь Береза Картузская.

Понимая, какую исключительную роль в становлении национального самосознания молодых народов Европы играли религиозные объединения, обладавшие колоссальным влиянием во всех общественных слоях, прежде всего в повсеместно преобладавшем крестьянстве, белорусские христианские демократы взяли на себя миссию будителей национальных начал. Они постепенно пришли к идее общенародного экуменизма, на основе которой должно осуществиться единение белорусского народа с перспективой обретения им собственного национального государства.

Е. П. Серапионова

Обращаясь к закарпатским сюжетам, важно задаться вопросами, что представляла собой Угорская Русь в начале XX в., каким образом область вошла в состав Чехословацкого государства в 1918 г., каково было ее положение в межвоенный период и как это соотносится с обретением закарпатскими украинцами (русинами) государственности.

Российский МИД в начале XX в. проявлял значительное внимание к славянским народностям, входившим в состав Австро-Венгрии, в том числе и к «угро-россам» (населению Закарпатья, которое в Венгерском королевстве называлось Угорской Русью). В донесении российского генерального консула в Будапеште в 1908 г. читаем: «Русская народность известна в Венгрии, как и в Австрии (речь идет о галицких и буковинских русинах. — Е. С.), под именем русины (Rüthenen), но на самом деле последнее название дано им австрийцами и впоследствии было насильно привито к гражданской жизни официальной бюрократией, в детской надежде смешать этнографическое происхождение русских и русин. В действительности, венгерские русские суть просто наши малороссы из Подольской, Киевской и Волынской губерний, переселившиеся в Транслейтанию в два приема, в первый раз — еще при Арпаде, 1000 лет тому назад, когда венгерцы завоевали теперешнее их государство, пройдя предварительно через наши южные области, а во второй раз, так сказать, дополнительно — в конце XIV столетия». В приведенной точке зрения различим романтический подход, характерный для русских историков славянофильского и неославянского направлений.

В тех комитатах, где русский язык сохранился «в полной чистоте», он являет собой «нечто среднее между великорусским и малорусским». У «венгерских русских» «национальное сознание выражается исключительно принадлежностью к общей церкви и религии. Но тогда как у словаков, сербов и румын священнослужители и учителя являются одновременно политическими руководителями, у русских ничего подобного доселе не было... Среди здешних русских интеллигенции почти не существует, а если по исключению и попадаются интеллигенты, то они стараются поместиться в чиновники и глубоко закапывают в себя свое национальное чувство». Последнее было связано с «беспощадным преследованием со стороны мадь-

яр всякого проявления национальности в русских, вплоть до их имени и названия». Общий вывод далек от оптимизма: «Нынешнее состояние русских в Венгрии ...беспросветно и, без сомнения, должно привести это племя к постепенному уничтожению с лица этнографической карты Европы». Вместе с тем, как отмечал другой русский аналитик граф Бобринский, «у угро-россов стремление к православию гораздо сильнее, чем у галичан, ввиду насильственных попыток венгерских властей заменить церковнославянские богослужения мадьярскими, каковой язык громадному большинству населения совершенно непонятен».

Вопрос о государственной принадлежности Закарпатья, в течение многих веков входившего в Венгерское королевство и не составлявшего отдельной в административном отношении единицы, стал активно обсуждаться в годы Первой мировой войны в связи с планами будущего европейского устройства. Распад Австро-Венгрии перевел дискуссии из теоретической в практическую плоскость. Претендентов на область было много.

Россия обозначила свои претензии на Закарпатье в договоре с Румынией 1916 г. Позднее о желании включить в состав России «карпатороссов» заявило правительство Колчака, опиравшееся в этом намерении на Союз освобождения Прикарпатской Руси, созданный в августе 1918 г. в Челябинске из пленных выходцев из Закарпатья. Образованная накануне Парижской мирной конференции комиссия Военно-исторического и статистического комитета при Русском политическом совещании (РПС) в Париже также активно обсуждала границы государства Российского в надежде, что представители РПС будут приглашены участвовать в конференции. Так, выступая 22 ноября 1918 г. с докладом о границах с Австро-Венгрией, бывший товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов заявил по поводу судьбы угро-россов: «Как русские они тяготеют к России, с которой и должны быть воссоединены. Как показал опыт войны и революции — оставление части русской территории в чужих руках угрожает целостности России и является базой для всякого рода интриг, направленных против национального, культурного и политического единства русского народа». При этом подчеркивались позитивные для России геополитические последствия такого решения, в частности появление общей границы с Чехословакией, усиливающей влияние России в славянском мире.

Галицкие украинцы, ссылаясь на 14 пунктов Вильсона, также заявили свои претензии на Закарпатье и провозгласили его 19 октября 1918 г. во временном декрете Украинской народной Рады частью своей национальной автономии. 13 ноября 1918 г. появился временный конституционный закон о Западноукраинской народной республике, которая вскоре объединилась с Большой Украиной. В изданном по этому поводу универсале говорилось: «Отныне соединились в одно целое столетиями оторванные друг от друга части единой Украины: Западноукраинская народная республика, то есть Восточная Галиция, Буковина и Угорская Русь, а также поднепровская Великая Украина». Основанием для такого заявления послужило собрание в Хусте 420 представителей общин Закарпатья, поддержавшее присоединение к Западноукраинской республике.

Не переставали считать Угорскую Русь своей территорией венгры. 10 декабря 1918 г. в Будапеште состоялось угорско-русское народное собрание с участием провенгерски настроенных представителей, которым была обещана автономия Русской Краины в рамках Венгрии. Венгерское правительство назначило особого министра по делам этой новой административной единицы, и 21 декабря был издан закон, объединивший земли русинских комитатов в автономное целое под названием Русская Краина, самостоятельно решавшее вопросы внутренней администрации и судопроизводства, вероисповедания, образования и культуры.

Будущий президент Чехословакии Т. Г. Масарик еще в конце 1914 г. высказывал мнение о том, что «включение в пределы чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода. — *Е. С.*) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно, литературного языка официальным в королевстве чешском, наравне с чешским, немецким и польским языками. В чешских министерствах возникли бы благодаря этому особые русские отделения». Однако окончательно план включения Закарпатья в состав Чехословакии сложился, вероятно, много позднее. В телеграмме, посланной министру иностранных дел П. Н. Милюкову после Февральской революции, Масарик писал: «Возрожденная Россия создаст единую Польшу, подвластную свободной России, воссоединит с Россией галичан и угро-русов, объединит сербохорватов со словенцами и освободит Чехию и Моравию». Возможно, это был тактический маневр Масарика перед его поездкой в Россию с целью за-

ручиться поддержкой правящих российских кругов в решении чехословацкого вопроса и формировании чехословацких легионов в России.

26 октября 1918 г. в Филадельфии Масарик подписал с представителем американских эмигрантов из Закарпатья Г. Жатковичем декларацию независимости средневропейских народов, которая гарантировала русинам в случае присоединения к Чехословацкой республике автономию и справедливые границы. В декабре 1918 г. американские эмигранты из Закарпатья организовали в Пенсильвании конгресс, на котором решались судьбы Закарпатья: из 1089 делегатов 732 высказались за его присоединение к Чехословацкой республике, 310 — за объединение с Украиной, 10 — с Россией, 9 — с Венгрией, 27 — за полную независимость. На основе результатов голосования принимается и передается главам держав-победительниц резолюция о присоединении Закарпатья к Чехословацкой республике на федеративной основе.

В самом Закарпатье существовало несколько политических направлений, соответствовавших проживавшим там этническим группам: лемки в Восточной Словакии, на левом берегу реки Уж и в западных областях современной Закарпатской Украины придерживались русофильского направления, гуцулы Мармароша склонялись к украинской ориентации, бойки были политически пассивны, а их униатские священники и немногочисленная интеллигенция ориентировались на венгров. В конце 1918 г. в Пряшеве (Восточная Словакия) была создана Карпаторусская народная рада, и ее представитель А. Бескид отправился в Париж на мирную конференцию, где вместе с американскими представителями Закарпатья выступил за присоединение к Чехословацкой республике.

Окончательное решение о судьбе Закарпатской области было принято 3 марта 1919 г. на Парижской мирной конференции и зафиксировано в 10—13 статьях Сен-Жерменского договора от 10 сентября 1919 г. Область присоединялась к Чехословакии, которая брала на себя обязательство образовать на территории русин к югу от Карпат автономную единицу под названием Подкарпатская Русь, предоставив ей наибольшую степень самоуправления, совместимую с единством чехословацкого государства. Гарантировалось, в частности, создание особого сейма с законодательными правами во всех вопросах, касающихся языка, школы, религии, местного самоуправления. Назначаемый президентом государства губернатор автономии

был ответственным перед русинским сеймом, а должностные лица, по возможности, набирались из числа жителей этой земли. Чехословакия гарантировала русинам справедливое представительство в законодательном собрании республики. Международные обязательства в отношении национальных меньшинств и Подкарпатской Руси были полностью отражены в конституции ЧСР 1920 г.

Однако в действительности декларированные обязательства не выполнялись. В направленном в Лигу Наций 10 апреля 1922 г. меморандуме от лица карпато-русинского народа высказывались претензии в адрес Праги: границы со Словакией установлены произвольно, обещанной автономии нет, существует цензура газет и писем, 99,5% чиновников — чехи или словаки, управление ведется централизованно из Праги, в языковом вопросе господствует хаос. Лигу наций просили назначить в Подкарпатскую Русь специальную комиссию. И десять лет спустя, в декабре 1932 г., центральные власти справедливо критиковались по поводу того, что обещанная автономия до сих пор не введена, русинские школы обеспечиваются недостаточно, правительство поддерживает в Подкарпатской Руси лишь одну — украинскую — ориентацию, «очешивает» край. Была даже создана особая комиссия Совета Лиги Наций, изучавшая положение дел в Подкарпатской Руси и заслушавшая разъяснения чехословацкого правительства, основным аргументом которого являлось отсутствие условий для введения автономии.

Автономия Подкарпатской Руси осуществилась лишь после Мюнхена, когда власть Праги предельно ослабла. Конституционный закон об автономии Подкарпатской Руси был принят 22 ноября 1938 г. одновременно с аналогичным законом в отношении Словакии. Таким образом, отвечая на вопросы, поставленные в начале выступления, можно констатировать, что обретение атрибутов государственности в форме автономии для жителей Подкарпатской Руси фактически последовало не в 1918, а только в 1938 г. Что же касается обретения собственной государственности, то ответ зависит от понимания другого остающегося открытым вопроса о национальной принадлежности большинства жителей Закарпатья. Если считать их украинцами, то данный процесс завершился лишь с распадом СССР и созданием независимого украинского государства, если русинами, то государственная независимость данным народом не обретена до сих пор.

М. Ю. Досталь

Остановлюсь подробнее на научной эмиграции как факторе формирования национальной идентичности восточнославянского населения Закарпатья.

Уже с середины XIX в. в Закарпатье велась ожесточенная борьба между сторонниками «народного» (русинского, затем украинского) и «традиционного» литературного языка (русифицированного церковно-славянского, а затем и великорусского языка). Представители обоих направлений считали себя истинными патриотами края, будучи уверенными, что только избранный ими путь приведет к успешному решению культурно-национальных проблем Закарпатья. Противостояние, условно говоря, «украинофильского» и «русофильского» (или «москвофильского») направлений в культурной и политической жизни региона продолжилось и после присоединения Подкарпатской Руси к ЧСР при деятельном участии представителей русской и украинской эмиграции.

После Октябрьской революции многие русские и украинские слависты, не принявшие большевизма, были вынуждены покинуть Россию. Немалая их часть обосновалась в Чехословакии, став профессорами Карлова университета в Праге (В. А. Францев, А. В. Флоровский, Д. И. Дорошенко), университета Яна Коменского в Братиславе (Е. Ю. Перфецкий, В. А. Погорелов), членами издававшего в 1930-е годы сборники «Carpathica» Славянского института в Праге. В столице ЧСР, сделавшейся крупнейшим славистическим центром Европы, под покровительством Масарика были основаны Русский народный (позднее свободный) университет, Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского, Русское историческое общество, а также Украинский свободный университет, Украинский высший педагогический институт им. М. Драгоманова, Украинское историко-филологическое общество, в которых работали русские и украинские слависты, в том числе исследователи Закарпатья.

Интенсивному изучению Закарпатья во многом способствовала политика чехословацкого правительства. Русины реально ощутили улучшение своего экономического положения и положительно воспринимали демократические свободы межвоенной ЧСР. Не случайно местное население до сих пор ностальгически вспоминает о времени вхождения Закарпатья в состав Чехословакии.

Чехословацкая администрация отождествляла русинов с малороссами-украинцами. У лингвистов Чешской Академии наук и искусств было даже заказано заключение по этой проблеме, подтвердившее диалектную связь языка подкарпатских русинов с украинским языком. Такое предпочтение не означало насильственной украинизации (субсидиями из президентского фонда поддерживались все национально-культурные направления), но оно болезненно воспринималось составлявшими явное большинство «русофилами».

Результатом научного изучения региона стали специальные сборники (русофильский «Карпаторусский сборник». Ужгород, 1930) и издания энциклопедического характера («Подкарпатская Русь». Прага, 1923; Братислава, 1936), включавшие статьи по истории, экономике, географии, истории письменности и литературы, религиозных течений и формирования политических партий, исследования об этнографических особенностях населения, его обычаях и фольклоре. К участию привлекались все лучшие специалисты по карпатоведению в ЧСР, придерживавшиеся подчас прямо противоположных взглядов. Чешские и словацкие ученые занимали нейтральную или проукраинскую позицию. В целом же в большинстве названных изданий, особенно в пражском, полнее была представлена украинофильская точка зрения.

Сторонники ориентации на великорусскую литературу объединились в 1923 г. в «Обществе им. А. В. Духновича» (председатель Е. И. Сабов), которое развернуло широкую культурно-просветительскую деятельность, имело ряд филиалов в крае, основывало читальни, народные дома, хоры, театральные кружки и т. п. Его активно поддерживали русские эмигранты, выступая в городах Подкарпатской Руси от имени Русского свободного университета с лекциями, печатаясь в издаваемом обществом журнале «Карпатский свет» (1923—1938). Русские ученые В. А. Францев, А. В. Флоровский, Д. Н. Вергун, В. А. Погорелов, Е. А. Недзельский, Ю. А. Яворский разделяли стремление членов «Общества им. А. В. Духновича» развивать литературу Закарпатья на русском литературном языке, утвердить его в периодической печати и системе школьного образования, для чего имелись более чем веские основания: по результатам проведенного в 1937 г. референдума 73% опрошенных высказались за употребление в школах русского языка.

Недовольство украинскими симпатиями властей нашло отражение в меморандуме общего собрания «Общества им. Духновича», состоявшегося в Ужгороде 1 июня 1930 г. при участии русских эмигрантов. «С большим удивлением и возмущением, — говорилось в нем, — видим мы... что после переворота 1919 г. эмигранты, украинские сепаратисты, перевели из Галиции на Подкарпатскую Русь новый, искусственно созданный украинский язык, который был политическими урядами введен против нашей воли и без нашего согласия на то в русские школы, причем и учебники, составленные на этом жаргоне, были одобрены правительством». Требуя далее введения в закарпатских школах русского литературного языка и соответствующих учебников, а также «прекращения всякого рода украинизации», авторы меморандума выразили свое кредо в отношении интерпретации деятельности закарпатских будителей: «Выступая в защиту русскости и русского языка, мы только придерживаемся вековой традиции карпаторусского народа, следуем примеру наших национальных вождей и будителей: Духновича, Добрянского, Фенцика, Сильвая, Раковского и Митрака, Ставровского-Попрадова и Павловича. Заявляем, что никогда не променяем наш русский язык на польско-украинский жаргон». Надо заметить, что подходы к освещению феномена закарпатского национального возрождения у продолжавших дореволюционные традиции русских и украинских эмигрантов весьма показательны для общей оценки их позиции.

Русские ученые, сторонники идеи триединой Руси, стремились доказать, что «карпаторусская литература составляет часть русской литературы», являясь ее областным вариантом (В. Н. Вергун). В. А. Францев полагал, что народный карпаторусский язык не должен быть кодифицирован в качестве литературного, ибо «является достойным забвения пережитком, в свое время, в силу особых условий, искусственно взращенным плодом, культивируемым одними лишь по слепой приверженности старине, другими — вследствие полной неосведомленности в истории развития литературных языков».

Напротив, представители «украинофильского» направления, основавшие в 1920 г. культурно-просветительское общество «Просвита» (глава А. Волошин), при поддержке украинских эмигрантов из Галиции и Российской Украины (В. Бирчак, И. Панкевич, Е. Перфецкий и др.), стоя на позициях соборной Украины, заявляли, что «сейчас все ученые-исследо-

ватели без исключения считают, что русины являются частью украинского народа, и язык подкарпатских русинов является одним из диалектов украинского языка», как писал Панкевич, издатель первого научного журнала в крае («Науковий збірник товариства Просвіта», 1922—1938 гг.).

Украинофилы подчеркивали в деятельности закарпатских будителей стремление развивать местный народный (украинский, в их понимании) язык. Основная вина за переориентацию будителей на употребление русского языка инкриминировалась «агентам влияния» из России. Из всех многообразных культурных связей деятелей закарпатского национального возрождения украинофилами выдвигались на первый план не слишком интенсивные в действительности контакты с интеллигенцией Галиции и Буковины.

В определении конечного рубежа закарпатского национального возрождения украинофилы и русофилы обнаруживали единство, считая, что австро-венгерское дуалистическое соглашение 1867 г. открыло путь для последующей мадьяризации русин и постепенной ликвидации всех достижений национально-культурного движения в Закарпатье. Однако каждая из сторон обвиняла предшественников другой в том, что они, усугубляя «путаницу в языке», вели к расколу в рядах немногочисленной местной интеллигенции и тем самым способствовали мадьяризации.

Итак, разные позиции, отстаиваемые русскими и украинскими эмигрантами с опорой на местные силы, явно свидетельствовали об их стремлении формировать две противоборствующие модели национального развития и внешнеполитической ориентации региона.

Л. Е. Горизонтов: Историко-культурный блок завершат белорусские сюжеты. Нам предстоит вернуться к теме Купалы, проследив эволюцию взглядов писателя на материале послереволюционной эпохи.

А. К. Кавко

Привычный, непомерно лакированный портрет «советского» Купалы в настоящее время существенно корректируется недоступными ранее архивными источниками. Не будучи политиком, поэт не остался безучастным к тому, что принес с собой на белорусскую землю большевизм, и выразил его неприятие в стихотворениях 1918 г. «Кривда», «На завалинке», «Своему народу», «На сход!».

С не меньшей остротой переживает Купала события, нарушившие территориальную целостность Белоруссии — немецкую и польскую оккупации, ее расчленение по итогам Рижского договора: «Боже! Пришли нечестивцы в отчизну твою, // Дом опоганили, светлый твой дом; // ...Наши соседи безбожно предали нас...» («На библейские мотивы», 1920; см. также «Белорусские сыны», 1919; «Пчелы», 1920; «25.III.1918—25.III.1920 (годовщина-поминки)»). Он обращается к соотечественникам: «Восстань же из народа, Богатырь, // Вновь возведи разрушенный посад» («Восстань», 1919).

В той же тональности выдержаны публицистические выступления Купалы («Белорусский стяг воскрес!», «Независимое государство и его народы», «Белорусская армия», «Дело независимости Беларуси за прошедший [1919] год» и др.), дающие историку уникальный источник о тех драматических коллизиях, которые осложняли государственное самоопределение белорусов на геополитическом перепутье, где веками соперничали между собой «Варшава панская и царская Москва», готовые «утопить в ложке воды своей независимости» самостоятельность Белоруссии.

Невозможность самоопределения Белоруссии в национально-демократическом варианте, поборником чего выступал Купала, была предрешена не только крайне неблагоприятным течением внешних обстоятельств, более чем скромным для этой цели оказался и потенциал белорусского движения: узость его социальной базы, недостаточное развитие белорусского самосознания, дефицит политической воли. Не случайно поэт также не жалел горьких (и целительных) слов укоризны по адресу соотечественников:

А кто-то, то ли дальний, то ли близкий,
Засел за наш за пиршественный стол
И свысока швыряет нам огрызки,
А мы благодарим, уставясь в пол.
Так нищая неволя душу съела,
Так высосала весь душевный сок,
Что и в глаза взглянуть и плюнуть смело
Не в силах мы, втоптаные в песок.
Там слышно: «Беларусь!», там:
«Суверенность!»
А тут: «Вставай проклятьем!..» Ну а мы?
Мы в страхе... Дум кружение...
Смятенность...
Зазря крылами плещем среди тьмы...

(«Перед будущностью», 1922).

Это стихотворение Купалы почти целиком воспроизвел и соответствующим образом прокомментировал в своей записке в ЦК РКП(б) по итогам командировки в БССР в августе 1922 г. инструктор московского ЦК, в недалеком будущем первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А. М. Асаткин-Владимирский. Он предостерег партийный центр от начавшегося в республике непомерно «нажимистого проведения белорусизации, уклона в сторону буржуазно-демократического национализма».

Понятие «национал-уклонизма», как видим, с первых лет советского строительства в Белоруссии накладывало свой отпечаток на официальную оценку белорусизации. БССР — успешный соперник БНР, и она же парадоксальным образом восприимчива свойственной последней идеи государственной независимости — несла в себе в 1920-е годы клубок противоречий, обусловленных противодействием двух политико-идеологических тенденций: прежней национально-демократической и господствующей интернационалистско-большевистской, административно-силовой по преимуществу. Странники первой из них — национально ориентированные деятели, считавшие возможным укрепление самостоятельности Белоруссии в рамках союзного договора — в основном выходцы из Белорусской социалистической громады, Белорусской партии социалистов-революционеров, белорусских коммунистических секций при ЦК РКП(б), их ряды пополнялись за счет местной патриотически настроенной молодежи.

Купала оставался «знаменем национал-демократизма». Осведомитель ГПУ так воспроизводил в 1926 г. сказанное поэтом: «Мы живем в Советской Беларуси, потому что нет другого места, куда можно было бы “притутиться”. Пока Беларусь разорвана на несколько кусков — вольной Беларуси нет, есть лишь Советская...». И далее: «Купала не сомневается, что эта Беларусь вскоре будет несколько иной». А вот показания ученого секретаря Академии наук БССР В. Ластовского, данные им на следствии в августе 1930 г. по делу так называемого Союза освобождения Беларуси: «В общем, мне кажется, настроение Купалы... не рознилось от всего общего течения, а в разговоре с коммунистами бывал иногда дерзок. Он открыто порицал, что они ничего будто не делают, чтобы энергичнее проводилась белорусизация».

Да, Купала принял советскую власть, хотя и не без душевной борьбы. Он приветствовал государственно-республиканское самоопределение своей

родины в составе многонационального СССР (поэма «Безымянное», ряд стихов, выступлений тех лет). Принял настолько, насколько эта власть способствовала или, по крайней мере, не препятствовала социально-политическому и национально-культурному пробуждению Белоруссии. Но он решительно отвергал все то, что противоречило коренным интересам белорусской государственности, развитию белорусской школы, культуры, науки и, особенно, белорусского языка (стихотворения «Цепей обломанных жандарм»; «Царские дары»; «Что б...» («Каб...»); «Отщепенцам (западным)»).

Примечательно, что и А. И. Луцкевич, один из лидеров белорусского движения, премьер-министр БНР в 1919—1920 гг., впоследствии продолжавший свою, в основном научно-просветительскую, деятельность в Западной Белоруссии, в начале 1920-х с надеждой взирал на первые шаги становления национальной государственности в БССР. «В Восточной Беларуси, — считал он, — пусть неполно и односторонне, идея независимости все же реализуется и идейного кризиса там, пожалуй, нет».

Власти строго дозировали обнародование мыслей и переживаний Купалы. Так, сразу же после напечатания было изъято из журнала «Адраджэньне» приведенное выше стихотворение «Перед будущностью», закрыт и журнал вместе с одноименным издательским товариществом. В ноябре 1926 г. сразу после премьеры изымается из репертуара купаловский трагифарс «Тутошние» — острый драматургический памфлет на режимы 1918—1920 гг., на мещанство сородичей, не способных противостоять инациональному засилью, с обращенным к ним призывом «выявить собственную душу в своем “я”, в своей самобытности и самим добиваться своего неотъемлемого права распорядиться своей судьбой».

В июне 1929 г. явное раздражение по этому поводу нашло отражение в докладе председателя комиссии ЦКК ВКП(б) В. П. Затонского по результатам проверки национальной работы в БССР. Прочитывая фрагмент из «Тутошних», московские аналитики (доклад будет направлен лично Сталину) делали самое жесткое обобщение: «Таким образом, националистические поэты советский пирог кушают, но делают свое. Кроме нескольких революционных стишков, вроде “Арлянтам”, относящихся к 24—25 году, до сих пор из Я. Купалы ничего выжать не удалось, а носятся с ним, как с писаной торбой». «Необходимо решительно прекратить слишком затянув-

шуюся политику заигрывания с верхушкой интеллигенции», — гласил организационный вывод.

Год спустя, с санкции ЦК ВКП(б), последует массовая репрессивная акция властей БССР против лучших кадров творческой интеллигенции и национально ориентированной части партийного актива — в связи со сконструированным ОГПУ делом Союза освобождения Белоруссии, по сходному сценарию разыгранному ранее в соседней республике (Союз освобождения Украины). Купале отводилась роль «идейного центра нац.-демовской контрреволюции», как это следует из секретной депеши в ЦК ВКП(б) тогдашнего руководителя партийной организации БССР, информировавшего о покушении поэта на самоубийство.

А. Г. Червяков, Д. Ф. Жилунович, И. А. Адамович, В. М. Игнатовский, Н. М. Голодед, А. В. Балицкий, И. А. Василевич, Д. Ф. Прищепов — эти и другие большевики-белорусы, допущенные на разных этапах к государственному рулю БССР, испили, кто раньше, кто позже, ту же «расстрельную» чашу, что и бывшие деятели БНР — В. У. Ластовский, А. И. Цвикевич, И. Ю. Лёсик, В. М. Пракулевич, А. А. Смолич, пошедшие на сотрудничество с советской властью ради строительства белорусской культуры и государственности. Не избежал трагической судьбы также А. И. Луцкевич. И те, и другие стали жертвенными заложниками национальной идеи, хотя по-разному представляли себе пути ее реализации. «Мне сняцца сны аб Беларусі», — писал Купала незадолго до своей смерти в 1942 г.

М. А. Робинсон

Если развитие национальной гуманитарной науки на Украине имело немалые традиции и было обеспечено кадрами, то положение в Белоруссии видится принципиально иным — и в том, и в другом ощущался явный недостаток. Потому и проблемы, с которыми столкнулись представители русской академической науки в период белорусизации, здесь иные. У истоков создания университета в Минске стоял Е. Ф. Карский, чей классический труд «Белорусы» продолжал печататься, несмотря на гражданскую войну. Карский настойчиво звал коллег-славистов на постоянную работу в Минский университет, но тех пугало отсутствие в столице Белоруссии библиотек и научной среды. Когда позднее Н. Н. Дурново нашлось место для работы только в Минске, он признавался: «Минску я, конечно, предпо-

чел бы Москву или Петроград, п[отому] ч[то] смолоду привык работать только до источника, а в Минске их нет; до Москвы от Минска довольно далеко, до Петрограда еще дальше».

Тем не менее, научная среда формировалась в столице Белоруссии не только из представителей левой белорусской интеллигенции, но и с участием приезжих специалистов. Можно думать, что одной из причин активной научной деятельности в Белоруссии П. А. Бузука было его научное credo, явно сформировавшееся под влиянием идей национального пробуждения восточнославянских народов. «Я не вполне украинец по происхождению и по воспринятой культуре, — писал он Карскому в 1923 г., — но к украинскому и белорусскому вопросам подхожу как славист, веря не только в вост[очно]-слав[янское], но и в зап[адно]-славянск[ое] и даже ю[жно]-слав[янское] единство, я полагаю, что укр[аинский] и бел[орусский] языки нужно восстановить в отнятых правах в славянской семье». Свои лекции в Минске ученый читал на белорусском языке.

Особо чуткое отношение к национальному языку выразилось в переводе на белорусский публикаций научных исследований, что стало серьезным препятствием для некоторых русских ученых. П. А. Расторгуеву не без труда удалось опубликовать свое исследование на русском, но было изменено его название: вместо «Северо-Черниговских говоров» «Северско-белорусский говор», что, впрочем, не противоречило выводам автора. Ситуация в Белоруссии, как видим, отличалась от украинской: на Украине правило публикации только по-украински соблюдалось неукоснительно:

Центром гуманитарных исследований в Белоруссии стал Институт белорусской культуры (Инбелкульт). На проведенной последним в 1926 г. конференции были оглашены присланные Ляпуновым замечания по поводу проектов преобразований в области белорусского языка. «Защищаясь от нападений, — информировал Бузук Ляпунова, — Лёсик заявил о том, что «акад[емик] Ляпунов не признает ни белорусского, ни украинского языка». Это вызвало бурю негодования. Запротестовал и Фасмер, присутствовавший на конференции, и Сержпутовский, завед[ующий] Этнографич[еским] отделен[ием] Русск[ого] музея...и др[угие]. В своем слове я резко возражал Лёсику, указавши на то, что Вы ведете теперь в Ленингр[адском] Универс[итете] курс украинск[ого] яз[ыка], чего бы не могло быть, если бы Вы отрицали права этого языка. Инцидент, возникший вокруг Вашего пись-

ма, газеты замолчали». В итоге «оба проекта Лёсика — и по вопросу об азбуке, и по вопросу о реформе правописания — провалились». Не посетил этой конференции и Карский, полное одобрение которому выразил А. И. Соболевский. «Хорошо сделали Вы, — писал он в начале февраля 1927 г., — что в Минск не поехали».

В период белорусизации искания в сфере белорусского языкознания приводили к появлению теорий, истоки которых следует искать как в определенной национальной ориентации исследователей, так и в их недостаточной профессиональной подготовке. Представители русской славистической элиты относились с высоты академического знания и к ним, и к их творцам с разной степенью строгости. Так, А. И. Томсон остро критиковал П. А. Бузука за концепцию происхождения белорусского языка не от древнерусского, а непосредственно от праславянского. «По его теории волн, — возмущался Томсон, — можно и язык бойков считать самостоятельным. Вот что значит проходить науки в сокращенном виде». М. Фасмер, получив рецензию Карского на одну из работ В. Ластовского, «был поражен ограниченностью горизонта» белорусского ученого, спустя год ставшего академиком.

В 1928 г. Инбелкульт был преобразован в Белорусскую Академию наук, и многие члены института стали первыми белорусскими академиками. Общий уровень новообразованной Академии производил на ученых Москвы и Ленинграда негативное впечатление. Г. А. Ильинский заявил о неприемлемости для себя членства в минской академии, «пока в числе ее действительных членов отсутствует Е. Ф. Карский, эта живая [нрзб.] Академия, — и такие многозаслуженные историки зап[адно]-русс[кой] культуры, как Довнар-Запольский и Любавский, а с другой стороны, пока среди них числятся лица с таким жалким научным багажом, как Лёсик и Игнатовский». Ему вторил Н. Н. Дурново: «Что же это за Белорусская Академия наук, в которую не входят ученые, занимающиеся изучением белорусского народа, его истории, языка, этнографии и литературы (Карский, Любавский, Довнар-Запольский, Сержпутовский, Расторгуев, Жукович?)».

«С Вашей характеристикой здешних «академиков», — писал тем не менее Дурново Б. М. Ляпунову, — я согласиться не могу. Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской “Академии наук”, которую минчане прозвали “Комедией наук”. Их белорусский

патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма. Но они или большинство из них не шарлатаны». Особо ученый останавливался на фигуре находившегося тогда в зените славы И. Ю. Лёсика. «Менее всего название шарлатана, — утверждал Дурново, — подходит к Лёсику. Он совершенно искренне уверен в том, что может читать в университете курс «научной грамматики белорусского языка», и что выпущенные им руководства по белорусской грамматике действительно научный труд. Если он что говорит, он всегда говорит от чистого сердца, будучи убежден в своей правоте... А шарлатан — это тот, кто знает, что он не то, за что он себя выдает». Вице-президента БАН С. М. Некрашевича Дурново также отнес к разряду «недоучек». «Хотя он в Белоруссии и недолго, — писал Дурново о Бузике, — но для изучения б[ело]р[усских] говоров сделал больше самих белорусов; я бы сказал, даже больше самого Карского».

Русские ученые продолжали стремиться к повышению уровня науки в Белоруссии путем сосредоточения в Минске серьезных научных сил. Однако времени для этого уже не оставалось. С характерной для 1920-х годов белорусизацией было покончено, все ее деятели на научном поприще получили политическое клеймо «нацдемов». В белорусской и центральной прессе самым причудливым образом оказались объединены научные оппоненты. Дурново лишился звания белорусского академика как противник самостоятельности белорусского языка, отрицающий применимость марксизма «к теории языка». «Нацдемов» из руководства гуманитарного отдела БАН обвиняли в притворности их «нападков» на Карского, за которыми в действительности якобы стояла «смычка» с «русификаторскими великодержавными учеными» — Карским, Платоновым, Ляпуновым. Лёсик, Некрашевич, Бузук и многие другие подверглись арестам, высылкам и заключению.

Л. Е. Горизонтов: Переходим к долгожданной дискуссии по большой группе выступлений. Почему в Закарпатье Прага поддержала украинскую линию? Ведь там была и некоторая альтернатива. И, кроме того, в Восточной Словакии, которая входила в состав того же государства, местные власти поддерживали скорее русинское направление, чем украинское.

Е. П. Серапионова: Масарика упрекали в украинофильстве еще до Первой мировой войны, репутацию украинофила он имел в России. Сам

Масарик отрецировался от какого-либо принципиального украинофильства, ссылаясь на сугубо тактические соображения. В Подкарпатской Руси на протяжении межвоенного периода, кроме русинского и украинофильского, существовало русофильское направление, поддержанное осевшими в Чехословакии эмигрантами из России. Так что не только украинофилы укрепили свои позиции благодаря эмиграции.

Тенденция к русско-украинскому размежеванию проявлялась не только в Подкарпатье, но и шире: Чехословакия была, пожалуй, единственной европейской страной, где достаточно четко различалась украинская и русская эмиграция, тогда как повсеместно выходцы из России считались русскими.

Позиция властей, видимо, объясняется тем, что, поскольку Украины как самостоятельной государственной единицы тогда не существовало, они менее всего опасались украинского сепаратизма, как этого можно было ожидать в случае с русофилами. Поддерживать же провенгерские тенденции не было никакого резона ввиду напряженности чехословацко-венгерских отношений. Что касается Восточной Словакии, то там, между прочим, до сих пор очень сильно русинское направление, это центр русинства, именно там проживают, можно сказать, его теоретики, у них тесные связи с североамериканскими сородичами. Это характерно и для рассматриваемого времени, безотносительно к позиции местных властей.

И. В. Михутина: В Закарпатской Руси русская ориентация традиционно была весьма сильной. Впрочем, и в Галиции русофильское течение было очень сильным, пока по нему не нанесли удар во время Первой мировой войны. Да и в России консервативная часть беженцев-москвофилов пострадала от революции.

Существовали ли в действительности такие организации, как Союзы освобождения Белоруссии и Украины?

А. К. Кавко: Эти организации признаны мифическими. Деятельность их фабриковалась спецслужбами. В 1950—1960-е годы и позднее, в период перестройки, все проходившие по соответствующим делам лица реабилитированы, включая деятелей БНР.

Б. И. Греков: Как соотносится известное высказывание Ленина о том, что Украина являлась колонией России, с большевистской политической украинизацией?

Е. Ю. Борисенко: Колонией Украина не была, но, конечно, во многом курс большевиков на украинизацию мыслился как противовес политике самодержавия.

Л. Е. Горизонтов: Была ли неизбежной политика коренизации, или же, после того как большевики пришли к власти, у нее имелась альтернатива? Выбирая курс, предвидели они хотя бы в общих чертах, к чему он приведет и в плане развития национального самосознания, и в плане их собственной политики, которая впоследствии довольно резко пресекла данную линию развития?

Е. Ю. Борисенко: Выбор курса обусловила целая совокупность факторов, внутривполитических и внешнеполитических, объективных и субъективных. Мне кажется, что исход был вполне очевидным.

Л. Е. Горизонтов: Думаю, что все было сложнее. Речь идет о процессе, который занял около десяти лет. И в начале его результаты были далеко не ясны ни для одной из сторон. В этом сложность комплекса проблем, связанных с политикой коренизации.

В заслушанных докладах упоминалось о том, что польские власти делали все возможное, чтобы воспрепятствовать влиянию Галичины на Волинь. Как эти два региона соотносились в политике межвоенной Польши?

С. В. Ольховский: Галицийские политические, культурные и хозяйственные организации никогда не прекращали попыток распространить свое влияние на Волинь, рассчитывая разбудить там столь же сильное национальное движение, как и в самой Галиции. Польские власти боролись с этими попытками еще до майского переворота. Однако если эндация стремилась контролировать в основном хозяйственные организации, не отказываясь от заключения соглашений с политическими структурами типа УНО, то для Меха и Юзевского именно последние стали главным врагом и их деятельность подвергалась на Волини достаточно серьезным гонениям. Стоило появиться галицийским элементам в какой-либо организации, и она сразу же становилась подозрительной для властей. Хотя, на самом деле, гораздо большая угроза исходила от ширившегося влияния коммунистов.

Л. Е. Горизонтов: Таким образом, уже не существовавшая граница между украинскими землями Российской империи и бывшей австрийской Украиной сохранялась.

И. В. Михутина: Каковы результаты десятилетней политики Юзевского?

С. В. Ольховский: Польские и украинские исследователи оценивают итоги этой политики крайне неоднозначно. С середины 1930-х годов поляки называли Юзевского украинофилом и обвиняли его в предательстве государственных интересов, под которыми понимали исключительно укрепление польского начала. Действия же воеводы, нельзя не признать, приводили к обратному.

И. В. Михутина: А как реагировали сами волыняне?

С. В. Ольховский: Первое время реакция местных украинцев отличалась большой осторожностью, поскольку для реализации своих планов воевода пригласил на Волынь единомышленников, многие из которых были с Киевщины. В самом воеводстве он опоры не имел, отсутствовали серьезные силы, выступающие за польско-украинское сотрудничество.

Л. Б. Милякова: Получается, что политика польских властей в отношении национальных меньшинств в регионах Второй Речи Посполитой была разной: в отношении Западной Белоруссии — одна, в отношении Волыни — другая?

Ю. А. Лыбынцев: У Волыни и Западной Белоруссии очень много сходного, хотя каждый из регионов имел и свою специфику, определяемую, в частности, конфессиональным фактором.

Л. Е. Горизонтов

Мы имели возможность убедиться в том, что взаимодействие политики государств и активности национальных движений происходило в очень широком диапазоне: от оппозиционности последних, не исключая самых радикальных способов протеста, до участия национальных демократов в организованной по этнократическому принципу власти. И практика национального притеснения, и практика благоприятствования национальному развитию — каждая по-своему питала национальные движения, стремившиеся к мобилизации этноса и политическому контролю над ним. Очевидно, однако, что именно очаги национальной государственности явились

теми могучими локомотивами, катализаторами, которые сумели придать процессу консолидации наций присущую фазе С (по М. Гроху) динамику.

Неоспоримо огромное влияние событий и процессов первой трети XX в. на последующие судьбы Украины и Белоруссии. Именно тогда окончательно сложились представления об украинской и белорусской национальной территории. В межвоенный период тянутся корни кровавых украинско-польских и советско-украинских столкновений времен Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Формируются будущие регионы-детонаторы, которые много десятилетий спустя сыграют свою роль в разрушении СССР. Относящиеся к указанному периоду символические акты, а также появление новых знаковых фигур национальных пантеонов оказались исключительно важными в плане преемственности государственной традиции.

Итоги недавно закончившегося столетия побуждают воспринимать национальное государство как необходимый атрибут нации, закономерный итог ее эволюции, однако непредвзятый анализ конкретного материала дает возможность воссоздать более сложную и неоднозначную картину путей и перепутей исторического развития.

Именной указатель участников проекта*

Аксенова Елена Петровна (2) — кин, снс Института славяноведения (ИСл) РАН (Отдел восточного славянства)

Александровский Иван Сергеевич (2) — аспирант ИСл РАН (Отдел восточного славянства)

Борисенок Елена Юрьевна (2, 3) — кин, нс ИСл РАН (Отдел восточного славянства)

Верниковская Елена Анатольевна (1) — мнс ИСл РАН (Отдел восточного славянства) до 2003 г.

Горизонтов Леонид Ефремович (1, 2, 3) — дин, зав. отделом ИСл РАН (Отдел восточного славянства)

Греков Борис Игоревич (2, 3) — кин, снс ИСл РАН (Отдел истории славянских народов периода мировых войн)

Дмитриев Михаил Владимирович (1) — дин, проф. истфака МГУ

Долбилов Михаил Дмитриевич (2) — кин, снс Воронежского ГУ

Досталь Марина Юрьевна (2, 3) — кин, снс ИСл РАН (Отдел восточного славянства)

Запольская Наталья Николаевна (1) — дфн, внс ИСл РАН (Отдел типологии и сравнительного языкознания)

Кавко Алексей Константинович (3) — дфн, внс Института мировой литературы РАН до 2004 г.

Клопова Мария Эдуардовна (2, 3) — мнс ИСл РАН (Отдел восточного славянства)

Лабынцев Юрий Андреевич (1, 2, 3) — дфн, внс ИСл РАН (Отдел восточного славянства)

Левкиевская Елена Евгеньевна (1, 2) — кфн, снс ИСл РАН (Отдел этнолингвистики и фольклора)

Лескинен Мария Войтовна (2) — кин, снс ИСл РАН (Отдел истории культуры славянских народов)

Липатов Александр Владимирович (1) — дфн, внс ИСл РАН (Отдел истории славянских литератур)

* В скобках указаны порядковые номера «круглых столов».

Лукашова Светлана Станиславовна (1, 2) — кин, нс Исл РАН (Отдел восточного славянства)

Мцякова Лидия Борисовна (3) — кин, нс Исл РАН (Отдел современной истории и социально-политических проблем стран Центральной и Юго-Восточной Европы) до 2003 г.

Михальченко Сергей Иванович (2) — дин, проф. Брянского ГУ

Михутина Ирина Васильевна (2, 3) — дин, внс Исл РАН (Отдел истории славянских народов периода мировых войн)

Ольховский Сергей Валерьевич (3) — аспирант истфака МГУ

Остапчук Оксана Александровна (1, 2, 3) — кфн, нс Исл РАН (Отдел восточного славянства)

Робинсон Михаил Андреевич (1, 2, 3) — кин, снс Исл РАН (Отдел восточного славянства)

Сазонова Лидия Ивановна (1) — дфн, гнс Института мировой литературы РАН

Серапионова Елена Павловна (3) — кин, снс Исл РАН (Отдел истории славянских народов периода мировых войн)

Федевич Климентий Климентьевич (3) — аспирант истфака МГУ

Флоря Борис Николаевич (1) — дин, чл.-корр. РАН, зав. Отделом Исл РАН (Отдел истории средних веков)

Шубин Александр Владленович (3) — дин, внс Института всеобщей истории РАН

Щавинская Лариса Леонидовна (1, 2, 3) — кфн, снс Исл РАН (Отдел восточного славянства)

Яковенко Сергей Георгиевич (1) — кин, снс Института российской истории РАН

Сокращения

- кин — кандидат исторических наук
кфн — кандидат филологических наук
дин — доктор исторических наук
дфн — доктор филологических наук
чл.-корр. — член-корреспондент
проф. — профессор
мнс — младший научный сотрудник
нс — научный сотрудник
снс — старший научный сотрудник
внс — ведущий научный сотрудник
гнс — главный научный сотрудник

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Е. Горизонтов. Исторические пути и перепутья восточных славян глазами российских ученых</i>	3
1. Восточные славяне в XVII-XVIII вв.: этническое развитие и культурное взаимодействие	19
2. Механизмы формирования украинской и белорусской наций в российском и общеславянском контексте (дореволюционный период)	75
3. Государственно-политический фактор в развитии украинской и белорусской наций (первая треть XX в.)	156
Именной указатель участников проекта	251
Сокращения	253

Научное издание

**НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ
И БЕЛОРУССКОЙ НАЦИЙ:**

ФАКТОРЫ, МЕХАНИЗМЫ, СООТНЕСЕНИЯ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Л. Е. Горизонтов*

Сборник подготовлен к печати
в отделе редакционной подготовки рукописей
Института славяноведения РАН

Подписано в печать 16.11.2004 г.
Тираж 500 экз. Заказ № 122

Объем 16,0 печ.л.
Цена договорная

ООО «Стратегия» г. Москва.

НА ПУТЯХ СТАНОВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ